

Вестник Московского университета

ISSN 2073–2643

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Посвящается 270-летию
Московского
государственного
университета
имени М. В. Ломоносова

Серия 21
управление
(государство и общество)

2/2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Никонов В. А. – доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, заведующий кафедрой международных организаций и проблем глобального управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ, главный редактор

Петрунин Ю. Ю. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов и информационных технологий в управлении, факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ, заместитель главного редактора

Григорьева Н. С. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления, факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ, заместитель главного редактора

Орлова Л. Н. – доктор экономических наук, профессор, факультет государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ, заместитель главного редактора

Логанова Л. Б. – кандидат философских наук, доцент факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, редактор

Сухарева М. А. – кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ, ответственный секретарь

Акаев А. А. – доктор технических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт математических исследований сложных систем МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Аничкин Е. С. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета, РФ; Барабашев А. Г. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной и муниципальной службы, НИУ ВШЭ, РФ; Безруков А. В. – доктор юридических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, РФ; Воронов А. С. – доктор экономических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Гагарина Г. Ю. – доктор экономических наук, профессор, зав. каф. национальной и региональной экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова, РФ; Глазьев С. Ю. – доктор экономических наук, академик РАН, заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Ишихов К. А. – доктор юридических наук, доцент факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Комрашев А. А. – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права, юридический институт, Сибирский федеральный университет, РФ; Кудина М. В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики инновационного развития факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; профессор факультета менеджмента в МГУ-ППИ в г. Шэньчжэнь; Лексин И. В. – доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Леонтьева Л. С. – доктор экономических наук, профессор факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Наумов А. О. – доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Ливин А. Я. – доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Проказина Н. В. – доктор социологических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Пузачев В. П. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой управления персоналом факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Садриев А. Р. – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой инноваций и инвестиций, Казанский Федеральный университет, РФ; Серебrenников С. С. – декан факультета инженерного менеджмента, зав. кафедрой теории и систем отраслевого управления, доктор экономических наук, РАНХиГС, РФ; Смотрицкая И. И. – доктор экономических наук, Институт экономики РАН, РФ; Соловьев К. А. – доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Сидоров А. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления, МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Семенов А. Л. – доктор физико-математических наук, академик РАН, зав. кафедрой математической логики и теории алгоритмов механико-математического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, РФ; Цетков В. А. – доктор экономических наук, Институт проблем рынка РАН, член-корр. РАН, директор ИПР РАН, РФ; Чаннов С. Е. – доктор юридических наук, Саратовская государственная юридическая академия, РФ; Чубарова Т. В. – доктор экономических наук, PhD (LSE, Social Policy), заведующая Центром экономической теории социального сектора, главный научный сотрудник, Институт экономики РАН, РФ; Полосин Г. А. – доктор социологических наук, профессор, президент Армянской социологической ассоциации, действительный член Национальной Академии Наук Республики Армения; Мартон Геллен – доцент, Национальный университет государственной службы Людовика, Венгрия; Шонсиматуллоев Шонзар – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ (социология), заведующий отделом социологии Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН РТ, Таджикистан; Ван Чжэньянь – доктор педагогических наук, профессор, декан Евразийского колледжа Хэнаньского университета, научный сотрудник и приглашенный ученый Школы педагогических наук Колумбийского университета.

Ребрикова А. Г. – технический редактор.

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Серия 21 УПРАВЛЕНИЕ
(ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО)

№ 2 • Том 22 • 2025 • АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит с 2004 г. один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология управления

- Зайцева Т.В., Фан Цзыци. Восприятие организационной справедливости системы вознаграждений: социологический анализ ключевых факторов 3
- Логвенков И.С. Политический детерминизм экономической политики РСФСР в рыночных преобразованиях 1991 г. 27
- Охотский Е.В. Правящая элита: статусные императивы, компетенции, стратегические и ситуационные трансформации 47

Правовое обеспечение управления

- Астраханцев Д.В. Проблема определения понятия «федеральная территория» в отечественной юридической науке и законодательной практике. 69
- Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая). 87
- Крамаровский Л.О. Публично-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в промышленности 114

Отраслевое и региональное управление

- Зайцева А.С. Брендинг российских городов: теоретические основы и практическая реализация 126
- Леонтьева Л.С., Чжао Н. Направления реализации политики устойчивого развития в регионах Российской Федерации в условиях турбулентности . . . 148
- Николаев Д.А. Комплексное развитие территорий как инструмент обеспечения региональной экономической безопасности: новые возможности и механизмы реализации 166

История управленческой мысли

- Волгин Е.И. Парламентские выборы 1993 г. в РФ: электорально-финансовые аспекты 184
- Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Ретроспективный взгляд на планирование в России: советский и постсоветский периоды 205
- Чипенко Н.С. Молодежные организации позднего СССР (1980-е гг.) и постсоветской России (1990-е гг.) в отечественной исследовательской литературе 225

CONTENTS

Theory and Methodology of Management

- Zaytseva T.V., Fang Ziqi.* Perception of organizational justice in reward system:
a sociological analysis of key factors 3
- Logvenkov I.S.* The Political Determinism of the RSFSR's Economic Policy in the
Market Reforms of 1991 27
- Okhotsky E.V.* The Ruling Elite: Status Imperatives, Competencies, Strategic and
Situational Transformations 47

Legal Support of Management

- Astrakhantsev D.V.* The Problem of Defining the Notion of “Federal Territory” in
Russian Legal Science and Legislative Practice 69
- Leksin I.V.* State and (or) Evolution: Problems of Juristic Reasoning on the State
Concepts, on the Origin and Development of the States (Part Two) 87
- Kramarovskii L.O.* Public-Law Regulation of Artificial Intelligence Use in In-
dustry 114

Industry and Regional Management

- Zaytseva A.S.* Branding of Russian Cities: Theoretical Foundations and Practical
Implementation 126
- Leontieva L.S., Djao N.* Directions of Implementation of the Sustainable Develop-
ment Policy in the Regions of the Russian Federation in Conditions of Turbu-
lence 148
- Nikolaev D.A.* Integrated Territorial Development as a Tool for Ensuring Regional
Economic Security: New Opportunities and Implementation Mechanisms 166

History of management thought

- Volgin E.I.* The 1993 Parliamentary Elections in the Russian Federation: an Analysis
of Electoral and Financial Aspects 184
- Molchanov I.N., Molchanova N.P.* Retrospective Look at Planning in Russia: Soviet
and Post-Soviet Periods 205
- Chipenko N.S.* Youth Associations of the Late USSR (1980) and Post-Soviet Russia
(1990) in Russian Research Literature 225

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-3-26

ВОСПРИЯТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ СИСТЕМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ

Т.В. Зайцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

zaytv@spa.msu.ru

Фан Цзыци

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

fangzqi0523@163.com

Аннотация. В последние десятилетия проблема справедливости вознаграждений превратилась в одну из центральных тем научных и прикладных исследований. В условиях расширения государственного сектора экономики в РФ, усиления геополитических рисков и растущей конкуренции, обеспечение справедливости вознаграждений в государственных организациях стало стратегической необходимостью, а не просто вопросом личного усмотрения руководителей.

С теоретической точки зрения справедливость вознаграждений можно анализировать с помощью различных концепций. Такие теории, как теория справедливости (Equity theory), теория относительной депривации (Relative deprivation theory) и теория социального сравнения (Social comparison theory), подчеркивают глубинные психологические механизмы, посредством которых восприятие справедливости вознаграждений оказывает влияние на поведение сотрудников. Кроме того, теория организационной справедливости (Organizational justice theory) раскрывает эту тему в четырех ключевых измерениях: дистрибутивная, процедурная,

межличностная и информационная, создавая дополнительные плоскости для анализа.

Указанные концепции и подходы выступили системой координат для вторичного анализа данных исследований по ключевым проблемам в обеспечении справедливости вознаграждения в организациях государственного сектора РФ, а также для подведения итогов исследования, проведенного среди сотрудников Китайской государственной корпорации железнодорожного транспорта. Полученные данные позволяют рассматривать справедливость не как абстрактный управленческий ориентир, а как динамичную систему оценок, связывающую формальные организационные решения с субъективным восприятием сотрудников. Такая взаимосвязь формирует критически важные для организации последствия: результативность труда, доверие сотрудников, трудовую мотивацию и устойчивость к внешним вызовам.

Ключевые слова: организационная справедливость, система вознаграждений, оплата труда, трудовая мотивация, легитимность управления

Для цитирования: Зайцева Т.В., Фан Цзыци Восприятие организационной справедливости системы вознаграждений: социологический анализ ключевых факторов // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 3–26.

Дата поступления в редакцию: 01.05.2025

PERCEPTION OF ORGANIZATIONAL JUSTICE IN REWARD SYSTEM: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF KEY FACTORS

Zaytseva Tatiana Vyatcheslavovna

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
zaytv@spa.msu.ru

Fang Ziqi

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
fangziqi0523@163.com

Abstract. In recent decades, the issue of compensation fairness has become one of the central topics in both academic and applied research. Given the expansion of the public sector in the Russian economy, increasing geopolitical risks, and growing competition, ensuring fair compensation in state organizations has evolved from a matter of managerial discretion into a strategic imperative.

© Zaytseva T.V., Fang Ziqi, 2025

From a theoretical perspective, compensation fairness can be analyzed through various conceptual frameworks. Theories such as Equity Theory, Relative Deprivation Theory, and Social Comparison Theory highlight the profound psychological mechanisms through which perceptions of fairness influence employee behavior. Furthermore, Organizational Justice Theory expands this discourse across four key dimensions — distributive, procedural, interpersonal, and informational — creating additional analytical perspectives.

These theoretical frameworks served as the foundation for a secondary analysis of research data on critical challenges in ensuring compensation fairness within Russia's public sector organizations, as well as for summarizing findings from a study conducted among employees of a Chinese state-owned rail transit corporation. The results demonstrate that fairness should not be viewed merely as an abstract managerial ideal but rather as a dynamic evaluative system that bridges formal organizational structures with employees' subjective perceptions. This linkage fosters psychologically critical factors for organizations — trust, work motivation, and resilience to external challenges.

Key words: organizational justice, compensation system, remuneration, work motivation, managerial legitimacy.

For citation: Zaytseva T.V., Fang Ziqi. Perception of organizational justice in reward system: a sociological analysis of key factors // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 3–26.

Received: 01.05.2025

Введение

Проблема справедливости вознаграждений не случайно привлекает внимание как исследователей, так и практиков. Воспринимаемая сотрудниками справедливость вознаграждения опосредует многие поступки на рабочих местах, оказывая прямое влияние на производительность труда, отношение к организации и к руководству, производственное поведение. Для понимания справедливости в управлении вознаграждениями необходимо опираться на различные теоретические концепции, углубленный синтез которых формирует базу для выстраивания практики справедливых компенсаций.

Под вознаграждениями в данной работе понимаются материальные (все виды денежных выплат, льготы, социальный пакет) и нематериальные поощрения (карьерный рост, престижное или интересное обучение, моральные награды). Однако главное место в системе вознаграждений отводится в первую очередь денежным выплатам и карьерному росту, так как именно они вызывают наиболее болезненные и заметные реакции со стороны сотрудников при нарушении принципов справедливости.

Центральной теорией в дискуссиях о справедливости оплаты труда является теория справедливости (равенства) Дж.С. Адамса, который доказал, что сотрудники постоянно оценивают справедливость соотношения между вкладом, который они вносят в работу, и вознаграждениями, которые они получают. Согласно его исследованиям, интенсивность и качество труда сотрудников напрямую зависят от ожидаемого вознаграждения, которое сравнивается с аналогичными показателями коллег как мера справедливости¹.

В теории социального сравнения Л. Фестингера раскрыты механизмы восприятия справедливости вознаграждения через взаимное оценивание. В отличие от теории С. Адамса, которая концентрируется на связи «вклад — вознаграждение», в теории Л. Фестингера подчеркивается, что люди имеют врожденную потребность в постоянном оценивании своих способностей и достижений. Поскольку объективные способы оценки не всегда доступны, люди прибегают к социальному сравнению — сравнению себя с другими для оценки своих успехов, статуса или мнений, даже вне рабочих задач². Результаты сравнения влияют на самооценку, если сотрудник воспринимает себя «хуже» коллег, это может привести к стрессу или заниженным амбициям. Р. Стофберг, К. Мабасо и М. Буссин далее обнаружили, что прозрачность вознаграждения влияет на вовлеченность сотрудников за счет расширения возможностей для социального сравнения³. Примечательно, что чувствительность к результатам социального сравнения варьируется в зависимости от личности. Иными словами, разные сотрудники по-разному оценивают меру справедливости на фоне объективно одинаковых показателей распределения вознаграждений, что еще раз подчеркивает значимость понимания принципов эффективного поощрения.

Проливает свет на влияние индивидуальных особенностей на восприятие справедливости вознаграждений теории, описывающие феномены ожиданий работников. Например, теория ожиданий В. Врума указывает, что мотивация сотрудника напрямую зависит от того, насколько он понимает, какие действия приведут к опре-

¹ Adams J.S. Towards an understanding of inequity // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Is. 67(5). P. 422–436.

² Festinger L. A theory of social comparison processes // *Human relations*. 1954. Is. 7(2). P. 117–140.

³ Stofberg R., Mabaso C.M., Bussin M.H. Employee responses to pay transparency // *SA Journal of Industrial Psychology*. Is. 48(1). P. 1–12.

деленным результатам (например, понятные и достижимые КПЭ) и каким образом эти результаты будут вознаграждены (например, объективное подведение итогов и распределение вознаграждения по четким критериям). В наши дни К. Коттон и др. показали, что воспринимаемая прозрачность распределения вознаграждений укрепляет ожидания сотрудников. Секретные, нечеткие или непоследовательные системы вознаграждения, которые воспринимаются сотрудниками как несправедливые, ослабляют ожидания, тем самым снижая мотивационную силу управленческих воздействий на персонал и их ответное производственное поведение⁴. Эти же авторы обращаются к теории самодетерминации, в которой особое внимание уделяется потребностям в автономии, компетентности и принадлежности у сотрудников. Было показано, что прозрачные системы признания заслуг по параметрам компетентности, приверженности и самостоятельности усиливают восприятие справедливости. П. Гелард и С. Резаи также подтвердили, что системы вознаграждений, игнорирующие индивидуальные особенности сотрудников (профессионализм, командность, позитивность в общении, и т.п.), рискуют подорвать не только мотивацию, но и доверие сотрудников к компании и к ее руководству⁵.

Другая грань в восприятии справедливости вознаграждения раскрывается через механизмы сравнения сотрудниками полученного вознаграждения и упущенной выгоды. Например, в теории, которая редко цитируется в русскоязычной литературе, а именно теория неприятия потерь утверждается, что люди сильнее реагируют на потерю, чем на увеличение дохода на такую же величину⁶. Д. Канеман, Дж. Кнетч и Р. Талер отмечают, что потери ощущаются интенсивнее, чем выгоды. В управленческом контексте это означает, что несправедливое вознаграждение (например, обещанное, но не произведенное повышение в должности) вызывает у сотрудников сильные негативные эмоции и демотивацию, которые значительно превышают положительный эффект от аналогичного поощрения

⁴ Cotton C., Gifford J., Young J. Incentives and recognition: an evidence review. Practice summary and recommendations. London: Chartered Institute of Personnel and Development. 2022. [Электронный ресурс]. URL: incentives-recognition-practice-summary_tcm18-105466.pdf — Yandex Documents (дата обращения: 08.06.2025).

⁵ Gelard P., Rezaei S. The Relationship between Job Motivation, Compensation and Job Satisfaction in Employees of Tax Administration — A Case Study in Tehran // Asian Social Science. 2016. Is. 12(2). P. 165–171.

⁶ Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. Is. 47. P. 263–291.

(например, вовремя произведенного повышения)⁷. Теория неприятия потерь учит, что организациям необходимо минимизировать ситуации, когда сотрудники ощущают несправедливость или потерю в системе вознаграждения, так как последствия таких решений могут привести к снижению мотивации, продуктивности и даже к уходу ценных сотрудников из компании.

Еще в одной редко цитируемой российскими исследователями теории — теории неприятия несправедливости утверждается, что люди противостоят несправедливому распределению благ. И. Фер и К. Шмидт показали, что сотрудники могут жертвовать личной выгодой, чтобы наказать компанию за воспринимаемую несправедливость⁸. Другие авторы доказали связь между неприятием несправедливости и увольнением с работы⁹. Это говорит о том, что восприятие несправедливости вознаграждений может спровоцировать у сотрудников поведение, направленное на возмездие и месть, подрывая организационную стабильность изнутри.

Теория относительной депривации фокусируется на эмоциональном воздействии воспринимаемой несправедливости. Относительную депривацию определяют как ситуацию, когда человек считает, что имеет меньше, чем заслуживает¹⁰. Например, китайские исследователи выявили, что разрыв в оплате труда внутри организации провоцирует чувство обойденности и несправедливой лишенности чего-то (депривации), особенно в быстрорастущих экономиках, где «правила игры» в организациях неустойчивые. Такое восприятие может вызывать депрессивные состояния, пассивность, подпитывая незаинтересованность работников в производительном и качественном труде¹¹.

Наиболее цитируемой и часто используемой теорией восприятия справедливости оплаты труда является теория организационной справедливости, которая развивалась в рамках исследований

⁷ Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H. The endowment effect, loss aversion, and status quo bias // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Is. 5(1). P. 193–206.

⁸ Fehr E., Schmidt K.M. A theory of fairness, competition, and cooperation // *The quarterly journal of economics*. 1999. Is. 114(3). P. 817–868.

⁹ Banks J., Patel C., Mohammed M. Perceptions of inequity in the workplace: Exploring the link with unauthorized absenteeism // *SA Journal of Human Resource Management*. 2012. Vol. 10. Is. 1. P. 1–8.

¹⁰ Heather S., Pettigrew T., Yuen H. Relative Deprivation Theory: Advances and Applications. 2020. [Электронный ресурс]. URL: (PDF) Relative Deprivation Theory: Advances and Applications Advances and Applications (дата обращения 09.06.2025).

¹¹ Dai Y., Kong D., Xu J. Does fairness breed efficiency? Pay gap and firm productivity in China // *International Review of Economics & Finance*. 2017. Is. 48. P. 406–422.

организационной справедливости несколькими учеными. Обобщая исследования, проведенные в данной области, можно выделить четыре измерения организационной справедливости: дистрибутивная (распределительная), процедурная, межличностная (иногда называемая как коммуникативная) и информационная¹². Четыре измерения справедливости образуют систему координат, с помощью которой сотрудники оценивают справедливость оплаты труда и других форм вознаграждений. Каждое измерение подчеркивает отдельный, но взаимосвязанный аспект справедливости и указывает на то, что реакция сотрудников формируется не только под влиянием результатов как таковых, но и совокупности процессов, отношений и коммуникаций, связанных с вознаграждением.

Влияние воспринимаемой справедливости вознаграждений на результаты труда и производственное поведение сотрудников

Феномены справедливости продолжают привлекать внимание исследователей благодаря выделенным взаимосвязям между восприятием справедливости вознаграждений сотрудниками и результатами деятельности организации. Организационные достижения в данном случае складываются из таких компонентов, подверженных влиянию представлений о справедливости вознаграждений, как результаты труда, удовлетворенность трудом, мотивация, вовлеченность, лояльность и текучесть, а также конфликтность персонала. Рассмотрим эти взаимосвязи подробнее.

Результаты труда сотрудников тесно связаны с воспринимаемой справедливостью вознаграждения. Как было показано теорией С. Адамса, сотрудники, которые верят, что их усилия будут справедливо вознаграждены, с большей вероятностью будут ставить перед собой амбициозные цели и проявлять настойчивость в выполнении сложных задач. В наши дни арабские исследователи постарались конкретизировать области воспринимаемой справедливости. Они выявили, что справедливость в структуре вознаграждений имеет следующие ключевые измерения: справедливость оплаты, справедливость карьерного продвижения, справедливость в оценке компетенций, гендерную справедливость. Достижение справедливости в этих областях улучшает выполнение профессиональных задач, повышая чувство ответственности и мотивацию к труду. И наоборот, нечеткие критерии и непоследовательные решения по возна-

¹² Гулевич О.А. Справедливость в организации: условия и последствия // Организационная психология. 2012. № 1. С. 58–70.

граждениям могут приводить к демотивации и отчуждению¹³. Сотрудники снижают трудовой энтузиазм, в крайних случаях могут прибегать к увольнению и «итальянской забастовке».

Взаимосвязь между справедливостью вознаграждения и удовлетворенностью трудом прослеживается следующим образом: прозрачность при принятии решений о заработной плате повышает удовлетворенность, поскольку благодаря ей результаты воспринимаются как заслуженные¹⁴. Когда системы компенсаций отвечают как рациональным, так и эмоциональным ожиданиям, у сотрудников, как правило, формируется более позитивное отношение к своей работе и руководству.

Исследования показали, что справедливое вознаграждение также повышает как внутреннюю, так и внешнюю мотивацию. Сотрудники видят подтверждение своей ценности, когда их вклад признают и справедливо оценивают. Это придает дополнительную энергию их усилиям, возникает чувство эмоционального подъема и желание сделать для организации больше, чем того требуют должностные обязанности¹⁵.

Важнейшая организационная взаимосвязь прослеживается также между справедливостью и лояльностью сотрудников, которая, в частности, проявляется в показателях текучести кадров. Лояльность сотрудников строится на доверии к тому, что организационные решения справедливы и объективны. Несправедливость подрывает это доверие, создавая психологическую дистанцию и повышая риск текучести кадров. Американские исследователи обнаружили, что, когда сотрудники считают вознаграждения несправедливыми, их привязанность к организации значительно ослабевает. Справедливые системы, напротив, помогают удерживать персонал. Сотрудники с большей вероятностью останутся, если будут воспринимать справедливость не как разовый жест, а как устойчивую организационную норму¹⁶.

¹³ *Aljounaidi A., Mohammed Z., Ateik A.* Factors Affecting the Relationship Between Fairness and Employee Success: Case Study // *International journal of Finance and Management*. 2022. Vol. 1. Is. 1. P. 59–64.

¹⁴ *Stofberg R., Mabaso C. M., Bussin M. H.* Employee responses to pay transparency // *SA Journal of Industrial Psychology*. 2022. Is. 48(1), P. 1–12.

¹⁵ *Gelard, P., Rezaei S.* The Relationship between Job Motivation, Compensation and Job Satisfaction in Employees of Tax Administration — A Case Study in Tehran // *Asian Social Science*. 2016. Is. 12(2). P. 165–171.

¹⁶ *Larkin I., Pierce L., Gino F.* The Psychological Costs of Pay-for-Performance: Implications for the Strategic Compensation of Employees // *Strategic Management Journal*. 2012. Is. 33. P. 1194–1214. DOI: 10.1002/smj.1974.

Справедливое вознаграждение также способствует вовлеченности сотрудников в работу. Например, Р. Саллех и М. Мемон подтвердили, что удовлетворенность оплатой труда как компонент воспринимаемой справедливости предсказывает более высокий уровень вовлеченности. И наоборот, когда сотрудники чувствуют себя недооцененными, они часто снижают уровень добровольных усилий¹⁷.

Наконец, несправедливое вознаграждение может вызывать обиду и ослаблять сотрудничество между сотрудниками внутри трудового коллектива. Исследования выявили, что воспринимаемая несправедливость часто приводит к жалобам и социальной изоляции. Хотя эти конфликты не всегда проявляются вовне, они все равно могут негативно повлиять на сплоченность команды. Справедливость в этом смысле выступает в качестве профилактического фактора, снижающего вероятность того, что скрытая неудовлетворенность перерастет в видимую дисфункцию¹⁸.

Таким образом, обобщая проведенные исследования, можно выстроить следующую взаимосвязь между справедливостью вознаграждений и эффективностью деятельности организации (рис. 1).

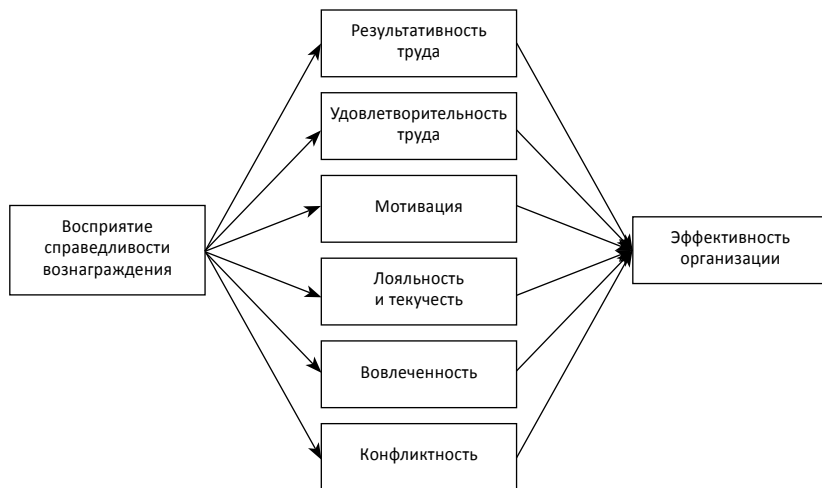

Рис. 1. Влияние восприятия справедливости вознаграждения на эффективность организации (составлено авторами)

¹⁷ Salleh R., Memon M.A. A review on the effects of pay satisfaction on employee engagement and turnover: a proposed mediating framework // International Business Management. 2016. Is. 9(3). P. 344–348.

¹⁸ Tichtich S., Lamine V., Khaiat A., Ramdane S. Relationship between Organizational Justice and Organizational Conflict: A Literature Review // Social Sciences and Education Research Review. 2025. Is. 11. P. 244–252.

Подводя итоги, можно утверждать, что соблюдение справедливости вознаграждений сотрудников является одним из ключевых факторов повышения организационной эффективности. Игнорирование феномена справедливости во всех его вышеописанных проявлениях неизбежно приведет к снижению конкурентоспособности и устойчивости организации, обостряя внутренние конфликты и провоцируя отток квалифицированных кадров.

Справедливость вознаграждений в государственном секторе экономики Российской Федерации

Российская Федерация стоит перед огромным количеством вызовов, которые создают колоссальные барьеры и риски для устойчивости национальной экономики и перспектив поступательного социального развития страны и ее граждан. Как было показано выше, нарушения справедливости вознаграждений, которые напрямую влияют на эффективность деятельности организаций, являются одним из таких рисков. Анализ результатов научных и научно-прикладных исследований позволил выявить и систематизировать наиболее критичные проблемы соблюдения справедливости в отношении работников государственного сектора экономики в РФ.

1. Проблемы в дистрибутивной справедливости (справедливое распределение ресурсов и результатов).

Первая проблема, которая привлекает внимание множества исследователей, это *непрозрачность системы оплаты труда*. Как пишут А.Л. Сафонов и Ю.В. Долженкова, «в доленом отношении в денежном вознаграждении за труд в бюджетной сфере преобладает переменная часть, составляющая более 50% от всего заработка, что делает его непрозрачным, зависящим от воли руководства организаций»¹⁹. Недостаточная детализация и четкость в локальных актах и трудовых договорах в отношении критериев и условий премирования порождает субъективизм и несправедливость в оценке труда и выплате премий. В практике бюджетных и государственных организаций часто встречается ситуация, когда премии снижаются или не выплачиваются без объективного и прозрачного обоснования. Также несмотря на то, что с 2025 г. введены законы, ограничивающие снижение премий за нарушение трудо-

¹⁹ Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В. Оплата труда в бюджетной сфере: состояние и тенденции развития. Социально-трудовые исследования. 2022. № 46(1). С. 71. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-64-71

вой дисциплины и не более чем на 20% от месячной зарплаты, на практике работодатели иногда используют дисциплинарные взыскания как повод для необоснованного уменьшения всех выплат²⁰. Отсутствие четких процедур и критериев учета дисциплинарных взысканий при начислении премий приводит к неоправданным финансовым потерям работников и, в свою очередь, к снижению доверия к системе управления.

Отсутствие четких критериев и условий премирования приводит к *неравномерному распределению стимулирующих выплат* между руководителями и рядовым персоналом. Согласно исследованию У.А. Алиева, «весь фонд оплаты труда находится в руках менеджмента компании и может расходоваться практически бесконтрольно. Премияльная часть зарплаты, составляющая до 80% дохода работника, выплачивается на основе показателей KPI, которые разрабатываются менеджментом и могут не иметь никакого отношения к реально выполняемой работе, либо оцениваться в таких показателях, которые исключают получение премии»²¹. Таким образом, область оплаты труда становится объектом манипулирования со стороны узкого круга лиц (руководителей). Отсутствие прозрачных и объективных критериев оценки эффективности труда порождает эгоистичные решения руководства о перераспределении премиального фонда, прежде всего, в свою пользу на фоне слабого контроля со стороны государства. Это снижает мотивацию сотрудников, порождает протестные движения, толкает работников на акции возмездия и приводит к конфликтам.

2. Проблемы в области процедурной справедливости (справедливые процессы принятия решений).

Как пишут исследователи, сотрудники зачастую не участвуют в принятии решений, касающихся их профессиональной деятельности, оплаты труда и условий работы²². Процедуры оценки достижений и самих сотрудников, решения о продвижениях по службе и увольнениях нередко являются непонятными для персонала, что создает предпосылки для произвола и дискриминации со стороны руководителей. Это может вызывать чувство несправедливости,

²⁰ Премии можно будет снижать за дисциплинарные проступки. Коммерсантъ. № 17 от 28.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7756403> (дата обращения 09.06.2025).

²¹ Алиев У.А. Влияние оплаты труда на напряженность в системе социально-трудовых отношений // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 90.

²² Яковлев А.А. Государственный сектор в российской экономике: проблемы и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 5–23.

невозможности влиять на свою рабочую среду. Наиболее тяжелым последствием нарушений процедурной справедливости является возникновение у работников феномена «выученной беспомощности» — убежденность человека в том, что его действия не могут изменить негативные условия, даже в том случае, если на самом деле такая возможность имеется²³.

Многие исследователи также отмечают *клановость, карьерный протекционизм и требования личной преданности* со стороны руководителей как платы за возможности карьерного роста и дополнительного премирования²⁴.

Наконец, завершает рассмотрение нарушений в области процедуры справедливости неэффективность механизмов защиты прав работников. Трудовые инспекции и профсоюзы не всегда эффективно защищают права работников в государственном секторе (особенно в регионах), что может приводить к нарушениям трудового законодательства и ощущению безнаказанности. Исследователями также признаются проблемы доступа к правосудию²⁵.

3. *Проблемы в сфере межличностной и информационной справедливости (справедливое отношение к работникам).*

Обобщенные исследования показывают, что от руководителей в государственном секторе экономики РФ редко требуют высоких показателей эмоционального интеллекта и этичности в отношении подчиненных²⁶. В некоторых организациях государственного сектора наблюдается неуважительное отношение руководства к подчиненным (часто носит анекдотический характер, но явля-

²³ Камнева Е.В., Полевая М.В., Симонова М.М. [и др.]. Социально-психологические факторы развития цифровой экономики // Москва: Общество с ограниченной ответственностью СВИВТ, 2020. 298 с.

²⁴ Волков В.С. Современная Иркутская элита: клановость и система сдержек и противовесов // Политические процессы и технологии: Материалы научной студенческой конференции Иркутского государственного университета, Иркутск. 01 апреля 2022 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 54–56; Иззиева Д.М. К проблеме безработицы в Республике Ингушетия // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 1406–1409.

²⁵ Стрельников С.В., Ларина Н.В. Правовые риски работника при включении премии как поощрительной (стимулирующей) выплаты в фактическую заработную плату и перспективы взыскания в судебном порядке // Правовое регулирование экономической деятельности. 2024. Том 9. № 2. С. 132–145.

²⁶ Мубаракишина О.А. Совершенствование эмоционального интеллекта руководителя // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (23). С. 104–115.

ется распространенной проблемой)²⁷. Как пишут некоторые авторы: «В ходе исследования был выявлен ряд ограничений, связанных с эмоциональным интеллектом линейных руководителей (ОАО РЖД) и влияющих на деятельность предприятия, а именно, средний уровень эмоционального интеллекта, низкая способность сдерживать импульсы, контролировать свои эмоции, проблемы в коммуникативном процессе, снижение эффективности работы и т.п.»²⁸. Сотрудники часто не получают достаточной обратной связи о своей работе и признания своих заслуг (особенно если нет прямых финансовых стимулов)²⁹.

Таким образом, основные проблемы справедливости вознаграждений в государственном секторе РФ связаны с недостаточной прозрачностью и формализацией систем премирования, субъективизмом в оценке труда, злоупотреблениями с дисциплинарными взысканиями, а также с несоблюдением минимальных стандартов оплаты. Недостаточная информированность работников усугубляет ситуацию. Современные законодательные изменения направлены на устранение этих проблем, однако их эффективная реализация требует системного контроля и повышения правовой культуры как работодателей, так и работников.

1. Методология исследования

В январе — марте 2025 г. авторами настоящей статьи было проведено масштабное исследование для понимания особенностей восприятия справедливости вознаграждений сотрудниками российского филиала китайской государственной корпорации. Целями исследования были, во-первых, выявить, какие факторы в наибольшей степени влияют на оценку справедливости вознаграждений сотрудниками. Во-вторых, продемонстрировать, что справедливость — это не абстрактная моральная категория, а воспринимаемый и управляемый аспект организационных систем.

²⁷ Седых О.Г., Авилова В.А., Алсаева Ю.Г. Смех на работе: контент-анализ анекдотов про руководителей // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2(163). С. 1224–1230.

²⁸ Мубаракишина О.А. Совершенствование эмоционального интеллекта руководителя // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (23). С.104.

²⁹ Германов И.А., Маркова Ю.С., Гордеева С.С. Организационная справедливость как фактор формирования вертикального доверия в организации (опыт исследования на предприятии нефтегазовой отрасли) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021 Том 7. № 4 (28). С. 8–28.

1.1. Дизайн исследования

В исследовании применялся метод раздаточного анкетирования с одномоментным сбором данных для анализа представлений сотрудников о справедливости вознаграждений в организации. На основе теорий дистрибутивной, процессуальной, межличностной и информационной справедливости был разработан структурированный опросник, включавший 16 утверждений, характеризующих разные проявления справедливости.

Данные были получены посредством онлайн-опроса, проведенного в социальных сетях. Цифровой формат сбора информации позволил обеспечить широкий охват аудитории, снизить организационные сложности и гарантировать конфиденциальность участников. В исследовании участвовали сотрудники российского проектного отдела Китайской государственной корпорации железнодорожного транспорта. Выборка формировалась методом удобного отбора ($n=203$). После очистки данных проанализировано 187 анкет (92,12% валидных ответов). Респонденты относились к разным группам должностей и уровням управления.

В связи с практическими ограничениями ресурсов был использован метод удобной выборки вместо полностью рандомизированного или стратифицированного дизайна. Для минимизации ограничения выборки были предприняты следующие меры:

1. Последующая проверка репрезентативности. При отсутствии прямых демографических данных репрезентативность оценивалась через соотнесение с организационными записями и полевыми наблюдениями: около 15% ответов поступило от административных отделов (в частности, HR и финансов), тогда как 85% — от инженерных команд. Гендерное распределение (7:1 в пользу мужчин, что соответствует отраслевым нормам) и соотношение рядовых сотрудников и менеджеров среднего звена (10:1) соответствовали известным структурным особенностям организации.

2. Статистический и контекстуальный контроль. Были проведены строгие статистические проверки для обеспечения внутренней валидности, несмотря на отсутствие демографических данных. Общая шкала показала высокую надежность ($\alpha=0,822$), а непараметрические корреляции с FDR-коррекцией выявили более 100 значимых взаимосвязей между пунктами. Все значения VIF были ниже 1,6, что исключает проблемы мультиколлинеарности и подтверждает различимость измеряемых конструктов.

3. Этическое и практическое обоснование анонимного дизайна. Полная анонимность сохранялась для обеспечения откры-

венности респондентов в чувствительном контексте (государственные предприятия Китая), где вопросы гендерного равенства и рыночной справедливости могут быть политически или профессионально чувствительными. Намеренное исключение демографических данных, минимизация пунктов опроса и смешанный метод распространения были сознательными дизайнерскими решениями для сохранения аутентичности ответов и снижения эффекта социальной желательности. Исключение топ-менеджеров дополнительно обеспечило психологическую безопасность участников.

1.2. Измерения

Опросник состоял из 16 утверждений с 5-балльной шкалой Лайкерта (1 — полное несогласие, 5 — полное согласие). Вопросы Q9 и Q13 имели инвертированную формулировку для контроля смещения согласия и повышения внимательности респондентов. Отрицательные корреляции этих пунктов с другими отражают не содержательные противоречия, а методически запланированную обратную направленность оценок.

Внутренняя согласованность 16-пунктной шкалы была подтверждена (коэффициент надежности Кронбаха $\alpha = 0,822$). Учитывая значительное отклонение от нормального распределения (тест Шапиро — Уилка, $p < 0,001$), использовались непараметрические методы. Для оценки взаимосвязей применялись коэффициенты корреляции Спирмена (ρ), при этом интерпретация ограничивалась значениями $|\rho| \geq 0,20$, а уровень значимости корректировался с помощью метода частоты ложных обнаружений (FDR: $p < 0,05 = *$, $p < 0,01 = **$). Корреляции интерпретировались следующим образом:

- Сильные: $|\rho| \geq 0,30$ при скорректированном FDR уровне значимости $**p < 0,01$;
- Умеренные: $0,20 \leq |\rho| < 0,30$ при скорректированном FDR уровне значимости $**p < 0,01$;
- Слабые: $|\rho| > 0,20$ при скорректированном FDR уровне значимости $*p < 0,05$;
- Исключенные: $|\rho| < 0,20$ независимо от значения p .

Были сформированы тематические подсекции (субшкалы), и их надежность повторно оценена с помощью коэффициента Кронбаха α . Значения показателя факторной инфляции дисперсии (VIF) оставались ниже 1,6, что исключает мультиколлинеарность и подтверждает независимость отдельных пунктов.

Средние значения, стандартные отклонения и взаимные корреляции между пунктами опроса

Воп- рос	M	SD	Q1	Q2	Q3	Q4	Q5	Q6	Q7	Q8	Q9	Q10	Q11	Q12	Q13	Q14	Q15	Q16
Q1	3,17	1,20	1															
Q2	3,30	1,15	0,22**	1														
Q3	3,06	1,10	0,33**	0,24**	1													
Q4	2,93	1,09	0,30**	0,24**	0,24**	1												
Q5	2,84	1,17	0,29**	0,23**	0,28**	0,27**	1											
Q6	3,14	1,16	0,32**	0,09	0,28**	0,19*	0,13	1										
Q7	2,47	1,16	0,17*	0,20*	0,25**	0,25**	0,08	0,31**	1									
Q8	3,02	1,09	0,22**	0,26**	0,37**	0,28**	0,36**	0,20*	0,20**	1								
Q9	3,11	1,20	-0,22**	-0,23**	-0,14	-0,36**	-0,25**	-0,17*	-0,23**	-0,22**	1							
Q10	2,56	1,10	0,19*	0,23**	0,22**	0,26**	0,16*	0,23**	0,30**	0,19*	-0,23**	1						
Q11	2,93	1,16	0,24**	0,13	0,36**	0,29**	0,17*	0,20*	0,23**	0,16*	-0,18*	0,12	1					
Q12	3,39	1,21	0,25**	0,32**	0,33**	0,30**	0,13	0,21**	0,36**	0,29**	-0,23**	0,28**	0,27**	1				
Q13	3,70	1,12	-0,16*	-0,34**	-0,14	-0,41**	-0,13	-0,14	-0,13	-0,16*	0,23**	-0,14	-0,20**	-0,15	1			
Q14	3,67	1,05	0,19*	0,15*	0,02	0,18*	0,20*	0,16*	0,16*	0,26**	-0,30**	0,19*	0,11	0,22**	-0,28**	1		
Q15	3,14	1,18	0,24**	0,25**	0,28**	0,34**	0,24**	0,21**	0,36**	0,18*	-0,20**	0,18*	0,19*	0,29**	-0,29**	0,14	1	
Q16	2,94	1,19	0,26**	0,15*	0,15*	0,31**	0,18*	0,13	0,23**	0,24**	-0,13	0,21**	0,15	0,22**	-0,17*	0,20**	0,15*	1

Примечание. Для выборки (N = 187) рассчитаны описательные статистики (M, SD) и корреляции Спирмена. Статистическая значимость и содержательная интерпретация оценивались по двухкритериальной схеме.

Для классификации корреляционных связей использовались следующие критерии:

сильные ($|\rho| \geq 0,30$, $r^{**} < 0,01$ с FDR-коррекцией); умеренные ($0,20 \leq |\rho| < 0,30$, $r^{**} < 0,01$); слабые ($|\rho| > 0,20$, $r^{*} < 0,05$).

Корреляции с $|\rho| < 0,20$ не интерпретировались. Все тесты двусторонние с FDR-коррекцией. Уровни значимости: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

1.3. Результаты исследования

16-пунктная шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность (коэффициент Кронбаха $\alpha = 0,822$), что подтверждает ее целостность в отражении восприятия справедливости вознаграждений и пригодность для дальнейшего анализа.

1.4. Выделение субшкал

На основании матрицы корреляций между отдельными переменными (табл. 1) было применено два способа группировки по субшкалам. В первом способе субшкалы были разделены на две группы: внутренние факторы (зависят от политики компании) и внешние факторы (зависят от внешних условий) (табл. 2А). Группа внутренних (Q1–Q8, $\alpha = 0,720$) и внешних (Q9–Q14, $\alpha = 0,611$)

Таблица 2А

Корреляция субшкал внешних и внутренних факторов с общим показателем справедливости вознаграждения (Q16)

Субшкалы	Вопросы	α	ρ	Исходное p	FDR	Значимость
Внешние факторы	Q1–Q8	0,720	0,35	<0,001	<0,001	Сильная
Внутренние факторы	Q9–Q14	0,611	0,29	<0,001	<0,001	Приемлемая

Таблица 2В

Корреляция исследовательских субшкал с общим показателем справедливости вознаграждения (Q16)

	Вопросы	α	ρ	Исходное p	FDR	Значимость
Система материального вознаграждения	Q1, Q2, Q3, Q4	0,593	0,32	<0,001	<0,001	Сильная
Процедурные и коммуникационные механизмы	Q5, Q6, Q7, Q8	0,519	0,30	<0,001	<0,001	Сильная
Разнообразие и организационная культура	Q10, Q11, Q12	0,455	0,27	<0,001	<0,001	Приемлемая
Внешнее давление	Q9, Q13, Q14	0,516	0,21	0,004	0,004	Приемлемая

Примечание. Субшкалы соответствуют теоретическим измерениям справедливости: α — надежность, ρ — корреляция с Q15 и Q16 (общая справедливость). P — значения с FDR-коррекцией; * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$ (см. табл. 1).

факторов показали приемлемую внутреннюю согласованность, что подтверждает возможность их использования в корреляционном анализе. Вопрос Q15 («Действующая система вознаграждения улучшила мое отношение к работе и поведение на рабочем месте») позже был исключен ввиду выявленного содержательного пересечения с Q16 (я считаю систему вознаграждений в моей компании справедливой) и отсутствия тематического единства с другими вопросами.

Во втором способе были сформированы четыре субшкалы для диагностики специфических проявлений справедливости в организации (табл. 2В). Показатели надежности варьировались от $\alpha = 0,455$ до $0,593$, что ниже общепринятого критерия. Однако это обусловлено запланированной широтой концептуального охвата каждой субшкалы, а не их психометрической слабостью.

Выделенные субшкалы включают тематически связанные пункты, что делает пониженные значения α методологически оправданными. Их аналитическая ценность заключается в выявлении взаимосвязей с общей оценкой справедливости (Q16), что соответствует исследовательским и диагностическим целям работы.

2. Обсуждение результатов

2.2. Основные закономерности

Исследование показало, что главный фактор, который формирует общее ощущение справедливости в организации — это справедливость оплаты для разных уровней должностей (Q4). Вопрос Q4 («Одинаково ли справедливо оплачиваются разные уровни должностей в вашей организации?») сильнее всего влияет на общее восприятие справедливости ($\rho = 0,31$, $**p < 0,01$). Это подтверждает теоретические представления о том, что сотрудники особенно остро реагируют на несправедливость в материальном вознаграждении между рядовыми и руководящими должностями. Полученные результаты свидетельствуют, что люди оценивают не только свою зарплату во горизонтали с коллегами, но и разницу в оплате между должностями по вертикали. Улучшения в этой области могут резко повысить общее ощущение справедливости в организации.

Поддерживающие факторы: Q1 — Соответствие зарплаты и вклада ($\rho = 0,26$, среднее $3,17$): базовое ожидание сотрудников «зарплата должна зависеть от результатов». Q7 — Возможность высказаться ($\rho = 0,23$, среднее $2,47$ — самый низкий показатель): люди хотят, чтобы их мнение учитывали, даже если это формальность. Q8 — Уважение со стороны руководителя ($\rho = 0,24$, среднее $3,02$):

важно не только что решают, но и как об этом говорят. Q10 — Равная оплата мужчин и женщин ($\rho = 0,21$, среднее 2,56): низкие оценки показывают проблемы с гендерным равенством. Q12 — Учет местных особенностей ($\rho = 0,22$, среднее 3,39): люди понимают, что зарплаты зависят от страны и региона. Q14 — Соответствие другим компаниям ($\rho = 0,20$, среднее 3,67): сравнение с рынком важно, но не главное.

2.3. Анализ по субшкалам

Как было показано ранее, для понимания нюансов в оценке справедливости были применены два способа группировки по субшкалам. Согласно полученным результатам по первому способу группировки, внутренние факторы продемонстрировали более сильную связь с воспринимаемой справедливостью ($\rho = 0,35$, $\alpha = 0,720$), чем внешние факторы ($\rho = 0,29$, $\alpha = 0,611$). Эта асимметрия подчеркивает, что сотрудники в первую очередь оценивают справедливость внутренних процессов — того, что видят ежедневно. Внешние условия (например, уровень зарплат на рынке) тоже важны, но играют второстепенную роль. Когда справедливость нарушается, сотрудники в первую очередь подвергают сомнению саму систему, в которой они работают, а не окружающий контекст. Таким образом, согласованность внутренних практик служит одновременно и первичным критерием оценки, и основой для оценки справедливости всей системы.

Для анализа специфических механизмов, лежащих в основе восприятия справедливости в организации, были сформированы четыре подшкалы. «Система материального вознаграждения» ($\rho = 0,32$, $\alpha = 0,593$) оказалась наиболее значимым предиктором, что свидетельствует о том, что сотрудники оценивают справедливость прежде всего через призму соответствия оплаты их вкладу, заслугам и положению в иерархии. «Процедурные и коммуникационные механизмы» ($\rho = 0,30$, $\alpha = 0,519$) заняли близкое второе место, демонстрируя, что справедливость также формируется через то, как решения доводятся, обосновываются и обсуждаются, даже при неоднозначном их исполнении.

Умеренное влияние было выявлено для подшкалы «Разнообразие и организационная культура» ($\rho = 0,27$, $\alpha = 0,455$). Это говорит о том, что символические аспекты вроде гендерного и культурного равенства сохраняют значение несмотря на слабую внутреннюю согласованность шкалы, что указывает на этическую и репрезентативную природу справедливости. «Внешнее давление» ($\rho = 0,21$,

$\alpha = 0,516$), будучи наименее значимым, тем не менее оставалось статистически значимым фактором — даже фоновые аспекты вроде инфляции или соответствия рыночным стандартам могут подрывать восприятие справедливости при их дисбалансе.

В совокупности эти результаты подтверждают многоуровневую и избирательную природу восприятия справедливости: разные механизмы имеют неравнозначное значение, причем наибольший вес приобретают те аспекты, которые либо наиболее близки повседневному опыту сотрудников, либо наиболее явно нарушаются.

2.4. Теоретические и практические выводы

Исследование углубляет теоретическое понимание справедливости как многоуровневого процесса, основанного не на абстрактных идеалах, а на конкретных механизмах, которые сотрудники воспринимают как показатели согласованности и целостности системы. Суждения о справедливости формируются неравномерно: внутренние факторы, такие как прозрачность вознаграждений и возможность участия в процедурах принятия решений, оказывают более сильное влияние благодаря своей непосредственной видимости.

Полностью подтвердились результаты других исследований, согласно которым наиболее чувствительными среди внутренних факторов являются распределение материальных вознаграждений между сотрудниками (дистрибутивная справедливость) и процедуры принятия решений (процедурная справедливость). С практической точки зрения, эти выводы указывают организациям на необходимость выходить за рамки формального соблюдения политик, особенно при работе в условиях бюрократических и культурных границ. Справедливость должна быть не просто прописана, а реально ощущаться сотрудниками. Компаниям следует сосредоточиться на создании прозрачных систем вознаграждения, инклюзивных процедур и убедительных объяснений, согласующих внутренние процессы с внешними ограничениями. Символические аспекты (например, гендерное и культурное равенство) и структурная ясность должны работать согласованно для поддержания общего ощущения справедливости.

Для российской аудитории эти выводы особенно актуальны. В современных российских условиях, характеризующихся экономической нестабильностью и институциональными изменениями, государственные организации призваны выступать стабилизирующим фактором. Однако эта роль зависит от внутренней справед-

ливости, которую сотрудники оценивают по конкретным показателям: равноправие должностей, ясность процедур и легитимность руководства.

При этом внешние вызовы, такие как инфляция и политическая неопределенность, также влияют на восприятие справедливости, особенно когда организация не дает им четкого объяснения. Сотрудники оценивают, насколько прозрачно эти факторы учитываются в системе вознаграждения.

Таким образом, восприятие справедливости зависит от согласованности: внутренние прозрачные структуры должны подкрепляться логичными внешними объяснениями. Для российских руководителей это означает необходимость двойной стратегии, сочетающей внутреннюю ответственность и внешнюю согласованность. В таких условиях справедливость становится не просто этическим идеалом, а фактором организационной устойчивости.

Заключение

Данное исследование демонстрирует, что восприятие справедливости вознаграждений формируется не как абстрактное ощущение, а как структурированная оценка сотрудников на основе видимых и интерпретируемых сигналов. На уровне отдельных показателей вертикальное равенство (Q4) оказалось наиболее значимым фактором, подчеркивая его символическую роль в демонстрации системной справедливости.

Тематический анализ выявил преобладающее влияние внутренних организационных факторов над внешними обстоятельствами, что указывает на приоритетность элементов, находящихся под контролем компании. С точки зрения механизмов воздействия, наибольшее значение имели дизайн системы материального вознаграждения и процедуры коммуникации, что свидетельствует о двойственной природе суждений о справедливости — они основываются как на структурной логике, так и на качестве взаимодействий.

Примечательно, что даже аспекты с относительно низкой внутренней согласованностью и значимостью, такие как разнообразие или внешние ограничения, сохраняли диагностическую ценность и практическую значимость в конкретных контекстах.

В совокупности результаты подтверждают избирательный характер формирования представлений о справедливости: различные механизмы оказывают неравнозначное влияние, причем

наибольший вес имеют те элементы, которые имеют прямой выход на индивидуальные выгоды работников. Таким образом, справедливость предстает не просто целью организационного управления, а живой оценкой, связывающей объективную структуру с ощущениями сотрудников, что создает основу для доверия, мотивации и устойчивости организации.

Литература

Алиев У.А. Влияние оплаты труда на напряженность в системе социально-трудовых отношений // Управленческое консультирование. 2020. № 1. С. 87–92.

Волков В.С. Современная Иркутская элита: клановость и система сдержек и противовесов // Политические процессы и технологии: Материалы научной студенческой конференции Иркутского государственного университета, Иркутск, 1 апреля 2022 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2022. С. 54–56.

Гезгиева Д.М. К проблеме безработицы в Республике Ингушетия // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. СПб.: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2023. С. 1406–1409.

Германов И.А., Маркова Ю.С., Гордеева С.С. Организационная справедливость как фактор формирования вертикального доверия в организации (опыт исследования на предприятии нефтегазовой отрасли) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4. (28). С. 8–28.

Гулевич О.А. Справедливость в организации: условия и последствия // Организационная психология. 2012. № 1. С. 5–70.

Камнева Е.В., Полевая М.В., Симонова М.М. [и др.]. Социально-психологические факторы развития цифровой экономики // Москва: Общество с ограниченной ответственностью СВИВТ, 2020. 298 с.

Мубаракишина О.А. Совершенствование эмоционального интеллекта руководителя // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (23). С. 104–115.

Сафонов А.Л., Долженкова Ю.В. Оплата труда в бюджетной сфере: состояние и тенденции развития. Социально-трудовые исследования. 2022. № 46(1).

Седых О.Г., Авилова В.А., Алсаева Ю.Г. Смех на работе: контент-анализ анекдотов про руководителей // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2(163). С. 1224–1230.

Стрельников С.В., Ларина Н.В. Правовые риски работника при включении премии как поощрительной (стимулирующей) выплаты в фактическую заработную плату и перспективы взыскания в судебном порядке // Правовое регулирование экономической деятельности. 2024. Т. 9. № 2. С. 132–145.

Яковлев А.А. Государственный сектор в российской экономике: проблемы и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 5–23.

- Adams J.S.* Towards an understanding of inequity // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Is. 67(5). P. 422–436.
- Aljounaidi A., Mohammed Z., Ateik A.* Factors Affecting the Relationship Between Fairness and Employee Success: Case Study // *International journal of Finance and Management*. 2022. Vol. 1. Is. 1. P. 59–64.
- Banks J., Patel C., Mohammed M.* Perceptions of inequity in the workplace: Exploring the link with unauthorized absenteeism // *SA Journal of Human Resource Management*. 2012. Vol. 10. Is. 1. P. 1–8.
- Cotton C., Gifford J., Young J.* Incentives and recognition: an evidence review. Practice summary and recommendations. London: Chartered Institute of Personnel and Development. 2022. [Электронный ресурс]. URL: incentives-recognition-practice-summary_tcm18-105466.pdf — Yandex Documents
- Dai Y., Kong D., Xu J.* Does fairness breed efficiency? Pay gap and firm productivity in China // *International Review of Economics & Finance*. 2017. Is. 48. P. 406–422.
- Fehr E., Schmidt K.M.* A theory of fairness, competition, and cooperation // *The quarterly journal of economics*. 1999. Is. 114(3). P. 817–868.
- Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human relations*. 1954. Is. 7(2). P. 117–140.
- Gelard P., Rezaei S.* The Relationship between Job Motivation, Compensation and Job Satisfaction in Employees of Tax Administration — A Case Study in Tehran // *Asian Social Science*. 2016. Is. 12(2). P. 165–171.
- Gelard, P., Rezaei S.* The Relationship between Job Motivation, Compensation and Job Satisfaction in Employees of Tax Administration — A Case Study in Tehran // *Asian Social Science*. 2016. Is. 12(2). P. 165–171.
- Heather S., Pettigrew T., Yuen H.* Relative Deprivation Theory: Advances and Applications. 2020. [Электронный ресурс]. URL: (PDF) Relative Deprivation Theory: Advances and ApplicationsAdvances and Applications
- Kahneman D., Knetsch J.L., Thaler R.H.* The endowment effect, loss aversion, and status quo bias // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Is. 5(1). P. 193–206.
- Kahneman D., Tversky A.* Prospect Theory: An analysis of decision under risk // *Econometrica*. 1979. Is. 47. P. 263–291.
- Larkin I., Pierce L., Gino F.* The Psychological Costs of Pay-for-Performance: Implications for the Strategic Compensation of Employees // *Strategic Management Journal*. 2012. Is. 33. P. 1194–1214. DOI: 10.1002/smj.1974.
- Salleh R., Memon M.A.* A review on the effects of pay satisfaction on employee engagement and turnover: a proposed mediating framework // *International Business Management*. 2016. Is. 9(3). P. 344–348.
- Stofberg R., Mabaso C.M., Bussin M.H.* Employee responses to pay transparency // *SA Journal of Industrial Psychology*. 2022. Is. 48(1). P. 1–12.
- Tichtich S., Lamine V., Khaiat A., Ramdane S.* Relationship between Organizational Justice and Organizational Conflict: A Literature Review // *Social Sciences and Education Research Review*. 2025. Is. 11. P. 244–252.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Зайцева Татьяна Вячеславовна — доктор экономических наук, профессор кафедры управления персоналом факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ; *e-mail*: zaytv@spa.msu.ru

Фан Цзыци — магистрант факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ; *e-mail*: fangziqu0523@163.com

ABOUT THE AUTHORS:

Zaytseva T.V. — Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: zaytv@spa.msu.ru

Fang Ziqi — master student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: fangziqu0523@163.com

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-27-46

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РСФСР В РЫНОЧНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ 1991 г.

И.С. Логвенков

Научно-исследовательский университет «Московский
энергетический институт», Москва, Российская Федерация
Ilya.logvenkov@gmail.com

Аннотация. Настоящее исследование посвящено раскрытию взаимосвязи между политическими мотивами и определением экономического курса в механизме принятия государственного решения об инициации радикальной рыночной реформы в России в октябре 1991 г. С использованием историко-генетического метода проведена оценка роли внешних и внутренних факторов, предопределивших выбор программы рыночных преобразований. Абстрактно-логический метод был задействован для выявления искажений ее изначального замысла в связи с последствиями программного выступления Б.Н. Ельцина в Верховном Совете РСФСР 28 октября 1991 г.

Показано, что осенью 1991 г. страна оказалась на пороге масштабного политического кризиса. Он разворачивался под влиянием двух обстоятельств — распад антисоюзной коалиции в российском парламенте и сохранение влияния антиельцинских сил на региональном уровне. В этих условиях проведение областных, краевых и республиканских выборов грозило институционализацией раскола государства и последующим параличом центральной власти. Президенту необходимо было найти способ сохранить собственные чрезвычайные полномочия на назначение глав региональных администраций и добиться временного моратория на проведение выборов.

Ответом стал переход к курсу, нацеленному на быструю рыночную трансформацию страны. Важнейшими особенностями формы принятия этого решения стали анонс перехода к свободному ценообразованию, прозападный блок в программном выступлении президента и занятие Ельциным позиции главы правительства. С одной стороны, это позволило инициировать реформу, заморозить региональные выборы и добить-

ся временной консолидации ветвей власти. С другой — последовавший коллапс потребительского рынка, а также необходимость учета позиции западных стран и международных организаций сделали невозможным реализацию изначального замысла преобразований в заявленные сроки.

Ключевые слова: государственное управление, рыночная реформа, президент, правительство, МВФ, региональные выборы, Верховный Совет.

Для цитирования: Логвенков И.С. Политический детерминизм экономической политики РСФСР в рыночных преобразованиях 1991 г. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 27–46.

Дата поступления в редакцию: 12.03.2025

THE POLITICAL DETERMINISM OF THE RSFSR'S ECONOMIC POLICY IN THE MARKET REFORMS OF 1991

Logvenkov I.S.

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow,
Russian Federation

ilya.logvenkov@gmail.com

Abstract. Study examines the interplay between political motivations and the formulation of economic policy in the state decision-making process that initiated radical market reforms in Russia in October 1991. Employing the historical-genetic method, the research evaluates the role of external and internal factors that predetermined the choice of market transformation programs. The abstract-logical method is applied to identify distortions in the original reform blueprint following Yeltsin's policy address to the Supreme Soviet of the RSFSR on October 28, 1991.

The study demonstrates that by autumn 1991, the country stood on the brink of a systemic political crisis. This crisis unfolded under two interrelated circumstances: the collapse of the anti-Union coalition in the Russian parliament and the persistent influence of anti-Yeltsin forces at the regional level. In this context, holding regional, territorial, and republican elections risked institutionalizing state fragmentation and paralyzing central authority. The presidency faced the imperative to retain emergency powers for appointing regional administrative heads and secure a temporary moratorium on elections.

The response was a shift toward rapid market transformation. Key features of this decision included the announcement of price liberalization, a pro-Western orientation in the presidential program, and Yeltsin's assumption

of the premiership. While these measures enabled the launch of reforms and the suspension of regional elections through a consolidated act of government branches, subsequent developments — such as the collapse of consumer markets and the need to align with Western states and international organizations — rendered the original reform agenda unfeasible within the declared timeframe.

Key words: State Governance, Market Reform, President, Government, IMF, Regional Elections, Supreme Council.

For citation: *Logvenkov I.S. The Political Determinism of the RSFSR's Economic Policy in the Market Reforms of 1991 // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 27–46.*

Received: 12.03.2025

Введение

Двадцатые годы XXI в. ознаменовались ростом международной напряженности, нарастанием кризиса сложившегося в 1990-е гг. миропорядка, экономической, климатической и эпидемиологической неопределенностью. Масштабность вызовов подчеркивает значимость роли государства в общественной жизни, но одновременно и обостряет вопрос об укреплении его способности справляться с ними. Адаптация страны к новым реалиям предполагает вовлеченность не только специализированных элементов государственного аппарата, но и высшего эшелона власти, на плечах которого лежит выработка общего курса и обеспечение длительного согласованного усилия.

Высшее руководство страны редко обладает всеобъемлющим набором компетенций и вынуждено полагаться на экспертизу. Однако единство подходов и мнений в научной и профессиональной среде — скорее исключение, чем правило. Отсутствие консенсуса в ходе принятия государственных решений выводит на первый план вопросы собственного жизненного опыта, доверия к авторитетам, традиций и т.п. Помимо этого в основании выбора курса в той или иной сфере могут лежать не специфические ей цели и ориентиры, а текущие политические задачи¹. Выявление факторов, влияющих на разработку государственной стратегии, представляет собой актуальную научную проблему.

Целью настоящего исследования является раскрытие взаимосвязи между политическими мотивами и экономической политикой на материале перехода к «шоковой терапии» в России в 1991 г.

¹ Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография. М., 2021. С. 50–51.

В ходе исследования предполагается ответить на следующие вопросы:

1. Какие факторы сыграли решающую роль в определении курса экономических преобразований в России осенью 1991 г.?
2. Как форма принятия этого решения сказалась на характере реализации реформ?

Историография рыночных преобразований в России в 1990-е гг. достаточно обширна. Однако основное внимание ученых привлекали два аспекта — само содержание реформы и сопутствующий ей конфликт ветвей власти.

В работах, содержащих в целом позитивную оценку «шоковой терапии», указывается, что программа преобразований была predetermined объективными обстоятельствами и не имела альтернативы². В основе решения Б.Н. Ельцина о выборе этого курса лежало, таким образом, личное осознание этого обстоятельства. Изначальный замысел воспринимается тождественным политике правительства в первые месяцы преобразований³. Дальнейшие проблемы его реализации связываются не с изъянами реформы, а с противодействием «проинфляционных» сил. Под этими силами понимается, прежде всего, корпус руководителей государственных предприятий, заинтересованных в правительственной поддержке за счет денежной эмиссии. Консолидировав свое влияние в Верховном Совете РФ, они смогли деформировать экономический курс и тем самым сорвали политику финансовой стабилизации.

Труды, авторы которых критически настроены к радикальной рыночной реформе, как правило, опираются на обширные количественные исследования ее хода и последствий⁴. Отмечается, что заявленные цели не были достигнуты, а сами преобразования отвечали интересам лишь узких групп политиков и бизнесменов внутри страны и за рубежом. Подавляющая часть населения тяжело переносила негативные последствия реформы⁵, экономика страны в це-

² Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997 / Под ред. Е.Т. Гайдара и др. М., 1998; Колесников А.В. Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара. М., 2022 и др.

³ Байдаков И.М. Разработка радикальной реформы Ельцина — Гайдара в программах Правительства Российской Федерации // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 209–223.

⁴ Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011; Joseph E. Stiglitz. Globalization and Its Discontents. New York City, 2002.

⁵ Brainerd E. Mortality in Russia Since the Fall of the Soviet Union. Comparative Economic Studies. 2021. Vol. 63. P. 557–576.

лом деградировала⁶. Изъяны «шоковой терапии» носили фундаментальный характер из-за несоответствия ее методологической базы, под которым которой понимается вариация монетаризма М. Фридмана, российским реалиям, либо из-за недостаточной проработки в целом⁷. Верховный Совет, таким образом, пытался спасти страну от деиндустриализации и утраты суверенитета, однако проиграл в борьбе со сторонниками президента. Поддержка Ельциным проводимых командой Е.Т. Гайдара преобразований трактуется либо как потакание прозападным силам, либо как ошибка, исправить которую он не мог из-за соображений борьбы за власть.

Несмотря на обширную доказательную базу обоих подходов, некоторые аспекты, значимые в контексте развития теории государственного управления, остаются недостаточно раскрытыми. Во-первых, отступление от реформаторской программы связывается с вмешательством парламента в 1992 г.⁸, однако в реальности ее пересмотр состоялся сразу по приходу в Правительство новой команды⁹, и в дальнейшем отклонения только усиливались¹⁰. Во-вторых, принятые политическим руководством страны решения объясняются преимущественно личными интересами и экономическими представлениями государственных деятелей, внешним влиянием, положительными или отрицательными чертами лидеров, что не отражает всей полноты сложившейся ситуации.

Наконец, взаимосвязь между политическими реалиями и экономическим курсом рассматривается, прежде всего, через призму конфликтов интересов или идеологических взглядов. Однако этот подход не позволяет объяснить ни само решение об инициации рискованной реформы, ни единство президента и парламента в его принятии реформы в октябре 1991 г. Причинность рассогласования самих мероприятий по финансовой стабилизации, которые проводились в нарушенном порядке и без достаточной подготовки, также остается недостаточно раскрытой.

⁶ Барышникова Н.А., Сухорукова А.М. Социально-экономическое развитие стран постсоветского пространства: три десятилетия после социализма // Московский экономический журнал. 2021. № 3. С. 192–204.

⁷ Siegel D. Privatization without Capitalism: The Social Relations of Property in Post-Communist Transitions. Polity. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 6–40.

⁸ Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М., 2012. С. 374.

⁹ Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 15.11.1991. ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5383. Л. 7–8.

¹⁰ Стенограмма заседания Совета Министров РСФСР 05.12.1991. ГАРФ Ф. А259. Оп. 1. Д. 5385. Л. 43.

Таким образом, новизна исследования определяется постановкой проблемы, ревизией некоторых ранее сложившихся представлений и вводом в научный оборот ранее не задействованных источников.

Методология исследования наряду с общенаучными методами включает историко-генетический метод. С его помощью устанавливается взаимосвязь между принятием государственного решения об инициации радикальной рыночной реформы и предопределившими его факторами. Оценка роли формы принятия этого решения в изменении условий реализации преобразований проводится на основе абстрактно-логического метода. Основу источниковой базы исследования составляют делопроизводственные документы администрации Президента РСФСР (АП) справочного и аналитического характера. На основе сопоставления рекомендаций советников и спичрайтеров Б.Н. Ельцина с его публичной позицией и нормативными актами, оформившими переход к реформаторскому курсу, проведена реконструкция выбора стратегии экономических преобразований. Анализ научной литературы, мемуаров зарубежных советников и работников международных организаций позволил обозначить роль внешнего фактора в разработке и реализации стратегии перехода к рынку.

Проблема региональных выборов

Поражение союзных элит летом 1991 г. породило эйфорию в демократическом лагере, однако продолжалась она не долго. Бездеятельность российской власти после победы над ГКЧП на фоне ухудшения экономического положения в стране привела к стремительному снижению популярности президента Ельцина с 86,5% в конце августа до 58% в октябре¹¹. Социологические исследования показывали, что демонтаж союзного центра более не позволял республиканским властям списывать на него свои просчеты и ошибки, а в населении нарастал запрос на «железную руку» на фоне разочарования в «демократических» силах¹².

Начинали ухудшаться и взаимоотношения между ветвями власти. Уже в октябре 1991 г. реальным стал риск острой конфронтации между президентом и Съездом по вопросу проведения выбо-

¹¹ Информационная записка Центра социолого-психологических и педагогических исследований «Рейтинг ведущих политических деятелей нашей страны: состояние, тенденции, попытка прогноза», поступившая в АП 29 ноября 1991 г. // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 166. Л. 57–62.

¹² Там же.

ров региональных руководителей¹³. Корни этой проблемы лежали в политике, проводимой в период острого политического кризиса августа 1991 г. В день роспуска ГКЧП Верховный Совет РСФСР ликвидировал исполнительные комитеты региональных советов, создав вместо них администрации, а также предоставил Президенту РСФСР право самостоятельно снимать и назначать глав региональных исполнительных органов¹⁴. На следующий день Ельцин включил эти органы в вертикаль исполнительной власти, установив подотчетность глав администраций президенту¹⁵.

На тот момент обоснованием такого решения стала необходимость борьбы со сторонниками ГКЧП в регионах. Однако после стабилизации политической ситуации депутатский корпус обеспокоился растущим влиянием Ельцина, успевшего за полтора месяца назначить 17 новых региональных руководителей. Несмотря на то, что креатуры президента зачастую действовали вразрез с правительственным курсом¹⁶, это позволило хотя бы начать формирование вертикали исполнительной власти¹⁷. В конце сентября 1991 г. Верховный Совет проголосовал Закон «О выборах главы администрации» и назначил дату выборов на 8 декабря¹⁸, однако Ельцин вернул его на повторное рассмотрение с предложением о переносе

¹³ Материалы к встрече с руководителями фракций Верховного Совета РСФСР. Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 86. Л. 113.

¹⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 21.08.1991 № 1626-I «О дополнительных полномочиях Президента РСФСР по обеспечению законности деятельности Советов народных депутатов в условиях ликвидации последствий попытки государственного переворота в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1125.

¹⁵ Указ Президента РСФСР от 22.08.1991 № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102012341&rdk=0&firstDoc=1&lastDoc=1> (дата обращения 29.07.2024).

¹⁶ Логвенков И.С. Взаимоотношения центральных и региональных органов исполнительной власти в контексте подготовки радикальных рыночных преобразований в России в конце 1991 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 174–185.

¹⁷ В отношении автономных административно-территориальных образований этот процесс протекал куда сложнее в связи иным распределением полномочий и ранее принятыми декларациями о суверенитете. См.: Кынев А.В. Кто и как управляет регионами России. М., 2025. С. 12–33.

¹⁸ Постановление Верховного Совета РСФСР от 30.09.1991 «О мерах по подготовке и проведению выборов глав администрации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=17&nd=102012632&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EE+%EA%EE%ED%F2%F0%EE%EB%E5+%E7%E0+%F1%EE%EE%F

выборов на 1992 г., ссылаясь на вероятное противостояние между главами и советами, дороговизну выборов и экономический кризис¹⁹. Президент заговорил об использовании права вето в случае отказа. В ответ начинали раздаваться обвинения в диктатуре.

Пытаясь переломить ход событий на встрече с руководителями фракций 17 октября, Ельцин сообщил депутатам о планах проведения экономической реформы, предполагавшей «сразу пойти смело на либерализацию цен ... Мы убедились, что мелкими шажками ничего не получится»²⁰. Помимо либерализации предполагалось также ввести временный российский рубль, нанеся специальную полосу на уже существующие банкноты²¹. Указывая на необходимость выстраивания в этих условиях жесткой вертикали власти, президент обещал стабилизацию положения к осени 1992 года, когда, по его мнению, и следовало провести выборы²². 24 октября Верховный Совет повторно проголосовал тот же закон²³, но постановил ввести его в действие лишь с момента подписания Президентом РСФСР, который должен был до 1 декабря 1991 г. предоставить график проведения выборов на утверждение представительной властью²⁴.

Ельцин упорно сопротивлялся стремлению депутатского корпуса лишить его чрезвычайных полномочий. Позиция реформаторского крыла в Верховном Совете определялась мифологемой о всенародной поддержке демократических сил как основной при-

2%E2%E5%F2%F1%F2%E8%E5%EC+%F0%E0%F1%F5%EE%E4%EE%E2 (дата обращения 30.07.1991).

¹⁹ Обращение в Верховный Совет РСФСР в связи с принятием Закона РСФСР «О выборах главы Администрации» // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 135–136.

²⁰ Стенограмма встречи Президента РСФСР Б.Н. Ельцина с руководителями парламентских фракций Верховного Совета РСФСР 17.10.1991 // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 131–133.

²¹ Эта мера так и не была реализована.

²² Стенограмма встречи Президента РСФСР Б.Н. Ельцина с руководителями парламентских фракций Верховного Совета РСФСР 17.10.1991 // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 134.

²³ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1802-I «О повторном рассмотрении Закона РСФСР «О выборах глав Администрации»» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901607371> (дата обращения: 30.07.2024).

²⁴ Постановление Верховного Совета РСФСР от 25.10.1991 № 1806-I «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О выборах главы администрации»» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102058896&backlink=1&&nd=102012874> (дата обращения: 30.07.2024).

чине поражения ГКЧП. Предполагалось, что проведенные по всей стране выборы позволят избавиться от влияния консервативных административно-хозяйственных элит в региональных исполнительных органах. Однако из подготовленных АП аналитических документов следовало, что реальная ситуация носит диаметрально противоположный характер. Так, одно из проведенных в автономных республиках и автономных областях исследований (всего 18 регионов) показало, что 11 из них в явной или скрытой форме поддерживали ГКЧП, еще 4 заняли выжидательную позицию, выступив с осуждением комитета только после его очевидного поражения²⁵. Корни такой политики лежали еще в новоогаревском процессе, в ходе которого автономии опирались на союзный центр в вопросе признания собственной самостоятельной государственности. Отношение к ГКЧП диктовалось стремлением к сохранению противовеса российским властям.

Однако куда более тревожное положение вырисовывалось из результатов исследования, проведенного АП по заказу госсоветника С.М. Шахрая²⁶. Сравнительный анализ выборов, референдумов, политической деятельности депутатов всех уровней в 1989–1991 гг. позволил сделать ряд важных выводов:

1. Вопреки существующим представлениям, кардинального изменения настроений в период с 1989 по 1990 не произошло. Решающее приращение доли прогрессивно настроенных депутатов в российском Съезде связано с отменой окружных предвыборных комиссий и выборов от общественных организаций.
2. За исключением крупных центральных городов в тех регионах, где на выборах в 1989 года прошли прогрессивные кандидаты, на выборах 1990 г. состав региональных депутатов оказался особенно реакционным. Там, где результаты выборов-89 не встревожили местную административно-хозяйственную бюрократию, выборы-90 оказались неожиданно успешными для альтернативных кандидатов.
3. В течение года представители старой системы многому научились, отошли от практики использования примитивной партийно-популистской пропаганды и сумели в крайне неблагоприятной для себя общеполитической ситуации отстоять и даже усилить свои позиции.

²⁵ Материалы к заседанию Консультативного президентского совета // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99. Л. 32–35.

²⁶ Там же. Л. 36–47.

4. Несмотря на то, что на президентских выборах 1991 г. неудача консервативных сил была предreshена текущим положением в обществе, они смогли противопоставить Ельцину целый спектр оппонентов, использовать в своих интересах антикоммунистическую риторику (Жириновский), использовать против сторонников реформ упущения и просчеты в практической деятельности.

Обнаружилось также, что уровень поддержки Ельцина рос пропорционально численности населения (наивысший в крупных городах), коммунистических кандидатов — обратно пропорционально (наивысший в небольших сельских районах), Жириновского — максимален в рабочих поселках, маленьких городах, станицах и пр. Это открывало для консервативных сил возможность выигрывать выборы за счет концентрации сил на агитации сельского населения в ходе предвыборной кампании.

Несмотря на то, что руководство областей и краев РСФСР в массе своей не поддержало ГКЧП публично, в 60 регионах из 88 Указы Президента РСФСР игнорировались. Быстрое распространение в общественном сознании мнения о том, что ответственность за положение в стране теперь несет новая демократическая власть (при сохранении контроля над СМИ номенклатурой на местах) формирует тенденцию к падению популярности реформаторов. Получили распространение и сепаратистские идеи регионального хозрасчета, которому противостоял диктат центра в лице российского руководства.

Представленный прогноз показывал, что из 68 регионов России (исключая республики в составе РСФСР) победа сторонников реформ в случае проведения выборов 24 ноября 1991 г. вероятна в 12, возможна при исключительных усилиях в 10, маловероятна в 10, практически недостижима в 36. Такое развитие событий с учетом позиций текущих руководителей был равносильен политической катастрофе и грозил непредсказуемыми последствиями для судьбы российской государственности. Ликвидация каналов осуществления властных полномочий федеральной власти должна была привести к ее полному параличу, неспособности влиять на политико-экономическую ситуацию в стране. Дальнейшее развитие противостояния связывалось с всеобщим неподчинением, нарастанием безрассудного местнического эгоцентризма, цепным разрывом экономических связей.

В этой связи авторы исследования настаивали на необходимости переноса выборов на весну 1992 г., а за оставшийся период пу-

тем назначения глав администраций и представителей президента необходимо было преодолеть безальтернативность местной номенклатуры. Опасения, высказанные «некоторыми демократами», связанные с утратой российской властью доверия из-за ухудшения экономической ситуации рекомендовалось считать безответственным, так как «если до весны российское руководство так ничего и не сделает, то туда ему и дорога»²⁷. Само исследование полностью или частично было распространено среди части депутатов как дополнительный аргумент в пользу переноса выборов.

Крах союзного центра вполне закономерно привел к расколу победившей политической коалиции. Уже в начале октября референтура АП указывала, что деятельность президента должна носить консолидирующий характер, одновременно закрепляя его статус реформатора на Западе²⁸. В качестве одного из вариантов предлагалось программное заявление на Съезде «с ошеломляющим эффектом», для чего необходимо выдвинуть «действительно сильные решения и инициативы, чтобы показать, что Президент силен не только выступлениям»²⁹.

В другой подготовленной в АП аналитической записке раскрывались достоинства и недостатки предложения Ельцину непосредственно возглавить правительство. Авторы полагали, что такое решение придаст Совмину авторитет, расширит возможности президента и поднимет его рейтинг в самый ответственный момент³⁰. Должен был укрепиться и имидж Бориса Николаевича, ведь «Это по-ельцински — взять в решающий момент ответственность на себя».³¹ В качестве недостатков были указаны риски прямой привязки к президенту «сложной реформы», усиление консерваторов, номенклатуры и «шайки Жириновского» в связи с предельной остротой первого этапа реформы, сужение поля политического маневра. Совмещение премьерской и президентской должностей ликвидировало возможность примирять стороны в острых ситуациях, играть роль буфера между парламентом и правительством.

²⁷ Там же. Л. 43.

²⁸ Аналитическая записка за подписью спичрайтеров президента Л. Пихоя и А. Ильина. 07.10.1991 // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 135. Л. 26.

²⁹ Там же. Л. 28–29.

³⁰ Тезисы обращения Б.Н. Ельцина к народам России, к Съезду народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 года // Архив президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 84. Л. 144.

³¹ Там же.

Неудачный ход реформы грозил разрушением стереотипа «злодей Павлов и герой Ельцин», что «в психологии людей важно»³².

В результате новый курс должен был отвечать двум основным задачам: перенос региональных выборов при сохранении чрезвычайных полномочий и быстрая стабилизация экономического положения. Ситуация практически вынуждала Ельцина пойти на все возможные риски, что он и сделал, выступив на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г. В своем обращении к депутатам и народу президент заявил, что «период движения мелкими шагами завершен. Поле для реформ разминировано. Нужен крупный реформистский прорыв»³³. Кратко обрисовав основные положения экономической реформы, он указал, что «самая болезненная мера — разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке — пустая болтовня. За последние годы все это уже поняли, но никто не решался пойти на этот тяжелый шаг»³⁴.

Раздав множество обещаний, в частности, о том, что «хуже будет всем примерно в течение полугода», Ельцин заявил о необходимости дополнительных полномочий для оперативного решения вопросов реформы и о несовместимости проведения глубоких экономических преобразований с избирательной кампанией³⁵. Особое значение имело и завершение речи: «Народы Российской Федерации стоят на пороге одного из наиболее значимых и важных этапов своей истории ... В этой ситуации я, как глава исполнительной власти в России, ... на этот ответственный тяжелый период готов непосредственно возглавить правительство ... Настало время практических действий во имя и на благо каждого россиянина, во имя и на благо каждой российской семьи, во имя и на благо Государства российского!»³⁶

В результате президент получил запрашиваемые полномочия, а выборы всех уровней представительных и исполнительных государственных органов замораживались до 1 декабря 1992 года³⁷.

³² Там же. Л. 144–145.

³³ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля, 28 октября — 2 ноября 1991 года. Стенографический отчет. Том II. М., 1992. С. 6.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 19–20.

³⁶ Там же. Л. 29.

³⁷ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 01.11.1991 № 1830-I «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». Официальный интернет-портал правовой информации // [Электрон-

Решения принимались с подавляющим перевесом: их поддержало не только демократическое, но и консервативное крыло парламента. Оппозиция не верила в успех ельцинских преобразований, и поэтому была готова предоставить ему больше власти в комплексе с полной ответственностью за судьбу реформ, чтобы усилить свои позиции через год на волне массового разочарования общества³⁸.

Отношения с западными странами

Существовал и еще один фактор, который подталкивал президента к проведению типа экономической реформы, за которым закрепилось название «шоковая терапия». Он был связан с оптимистичными внешнеполитическими ожиданиями, основанными на представлении о ведущей роли идеологических расхождений в основании конфликта с западными странами. Свержение «тоталитарного коммунистического режима», демократизация общества и либерализация экономики должны были стать достаточным условием для налаживания партнерских отношений. Предполагалось, что страны западной Европы и северной Америки были в этом заинтересованы, в связи с чем демократические силы в России ожидали масштабной экономической поддержки.

Эти настроения изначально получили распространение среди непосредственного окружения и сторонников М.С. Горбачева. Однако в ходе переговоров с руководством государств G-7 в 1991 г. выяснилось, что демократизации и умеренных экономических реформ недостаточно. Предоставление помощи прямо увязывалось с проведением «шоковой терапии», причем темпами, превосходящими аналогичные преобразования в Польше³⁹. Это условие было несовместимо с линией Горбачева на построение социалистической рыночной экономики. Политика Ельцина не была связана подобными ограничениями.

Объявив о проведении радикальной рыночной реформы, Президент РСФСР одновременно обозначил ожидание соответствующих изменений в политике «большой семерки». В его программном обращении к Съезду отмечалось, что «западные партнеры» готовы

ный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102020228&backlink=1&&nd=102012920> (дата обращения: 30.07.2024).

³⁸ Интервью лидера фракции «Смена — новая политика» А.С. Головина 28.09.2018 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kOVpT-wWrg> (дата обращения: 30.07.2024).

³⁹ Кляйн Н. Доктрина шока. М.: 2009. С. 287.

инвестировать в российское сельское хозяйство прибыль от продажи продовольствия в РСФСР⁴⁰. Президент выделил ряд направлений, по которым новый внешнеполитический курс должен был способствовать реализации экономической реформы: подготовка кадров, приток инвестиций, финансовая поддержка и пр.⁴¹ Особенно подчеркивалось, что «Россия не протягивает руку за помощью — мы хотим равноправного сотрудничества и партнерства»⁴².

Для привлечения западной финансовой поддержки российское руководство демонстративно сотрудничало с группой медийных экономистов — Джеффри Саксом, Марексом Домбровски, Серхио де ла Куадра и пр. Их первая официальная встреча с Ельциным и Бурбулисом состоялась 11 декабря, а уже 13 декабря при участии членов правительства, представителей парламента и академика Шаталина состоялось обсуждение наиболее общих аспектов реформы⁴³. Предложенная зарубежными экспертами программа практически полностью совпадала с правительственной, что было связано с принадлежностью гайдаровской команды к той же экономической школе.

Зарубежные экономисты предлагали радикализировать борьбу с бюджетным дефицитом путем быстрого освобождения цен на энергоносители с целью усиления налогообложения соответствующих отраслей, ускорить дерегулирование внешней торговли, организовать общественные работы для абсорбирования безработицы и некоторые другие мероприятия. Главным итогом встречи стало заявление, в котором приглашенные эксперты признавали необходимость оказания России чрезвычайной финансовой помощи «в целях содействия выполнению программы реформ», в том числе, использование «реалистического подхода к международным долговым обязательствам, унаследованным Россией от правительства Советского Союза»⁴⁴. На отдельной встрече президента с Саксом и госсекретарем США Джеймсом Бейкером были обозначены некоторые дополнительные рекомендации, в частности, сокращение социальных программ, укрепление частной собственности как ус-

⁴⁰ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля, 28 октября — 2 ноября 1991 года. Стенографический отчет. Том II. М., 1992. С. 15.

⁴¹ Там же. С. 27.

⁴² Там же. С. 28.

⁴³ Материалы встречи с делегацией экономистов 13 декабря 1991 года // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 176.

⁴⁴ Там же. Л. 181.

ловие получения помощи, назначение главой ЦБ «авторитетного банкира» В.В. Герашенко⁴⁵.

Впоследствии Сакс лоббировал выделение России помощи в размере 15 млрд долл. на ежегодной основе, что должно было смягчить социальные последствия преобразований, однако воспроизвести польский опыт не вышло из-за позиции Вашингтона⁴⁶. Не удалось ему добиться и приостановки обслуживания долга. Наоборот, американские высокопоставленные чиновники требовали безусловного продолжения выплат, угрожая в противном случае прекратить поставки гуманитарной помощи, в том числе, продовольствия⁴⁷. По мнению Сакса, быстрое восстановление России воспринималось влиятельными фигурами в окружении президента Буша-старшего как не соответствующее американским интересам.

Некоторые ученые выделяют три основные зарубежные группы, которые продвигали вариант «шоковой терапии» в России:

1. Экономические советники, приверженцы «рыночной утопии», верившие в возможность быстрого внедрения капиталистических правил рейганомики⁴⁸ в российскую действительность мирными демократическими методами.
2. Бюрократия МВФ, стремившаяся добиться ускорения выплат по российскому внешнему долгу путем уменьшения бюджетного дефицита и жесткой денежно-кредитной политики центрального банка.
3. Правительства «большой семерки», поддерживавшие политическую стабильность в России с целью обеспечения ответственного контроля над ОМП, а также заинтересованные в освоении постсоветского экономического пространства⁴⁹.

Несмотря на то, что западная помощь в ожидаемом объеме так и не была получена, присутствие этой темы в российском политическом дискурсе сыграло важную роль. Основным оператором взаимодействия с РФ по кредитным вопросам стал МВФ. Его воз-

⁴⁵ Записки Б.Н. Ельцина, сделанные в ходе встречи с Дж. Саксом и Дж. Бейкером // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 163. Л. 50–53.

⁴⁶ *Sachs J.D. The End of Poverty*, New York, 2006. P. 137.

⁴⁷ Там же. P. 140.

⁴⁸ Экономическая политика, начало проведения которой связано с президентством Р. Рейгана. Ее основными принципами являются снижение правительственных расходов и налоговых изъятий, а также минимизация роли государства в экономическом развитии.

⁴⁹ *Reddaway P. Glinski D. The tragedy of Russia's reforms: market bolshevism against democracy*. 2001. P. 242.

возможности влиять на российскую экономическую политику были довольно ограничены, однако косвенно он оказывал поддержку тем членам правительства, которые стремились проводить одобряемый организацией курс⁵⁰. Позиция международного валютного фонда стала одним из важных аргументов в дискуссиях правительства реформаторов с парламентом в 1992 г., постепенно теряя значимость в связи с медлительностью и недостаточностью предоставляемого финансирования. Помимо этого, под давлением американской администрации, МВФ вынужден был смягчать требования к условиям предоставления кредитов в те моменты, когда президент Ельцин особенно нуждался в поддержке в борьбе с оппозицией⁵¹.

Вместе с тем руководство международного валютного фонда выступало одним из главных лоббистов сохранения единого рублевого пространства в конце 1991 — середине 1992 г. По его мнению, заключение межреспубликанского банковского соглашения должно было положить конец несогласованной денежно-кредитной и эмиссионной политики бывших союзных республик, и тем самым способствовать стабилизации денежной массы⁵². Однако это соглашение сорвалось, так как Россия настаивала на привязке доли голосов в едином межреспубликанском банке к доле капитала^{53,54}, решительно отказываясь от паритетного принципа как формы сохранения положения донора. В результате переговорный процесс зашел в тупик, лишь отдалив сроки предоставления первого кредита.

Было бы ошибочно приписывать проблеме внешнего долга решающую роль в определении курса российских реформ осенью 1991 г. Подобно советской власти российская первоначально не слишком опасалась последствий внешних заимствований из-за их низкого соотношения с ВВП, а также наличия масштабных встречных обязательств⁵⁵. Уместнее рассматривать внешнеполитическое позиционирование Ельцина как способ, с одной стороны, борьбы с Горбачевым, под контролем которого все еще находились каналы распределения существенной части западных кредитов и поставок,

⁵⁰ *Odling-Smee J.* IMF and Russia in 1990s. IMF Working Paper. 2004. P. 17, 29, 30.

⁵¹ Там же. P. 13.

⁵² Там же. P. 16.

⁵³ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 10–17 июля, 28 октября — 2 ноября 1991 года. Стенографический отчет. Том II. М., 1992. С. 10.

⁵⁴ *Odling-Smee J.* IMF and Russia in 1990s. IMF Working Paper. 2004. P. 16.

⁵⁵ Экономика торга. О «крахе» либеральных реформ в России // Коммерсантъ. 27.01.1999.

а с другой, давления на Съезд народных депутатов РСФСР. Фактически, взятый курс позволил российскому президенту включить в свою программу целый блок обещаний, подкрепленный выступлениями ряда журналистов, экспертов и политиков в западных СМИ⁵⁶.

Деформация программы реформ

В результате Ельцин добился на Съезде всех политических целей, однако проблема заключалась в том, что одновременно был подорван фундамент экономических. Стратегия реформы строилась на стройной последовательности мероприятий: сначала макроэкономическая стабилизация путем резкого сокращения бюджетного дефицита, затем (весной — в начале лета) одновременное введение конвертируемой национальной валюты и освобождение цен⁵⁷. Это должно было обеспечить стабильную денежную единицу, устойчивость которой не будет подрываться внутренними финансовыми диспропорциями и рублевыми интервенциями других республик. Низкая инфляция при относительно невысокой эмиссии должна была создать предпосылки для более мягких курсовых колебаний в условиях свободной конвертации валюты. Однако сделанное вопреки рекомендации Гайдара^{58,59} объявление о скорой либерализации цен породило взрывной рост спроса, с одной стороны, и прекращение поступлений продукции в торговлю, с другой. Мало того, в некоторых республиках в связи с заявлением Ельцина цены на ряд импортируемых из России товаров были отпущены еще в ноябре, что привело к резкому росту неконтролируемого экспорта с оплатой неограниченно эмитируемыми рублями⁶⁰.

⁵⁶ Аналитическая записка «Об оценках в мире выступления Президента РСФСР 28 октября 1991 года» // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 166. Л. 52–56.

⁵⁷ Материалы к заседанию консультативного президентского совета РСФСР // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99. Л. 1–48.

⁵⁸ Интервью Егора Гайдара 02.07.2006 // ВэбАрхив [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20210511223611/https://echo.msk.ru/programs/albac/44499/> (дата обращения 29.07.2024).

⁵⁹ Вице-премьер реформаторского правительства А.Н. Шохин утверждал, что объявление о либерализации цен в речи президента появилось благодаря его спичрайтерам (для усиления эффекта — прим. авт.). По его мнению, этого не стоило делать, чтобы не провоцировать ажиотажный спрос. См.: Реформаторы приходят к власти: Сергей Васильев. 11 марта 2010 // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/interview/46101-reformatory-prihodiat-k-vlasti-sergei-vasilev> (дата обращения: 29.06.2024).

⁶⁰ Реформа рубля. Безналичного // Российская газета. 1991. № 264–265.

В результате уже в ноябре 1991 г. в изначальный замысел были внесены существенные изменения и дополнения, вызванные напрямую не связанными с реформой политическими факторами. Анонс освобождения цен породил ажиотажный спрос в потребительском секторе с одной стороны, и коллапс предложения, с другой⁶¹. Это породило срочную необходимость перехода к свободно-му ценообразованию еще до финансовой стабилизации, однако по политическим мотивам решение было отложено на два месяца. Торможение мероприятий по введению национальной валюты вело к стремительному росту рублевых интервенций республик. Заявленные сроки экономической стабилизации становились принципиально недостижимыми, порождая уже политические риски. Переход к рыночным отношениям в этих условиях приобретал хаотичный характер.

Заключение

Победа над союзными элитами породила новый вызов для российского руководства. Крах общего противника обострил противоречия внутри демократического лагеря и привел к переносу ответственности за преодоление кризиса на плечи Президента РСФСР и Верховного Совета РСФСР. Следующие факторы предопределили принятие государственного решения об инициации радикальной рыночной реформы:

1. Угроза политического раскола на региональном уровне и паралича власти.
2. Стремительный спад поддержки населения на фоне углубления социально-экономического кризиса.
3. Политическая значимость перспектив оказания поддержки курсу «шоковой терапии» западными странами.

Экономическая реформа, таким образом, стала основанием сохранения президентом чрезвычайных полномочий, то есть представляла собой инструмент консолидации власти. Поэтому форма принятия этого решения предопределялась политтехнологическими соображениями:

1. Анонс наиболее решительных мероприятий должен был привлечь поддержку большей части демократического лагеря.

⁶¹ Письмо председателю КОУНХ И.С. Силаеву от зам. министра внутренних дел СССР В.Б. Турбина 08.11.1991 // Архив Егора Гайдара [Электронный ресурс]. URL: <http://gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/746> (дата обращения: 30.07.2024).

2. Принятие президентом полной ответственности за последствия реформы укрепляло его имидж и способствовало получению согласия оппозиции.
3. Прозападный блок в программном выступлении президента был направлен на общее привлечение политической поддержки, переключение каналов внешней помощи с союзного уровня на республиканский и воздействия на западную медийную и экспертную среду.

Цель была достигнута. Ельцину удалось переломить тенденцию к дезинтеграции политического поля и консолидировать власть в своих руках. Однако этот успех был временным, и, возглавив российское правительство, президент поставил свои политические перспективы в зависимость от результатов экономических преобразований. Однако форма принятия государственного решения самым негативным образом сказалась на их реализации:

1. Двухмесячный разрыв между анонсом освобождения цен и его исполнением привел к параличу потребительского рынка и накоплению неудовлетворенного спроса.
2. Необходимость учета позиции западных государств и международных организаций для получения поддержки, а также неопределенность в отношениях с республиками тормозили решение о введении национальной валюты.

В результате разработанный командой Гайдара первоначальный замысел экономической политики оказался разрушен. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что принятие государственного решения об инициации реформы одновременно создавало предельно неблагоприятные условия ее реализации.

Полученные результаты позволяют глубже раскрыть взаимосвязь между политическими интересами и проекцией социально-экономических проблем в механизме принятия государственных решений. Их практическая значимость заключается в возможности использования в политтехнологическом сопровождении государственной политики.

Литература

Байдаков И.М. Разработка радикальной реформы Ельцина — Гайдар в программах правительства российской федерации // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 6. С. 209–223. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39044

Барышникова Н.А., Сухорукова А.М. Социально-экономическое развитие стран постсоветского пространства: три десятилетия после социализма // Мо-

сковский экономический журнал. 2021. № 3. С. 192–204. DOI: 10.24412/2413-046X-2021-10137

Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. 576 с.

Кляйн Н. Доктрина шока. М.: Издательство «Добрая книга», 2009. 656 с.

Колесников А.В. Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 608 с.

Кынев А.В. Кто и как управляет регионами России. М.: Б.С.Г. Пресс, 2025. 656 с.

Логвенков И.С. Взаимоотношения центральных и региональных органов исполнительной власти в контексте подготовки радикальных рыночных преобразований в России в конце 1991 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 174–185. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.5.71927

Соловьев А.И. Политика и управление государством. Очерки теории и методологии: Монография. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 256 с.

Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997 / Под ред. Е.Т. Гайдара и др. М.: Ин-т экон. Проблем переход. периода, 1998. 1113 с.

Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2012. 760 с.

Brainerd E. Mortality in Russia Since the Fall of the Soviet Union. Comparative Economic Studies. 2021. Vol. 63. P. 557–576. DOI: 10.1057/s41294-021-00169-w

Joseph E. Stiglitz. Globalization and Its Discontents. New York City, W.W. Norton & Company, 2002.

Reddaway P. Glinski D. The tragedy of Russia's reforms: market bolshevism against democracy. Washington DC, US Institute of Peace Press, 2001. 745 p.

Sachs J.D. The End of Poverty. New York, The Penguin Press, 2006. 464 p.

Siegel D. Privatization without Capitalism: The Social Relations of Property in Post-Communist Transitions. Polity. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 6–40. DOI: 10.1086/711646

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Логвенков Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии НИУ «МЭИ», Москва, Россия; *e-mail*: ilya.logvenkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Logvenkov Ilya Sergeevich — Phd (History), National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: ilya.logvenkov@gmail.com

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-47-68

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА: СТАТУСНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ, КОМПЕТЕНЦИИ, СТРАТЕГИЧЕСКИЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Е.В. Охотский

РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация
e-mail: e.ohotskii@mail.ru

Аннотация. В основу статьи положены материалы доклада, с которым автор выступил на экспертной дискуссии в рамках состоявшейся в РАНХиГС в марте текущего года научно-практической конференции «Личность в системах управления». Предмет представленного анализа — проблематика статуса, идейно-мировоззренческих ориентаций, профессионально-личностных качеств и противоречивость их реализации в практике субъектов элитно-лидерского уровня с учетом вызовов и угроз в условиях современных предельно непростых и далеко не всегда позитивных трансформаций. Особое внимание уделено анализу качественных характеристик правовой, политической и нравственной культуры отечественных и западных элит. Исследованы источники, причины и формы элитных девиаций. В статье также представлены проблемы либерально-демократической переоценки ценностей, трудностей формирования элиты современной российской государственности — элиты суверенной, профессионально зрелой, национально ориентированной. Учитываются уроки прошлого, представлены соответствующие выводы прогнозного характера. Некоторые положения носят постановочный, в ряде случаев дискуссионный характер, рассчитаны на дальнейший научный анализ. Сформулированы также предложения, касающиеся оптимизации механизмов элитообразования, поддержания созидającego потенциала и социальной ответственности кадров правящего элитного слоя на должном современном уровне.

Ключевые слова: государство, власть, кадры, кадровая политика, корпорация, лидерство, нравственная культура, ответственность, профессионализм, политическая зрелость, санкции, статус, элита, эффективность.

Для цитирования: Охотский Е.В. Правящая элита: статусные императивы, компетенции, стратегические и ситуационные трансформации // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 47–68.

Дата поступления в редакцию: 20.03.2025

THE RULING ELITE: STATUS IMPERATIVES, COMPETENCIES, STRATEGIC AND SITUATIONAL TRANSFORMATIONS

Okhotsky E.V.

RANEPA, Moscow, Russian Federation

e-mail: e.ohotskii@mail.ru

Abstract. The article is based on the materials of a report presented by the author at the expert discussion within the framework of the scientific and practical conference “Personality in Management Systems” held at the RANEPA in March this year. The subject of the presented analysis is the problems of status, ideological and ideological orientations, professional and personal qualities and the inconsistency of their implementation in the practice of the practical actions of elite — leadership level subjects, taking into account the challenges and threats in the current extremely difficult and not always positive transformations. Special attention is paid to the analysis of qualitative characteristics of the legal, political and moral culture of domestic and Western elites. The sources, causes and forms of elite deviations are investigated. The author also touches upon the problem of the liberal democratic reassessment of values, the difficulties of forming the elite of modern Russian statehood — the elite of a sovereign, professionally mature, nationally oriented. Lessons from the past are taken into account, and relevant conclusions of a forward-looking nature are presented. Some of the provisions are staged, in some cases debatable, designed for further scientific analysis. Some proposals have also been formulated regarding the optimization of elite education mechanisms, maintaining the creative potential and social responsibility of the ruling elite stratum at the appropriate modern level.

Key words: state, government, personnel, personnel policy, corruption, leadership, moral culture, responsibility, professionalism, political maturity, sanctions, status, elite, efficiency.

For citation: Okhotsky E.V. The ruling elite: status imperatives, competencies, strategic and situational transformations // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 47–68.

Received: 20.03.2025

Вниманию участников недавно состоявшейся в РАНХиГС при Президенте Российской Федерации научной дискуссии «Новая управленческая элита и ее потенциальная роль в социальном развитии» были предложены важные, но, как это может показаться на первый взгляд, не особенно сложные в научно-теоретическом и практическом отношении проблемы. Многие из них действительно хорошо изучены, должным образом структурированы и соответствующим образом представлены в научной литературе. Но эта простота лишь кажущаяся. На самом деле все обстоит иначе. Те, кто на практике занимается кадрами, а тем более кадрами высшего политического и административно-государственного статуса, это хорошо знают и понимают почему.

Правящая элита как предмет политической социологии и государственного менеджмента

Элита — важнейшая составляющая «человеческого капитала», ее роль как доминирующего (ведущего, определяющего) актора социально-политического процесса, как базовой управленческой, нравственной и духовно-культурной составляющей власти трудно переоценить. Причем не важно, под каким углом зрения смотреть — статусно-функциональном, социально-классовом, ценностном, социокультурном или меритократическом. Не особенно важно также то, какой подход считать приоритетным — психологический с его теорией генетически запрограммированного стремления определенной категории людей к доминированию и расширенному воспроизводству своей статусной доминанты в качестве определяющей и ведущей; цивилизационный с его концепцией социально-классовой стратификации и социальной мобильности; культурологический с доказательствами конца истории, заката идеологии и ослабления элиты как ведущего фактора «подтягивания нетворческого большинства до уровня творческого авангарда». Главное заключается в другом: власть и аппарат управления должны быть твердыми и годными для соответствующих маневров. В противном случае заостенелость, неизбежная борьба и поражение¹.

К настоящему времени, можно сказать, сложилась отечественная элитологическая школа, в процессе развития которой появилось немало интересных, нередко весьма оригинальных идей, подходов и научно-теоретических конструкций. Пример — анализ системно-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 237. Т. 43. С. 72.

оппозиционных элит, контр- и антиэлит, «консультантократии», синтеза элит как органической составляющей нового господствующего класса в форме некоего «персоналиата», элиты посткризисной «цивилизации с нуля», «фейк-элит», элит политической симуляции. Особый интерес представляют научные разработки, касающиеся сравнительного анализа интеллектуального уровня и эффективности правящих элит, их ценностных ориентаций и ресурсного потенциала, политической зрелости, нравственной культуры и перспектив функционирования как в социально стабильных, так и кризисной условиях. Немало принципиальных позиций теоретико-прикладной значимости содержится в официальных докладах, публичных выступлениях и научных разработках политических деятелей и должностных лиц высшего государственного статуса.

В итоге сформировалось единое мнение, что проблема правящей элиты — это не конъюнктурно-преходящая, а важнейшая составляющая научного осмысления кадрового ресурса власти и публичному управлению. Это обязательный (по крайней мере в его статусном измерении) элемент более или менее крупной социальной общности. В любом обществе есть класс правящих и класс управляемых, класс ведущих и ведомых. Властно-управленческие функции не могут осуществляться одновременно всеми гражданами. «Власть, — пишет Н.А. Бердяев, — не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самых недр общественной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленным над ним»². Таких называют «авангардом», «высшей стратой», «аристократической прослойкой», «наиболее влиятельной частью социальной структуры». Именно благодаря такого рода «малых центров активности» общество способно идентифицировать, осознавать и соответствующим образом реализовать свой созидательный потенциал и свои интересы.

Вопросы элиты, элитообразования, их кругооборота и эффективности далеко не тривиальные. Не говоря уже о проблематике формирования авангардного уровня их правовой, политической, организаторской и нравственной культуры. Элита — это не толь-

² Бердяев Н.А. Судьба России // Составление и послесловие К.П. Ковалева. М.: Советский писатель. 1990. С. 215.

ко высокий статус, власть, привилегии и отмена многих запретов, которые ограничивают обычного человека. Это прежде всего великий труд и огромная ответственность, инициатива и смелость, а нередко и самопожертвование. Не менее значим и другой аспект — власть, как известно, не только возвышает, но и портит, вольно или невольно формирует привычку нарушать общеобязательные нормы, не обращать внимание на мнение других.

Даже в советские времена, когда кадровые решения принимались в строго определенном идеологическом пространстве, когда действовала номенклатурная система, все находилось под строгим политическим контролем, властная вертикаль далеко не всегда срабатывала должным образом. Тем не менее, нельзя не признать, что это *была достаточно исторически сильная созидаящая система*. Без нее нам вряд ли бы удалось в предельно короткие исторические сроки провести индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, победить в войне с нацизмом и гитлеровским фашизмом, провести соответствующие восстановительные работы на огромных разрушенных войной территориях. Создание ракетно-ядерного щита, целинная эпопея, космические программы, БАМ стали возможными благодаря высокоэффективной кадровой системе, силе и авторитету власти, грамотно выстроенной системе управления.

Глубоко убежден, что именно достижения социализма, наши успехи в конкурентной борьбе различных социальных систем являются *одним из базовых условий* тех высоких достижений, которые достигнуты современным западным миром. Наверное, пройдет еще немало времени, пока мировое сообщество осознает грандиозную цивилизационно-историческую значимость социализма в судьбе человечества. Сегодня прошлое во многом видится конъюнктурно-приземленно и оценивается соответствующим образом. Досадно, что некоторые наши ученые и публицисты, политики, идеологии и журналисты весьма поверхностно оценивают достижения нашего недавнего прошлого, «смело критикуют» классиков марксизма и «обличают социализм», восхищаются мудростью монархов и унижают советских лидеров, ставят в пример смелость антикоммунистов и деловитость западных элит и тут же «забывают» многое из того, что было создано интеллектом, трудом и энтузиазмом миллионов. Не говоря уже о том, что мы сами, прежде всего усилиями элит, создали образ какого-то особого высокоразвитого, трудно достижимого для нас западного общества. Думается, что сейчас умнее попридержаться свои эмоции и свой «радикально-новаторский»

порыв. Надо больше думать о реальных проблемах реальной жизни, больше заботиться о будущем своей страны, поскольку время очень непростое и проблемы предельно сложные.

Особенности и трудности современной системы элитобразования

Сегодня нередко возникают вопросы: возможна ли номенклатурная система кадровой работы в условиях демократического правового федеративного государства? Какова роль идеологии в формировании политической культуры правящей элиты? Каковы причины кадрового содержания, не позволившие реализовать новаторские перестроечные замыслы? Каковы условия эффективности правящего класса в современных предельно турбулентных условиях? Причем это не праздные вопросы, многие из них требуют пристального внимания, серьезного анализа и соответствующих ответов.

Номенклатурная система в условиях демократической федерализации, разделения власти и плюрализма невозможна в принципе. А вот демократическая матрица эффективных кадровых отношений не только возможна, но и необходима. Хорошо зарекомендовали себя такие кадровые технологии, как резерв, конкурсный отбор, аттестация, стажировки, ротация. Успешная реализация требований указов Президента РФ «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации»³, «О кадровом резерве федерального государственного органа, кадровом резерве органа публичной власти федеральной территории»⁴, «О Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года»⁵, «Об утверждении Основ государственной по-

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 1653 «О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36497> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 96 «Об утверждении «Положения о кадровом резерве федерального государственного органа, кадровом резерве органа публичной власти федеральной территории» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41733> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 25.03.2025).

литики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁶, о государственных программах «Лидеры России» и «Время героев», реализация приоритетных национальных проектов «Человеческий капитал», «Кадры» и «Наука и университеты» — убедительное доказательство практической значимости современных, во многом новаторских форм воспитания элиты высоких профессионально-лидерских качеств и ее ответственности перед обществом. Не менее пристального внимания заслуживают практики продвижения на государственную и муниципальную службу специалистов из числа участников СВО.

Многие из указанных позиций представлены в специальном Аналитическом докладе «Идеология государства и государственной службы: возможность, необходимость, реалии исторического выбора»⁷. Многие аспекты данной темы стали предметом обсуждения на Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС «Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы»⁸. Предметом особого внимания стали такие вопросы, как диалектическое противоборство либерализма, марксизма-ленинизма и традиционализма, постмодерна, прогресса и социальной аномии. Не остался в стороне также анализ причин возрождения в разных формах неонацизма, расизма и неокolonизма, доказательство не только возможности, но и необходимости формирования государственной идеологии современного демократического правового, социального государства, эффективной рыночной экономики и цивилизованных духовно-нравственных ценностей. Специальными параграфами представлены темы «Идеологический выбор правящих элит постсоветского пространства» и «Идеологическая борьба как фактор формирования и реализации лидерского потенциала в политике и государственном управлении».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.03.2025).

⁷ Охотский Е.В. Идеология государства и государственной службы: возможность, необходимость, реалии исторического выбора. Аналитический доклад. М.: Издательский дом «Дело», 2025. 182 с.

⁸ Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы». Сборник статей. 15–20 мая 2023 г. Т. 1. М.: Научный консультант, 2024. С. 493–524.

Правящие элиты современного динамично трансформирующегося мира: видимость прочности и реалии деградации

Адекватный ответ на вопрос, что представляет собой современная западная элита, изложен в специальном репортаже «Гонка воображений» телеканала ТВЦ от 22 марта 2025 г. Приведем его в сокращенном и соответствующим образом отредактированном варианте. Но для начала напомним суть весьма популярной ныне на Западе *доктрины сдерживания* — доктрины победоносного перехода западного мира к тотальному мировому господству и установлению своего безраздельного доминирования.

Автор доктрины Дж. Кеннан — специалист по планированию внешней политики США. Впервые была изложена в феврале 1946 г. в так называемой длинной телеграмме из Москвы в адрес государственного секретаря США. Советский режим в доктрине квалифицируется как полицейский и антидемократический, доказывается, что СССР представляет собой политическую силу, которая фанатично верит в неизбежность мировой социалистической революции, в то, что с Соединенными Штатами невозможно плодотворное сосуществование, а значит, разрушение внутренней гармонии американского общества является для СССР не только желательным, но и обязательным. Особое место в реализации политики сдерживания отводится гонке вооружений, созданию сети военных баз вокруг СССР, формированию под эгидой США военных блоков, активизации подрывной деятельности силами внутренней оппозиции, санкционными дискриминациями. Со временем доктрина сдерживания была усилена доктриной устрашения, программой «политического наступления», а сейчас еще системой тотальных мошеннических сетей и планами нанесения России стратегического поражения.

В 1915 г. Верховный суд США принял решение о том, что свобода слова не распространяется на кино, сформировали соответствующие цензурные органы, появились даже кодексы самоцензуры. С тех пор в стране последовательно реализуется политика, главный императив которой — дух оптимизма и превосходства; власть государства — легитимна и незыблема; США — страна, где реализуется человеческая мечта. Именно этот бренд стал самым разрушительным в период холодной войны и действует до сих пор. На вооружение была взята концепция «народного капитализма», которая, по замыслу авторов, должна была стать той силой, которая победит любого противника. ЦРУ стало филиалом не только

госдепартамента, но и министерства культуры, было инициатором и спонсором великого числа всякого рода фондов, комитетов и ассоциаций. В каждом американском фильме в обязательном порядке должны демонстрироваться образцы американского образа жизни — красивые интерьеры, роскошные автомобили, дорогие часы, модная одежда, хорошие дороги. Причем все сюжеты подаваться исключительно в проамериканском контексте, в нужных местах подкрепляются убедительной пропагандой соответствующего содержания.

Главное демонстрировать преимущества и свободу американского общества, пропагандировать раскованность и счастливую жизнь американца. Базовый принцип: если американское, значит отличное. Именно на этот предельно простой конструкт сегодня на полную мощь работает школа, кино, живопись, музыка и литература, политика и все властные структуры. Для правящей элиты, а вслед за ней для всех других однозначно — Америка всегда права, Америка никогда не ошибается, Америка несет факел свободы и справедливости. И неважно, что в ее реальной политике главное не закон, а право сильного, им все позволено, шантажируют, применяют силу, действуют по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Люди же во все это верят, для многих исключительность и избранность североамериканского государства стало чуть ли не религией. И неважно, что по этому поводу думают все остальные. Профессор МГИМО(У) МИД России О.Н. Четверикова такую веру называет «религией власти» и «фундаментом правящего режима». Американский правящий класс убежден, что с помощью такой веры можно тотально управлять не только отдельными группами людей и общественными структурами, но и человечеством в целом. Причем в этом не должно быть никаких сомнений, никаких границ и никаких ограничений, в том числе нравственных, культурных, религиозных и правовых⁹. На это должен работать также искусственный интеллект — важнейший институт так называемой, по формуле генерального директора американской компании Palantir Technologies Алекса Карпа, «технологической республики». На формирование такой республики направлены усилия недавно созданного министерства государственного управления, именно для

⁹ См.: Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы. Материалы четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 года. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. 512 с.

этого переформируется пропагандистская деятельность многих научных центров, СМИ, книжных издательств и ведомств типа USAID. Вот и Д. Трамп позиционируется как очередной американский супергерой, которого преследуют, пытаются арестовать и даже убить, но он побеждает, предстает главным защитником традиционных для американского общества ценностей.

На многое из представленного мы пока реагируем не всегда активно, наше национальное законодательство о культуре, например, не меняется на протяжении многих десятилетий, главным своим достижением считаем победу в борьбе против цензуры и засилья КПСС. На этом направлении мы, действительно, получили полную свободу, но до конца, похоже, не понимаем, что такая свобода далеко не всегда и не во всем соответствует интересам государства и запросам простого человека. Почему-то считаем, что уже забыты доктрины типа даллесовских «Размышлений о реализации американской послевоенной доктрины против России»¹⁰, что в прошлом остались технологии подмены нормальных человеческих ценностей фальшивыми. Не верим, что именно западно-европейский и англосаксонский мир, провоцируя хаос, садизм и предательство, шаг за шагом, эпизод за эпизодом продолжают «разыгрывать грандиозную трагедию гибели самого непокорного на земле народа».

Мы долго гордились своей демократичностью, в том числе отсутствием обязательной государственной идеологии, после разрушения СССР ожидали, что наконец наступила эпоха всеобщего доверия и поддержки со стороны западных партнеров. Забыли, что политика и идеология — это не только про классовую борьбу и революционные трансформации, что это прежде всего мудрость и научный образ будущего, что в них содержатся ответы на вопросы, откуда мы и кто мы есть на самом деле, куда, как и зачем мы идем. Это также понимание того, что выигрывает лишь тот, кто имеет прочный мировоззренческий стержень, способен на инициативу и готов к активному действию. Элита — это тот, кто думает не о том, как заполнить холодильник, а тот, кто думает о судьбе страны, кто четко представляет образ будущего и способен прокладывать путь в это будущее. Никакого вакуума на элитном уровне не должно быть, в том числе в части права, идеологии, политики и управления.

Это хорошо понимают как ученые и политические аналитики, так и все без исключения занятые во власти на элитном уровне,

¹⁰ Даллес А. Доктрина. Россию надо поставить на место! М.: Эксмо, Алгоритм. 2011. 224 с.

прежде всего на уровне главы государства, парламентариев, членов правительства и губернаторов. Но вот на уровне чиновника, а тем более широких народных масс такое понимание присутствует далеко не всегда и не во всем.

Ответы на многие вопросы научного осмысления элитно-либерской проблематики мы постараемся представить в Аналитическом докладе «Правящие элиты современного динамично трансформирующегося мира». Работа предстоит серьезная, необходимо не только сформировать соответствующую информационную базу и провести соответствующие социологические замеры, но и исследовать новое в современных механизмах элитообразования и циркуляции элит, выявить базовые условия не только качественного роста, но и причины деградации. Нельзя также не учитывать то, что переход к компьютерным системам ведет как к постепенному переводу политики и управления в соответствующие формы постмодерна, так и к возрастающему, далеко не во всем позитивному господству альянса политиков, олигархов и IT-профессионалов. Реальностью становится не творчески-конструктивный подход и не свобода выбора, а всего лишь «формат сценарного мышления»¹¹ с соответствующим ему поведением. Необходимо также учесть особенности кадровой работы в условиях внешних санкционных дискриминаций, русофобии, поощряемого недружественными государствами проникновения и влияния мошеннических сетей, внешней силовой агрессии.

Не говоря уже об ошибках и просчетах либерально-демократических реформ, нельзя забывать и то, что еще не так давно мы были свидетелями феерического взлета лидеров демократической когорты, «поражались» талантливостью исполнения ими первых ролей в политических постановках перестроечного репертуара перестроечных и последующих форсированных рыночных реформ. В какой-то момент даже показалось, что именно они как носители общегуманитарных ценностей, социализма с человеческим лицом, сочетания демократии и рыночных механизмов, смотрят дальше и видят глубже других, что именно такие могут правильно управлять страной и даже вершить судьбы мира. На самом же деле большинство элиты перестроечной эпохи и последующих либеральных радикально-рыночных реформ лишь тешили свое самлюбие, гордились тем, что могут открыто заявить о своем негативном отно-

¹¹ Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. С. 12–15.

шении к авторитарному советскому прошлому, со свойственной им «скромностью» позиционировали себя первопроходцами, не смущаясь, объявляли темы своих глобально звучащих публичных докладов типа «Стратегическая миссия России в XXI веке». Реальной была лишь запредельная амбициозность, частный интерес и высокомерная способность найти выгодный для себя выход даже из самой сложной ситуации.

При этом толком не понимали, да и сегодня до конца не хотят понять, что Россия — не бизнес-проект, а особая историческая цивилизация со своей историей, своими ценностями и приоритетами. Их никогда особенно не интересовало подлинно демократическое развитие в его историческом измерении. Вместо этого навязывали всевозможные идеологизированные прожекты, для эффективной реализации которых в реальной посткоммунистической действительности не было ни идеологической платформы, ни интеллектуальных ресурсов, ни научно-технологического потенциала, ни социально-психологических и международных условий.

Итог закономерный — стремительное падение и карьерный крах. Сегодня многие элитарии перестроечной формации маневрируют, прячутся, выпрашивают другое гражданство. Куда только девалась их вальяжность, апломб и самомнение! Осталась лишь гордость тем, как они боролись с коммунизмом и тоталитарным режимом. На самом деле они не боролись и не строили, а разрушали и уничтожали. Народ же верил и делал все от него зависящее, чтобы страна стала полноправным членом цивилизованного, построенного на добрососедстве и плодотворном сотрудничестве, мирового содружества. Не получилось: как только попытались заявить о своем суверенитете и равноправной многополярности, как тут же нас объявили противниками демократии, свободы и прогресса.

Немало интересных выводов (хотя далеко не все они, как нам представляется, достаточно обоснованы), касающихся современной отечественной правящей элиты содержится в научном докладе «Российская элита — 2020»¹², представленном на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в июле 2013 г. Предмет исследования — ценностные ориентации и политические настроения российских элит, их оценки текущей ситуации, прогноз возможных сценариев развития страны на 2015–2030 гг.

¹² См.: Российская элита — 2020. Аналитический доклад // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/books/101149290> (дата обращения: 22.10.2024).

Наиболее значимые выводы авторов доклада: а) демократизация управления государством для ныне правящего режима главным императивом пока не стала; б) ведущим направлением внутренней политики государства по-прежнему остается устранение внутренних противоречий, укрепление вертикали власти и повышение качества аппарата государственного управления; в) демократизация, профессионально-квалификационное и профессионально-статусное развитие кадров высшего звена — ведущее направление элитообразования; г) число сторонников национального интереса России падает, а число тех, кто считает военную силу ключевым фактором решения международных проблем — растет; д) главная слабость элитогенезиса — отсутствие должного внутриэлитного единства, стремление политических партий, движений и оппозиционных сил выдать свои политические позиции и лидерские амбиции за адекватное отражение «истинных интересов народа». Роль партийных элит современной России пока не относится к первому ряду элитного субъектного влияния на политический процесс, партии, в том числе системно-оппозиционные, не являются настоящими фабриками передовой государственно-созидающей мысли.

А далее очень вероятно активизация негативов с их нарастающим итогом — эгоцентризм, идеология барства и потребительства, тотальные санкционные дискриминации, кризисные финансово-экономические проявления, коррупция, «сетевые войны». Поэтому учиться управлять в кризисно-опасных условиях — не просто актуально, но и жизненно необходимо. Самотеком ничего не получится, игра в толерантность, лояльность и плюрализм — это видимость демократии, а не залог успеха, это путь деградации и непременного поражения.

Все более острой становится также проблема противодействия коррупции элитного уровня, количество выявленных коррупционных преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах неуклонно растет. Только по линии органов прокуратуры за последние годы установлено более 165 тыс. нарушений антикоррупционного законодательства, что послужило основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности более 73 тыс. виновных должностных лиц, 703 из них уволены в связи с утратой доверия¹³. Не случайно коррупция на элитном уровне квалифици-

¹³ Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры 19 марта 2025 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/76484> (дата обращения: 27.03.2025).

руется системной угрозой для национальной безопасности¹⁴. Причем не только как явление юридическое и социально-статусное, но и ментальное.

Правовые механизмы борьбы с коррупционным злом в России созданы, они достаточно современны и эффективны. Введен в действие Федеральный закон «О противодействии коррупции»¹⁵, утверждены соответствующие концепции, стратегии и планы, сформированы необходимые органы контроля, расследования и пресечения, введен институт декларирования служащими государственного аппарата своих доходов и расходов. Тем не менее проблематика противодействия системной элитной коррупции, деbüroкратизации управления и пресечения карьеристских проявлений менее актуальной не становится. Причем не только в практическом, но и научном плане.

Специальный раздел Аналитического доклада посвящен такому явлению, как «экспорт коррупции» — весьма эффективной формы деморализации правящих элит и «приватизации власти» с последующим установлением жесткого внешнего контроля над государством. Убедительное доказательство справедливости такого вывода — коррупционное разложение правящих элит и установление тотального внешнего контроля над Украиной. Итог — налицо элита проблемного квазигосударства, интеллектуального невежества, корыстолюбия, национального предательства и международного терроризма. Дошло до того, что в храмах УПЦ не только молятся за победу украинских вооруженных сил над Россией, но и прославляют террористические преступления своих солдат, иступлённо превозносят «великую пронизывающую мудрость» своего президента, представляют его истинным борцом за правду, свободу и демократию. Цинизм запредельный.

Нацистская, системно коррумпированная, радикально русофобски ориентированная украинская власть объявила «антитеррористическую операцию» против жителей Донбасса и постепенно превратила страну в откровенно террористическое государство¹⁶,

¹⁴ Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/30939> (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁵ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/28623> (дата обращения: 27.03.2025).

¹⁶ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе посольского «круглого стола» по тематике урегулирования

в передовой отряд западной военщины в статусе «государства-наемника». Демилитаризовать и денацифицировать такое государство сугубо политико-идеологическими, а тем более дипломатическими средствами невозможно в принципе. С исторической сцены такие режимы снять можно только силовыми методами, причем убирать следует всех и каждого вплоть до руководителей районного и поселкового звена. Не исключено, что возможно потребуется система временного внешнего управления под эгидой Совета Безопасности ООН. Такое решение представляется весьма актуальным — на Украине должно быть правительство по-настоящему дееспособное, пользующееся доверием народа правительство. В противном случае страна может вовсе исчезнуть как суверенный субъект международного права.

Что касается современных западных элит, то и здесь все четче просматривается тренд мировоззренческой, профессиональной и нравственной деградации. Системная коррупция, двойные стандарты, реализация собственных интересов за счет других, предательство и клевета, международный терроризм и оранжевые перевороты для них давно стали нормой. Не согласен — тут же ярлык сторонника путинского авторитарного режима, кремлевского агента или предателя национального интереса. Налицо превращение западных элит в конгломерат самодостаточных кланово-корпоративных конфликтующих между собой структур, какая-то особая, чисто бюрократическая деидеологизация внутриэлитных отношений, обострение дихотомии по линии «власть — оппозиция»¹⁷.

В политических кругах, информационных сетях и научных кругах цивилизованного сообщества сложилось твердое мнение, что на западном направлении сегодня мы имеем дело с элитами отрицательной селекции. Вроде бы образованные и опытные, но должного представления о законах государственного управления и международного взаимодействия не имеют. Все чаще верх берут не лидеры, а, по образному выражению В.В. Путина, «политическая мелюзга», которые ничего общего не имеют с понятиями деловитости, в том числе даже в части классической дипломатии. Все чаще «имеем дело с людьми, которые не только не обладают какой бы то ни было значимой компетенцией в чем бы то ни было, но и элементарной политической культурой, если позволяют себе

ситуации вокруг Украины, Москва, 4 апреля 2024 года [Электронный ресурс]. // mid.ru/ru/foreign_policy/un/1942532/ (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁷ Нечипоренко В.С., Вернигорова Т.П. Теория государственного управления: элитно-лидерский и исторический подходы. М.: Реал-Принт, 2021. С. 166.

определенные высказывания и даже прямые оскорбления в адрес тех, с кем пытаются о чем-то договориться»¹⁸. Налицо имитация элитарности и беззастенчивая демонстрация интеллектуальной недостаточности, а далее лишь одно — великодержавный диктат, асимметричность межгосударственных отношений, размывание суверенитетов, никакой транспарентности и взаимного доверия, внутриэлитная конфликтность, разрушение всех форм идентичности¹⁹.

Направленность действия предельно цинична — тотально контролировать, наживаться и господствовать, плюс непоколебимая вера в свою исключительность и свое особое, чуть ли не божественное предназначение. Если раньше у статусных деятелей было хоть какое-то чувство совести, они старались учиться на ошибках и более-менее объективно информировать общество о происходящем, то сейчас все нормальное подвергается сомнению, критикуется и соответствующим образом изменяется²⁰. Да еще непомерные амбиции, позерство и виртуозная риторика. Истина уже неважна, главное качественно исполнить заданный мировой закулисой заказ представить Россию в откровенно негативных тонах и непременно как субъект ничем не спровоцированной, полномасштабной агрессии. Нормой стала непоколебимая убежденность в том, что они и только они являются носителями истины во имя высших, только им ведомых ценностей.

Это для определенной части русских элит, причем части достаточно существенной, все западное представляется настоящей цивилизацией. Вот только с той стороны никакое равенство с русскими (православными) не признается. У них свои критерии: мы лучшие, а все остальные — второсортные и отсталые. Причем никакими «красными линиями» и «глубокими озабоченностями» такую ситуацию не изменишь. Апеллировать к разуму и здравому смыслу малопродуктивно, а нередко и вовсе бессмысленно. Разум для западных элит давно уже не рациональность. Если раньше они в той или иной мере руководствовались законом, придерживались правил традиционной этики и дипломатического этикета, были сдер-

¹⁸ Путин В.В. Выступление на совещании с членами Правительства РФ. Московская область, Ново-Огарёво. 4 июня 2025 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/77099> (дата обращения 05.06. 2025)

¹⁹ Никонов В.А. Российская матрица. Монография. М.: ООО «Русское слово», 2014. С. 838, 840, 848–849.

²⁰ Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология российской государственности. Контент Россия. СПб.: Питер, 2021. С. 585–586.

жанны в формах межличностного поведения, то сейчас все иначе. Вовсе не редкость хамские формулировки, вызывающие действия и при этом никакой ответственности. Налицо *имитация элитарности*, в том числе в исполнении носителей известных фамилий, получивших дипломы престижных университетов.

О демократии, правовой законности и свободе выбора лишь говорят. Не срабатывают ни меритократический тип элитного рекрутирования посредством выборности; ни разветвленная система элитного семейного воспитания, школьного обучения и высшего профессионального образования в элитно-статусных учебных заведениях; ни элитная целевая ориентированность культуры, кинематографа, театра, СМИ, а теперь еще и социальных сетей; ни сеть специально финансируемых фондов и неправительственных организаций; ни либеральные, конъюнктурно выгодные для власти трактовки демократии, свободы и социальной справедливости. Такая система способна привлекать и направлять, даже несмотря на то, что по ряду позиций все это не более, чем «фасад, с виду напоминающий демократию»²¹, лишь иллюзия свободы и красиво презентуемая модель государственного устройства, которая призвана скрыть игнорирование прав рядовых граждан²², закамуфлировать неприглядные стороны широко рекламируемого западного образа жизни. Поэтому вовсе не удивительно, что граждане США выражают серьезные сомнения по поводу качества демократии в их стране, уверены, что правительство больше служит интересам правящей элиты в лице глубинного правительства и транснационального капитала, чем общества в целом.

Это раньше там были выдающиеся политические деятели мирового уровня, были серьезные демократические традиции, сейчас о масштабах открытости и свободы, которые характерны для нынешней России, там можно только мечтать. Даже В.В. Путин — государственный деятель предельно высокой политической выдержки и дипломатического такта, вынужден констатировать, что нынешние западные «политические элиты мельчают», многие ее представители занимаются не своим делом — «мелюзга просто политическая». Еще не так давно там были люди, которые имели собственное мнение и были способны мужественно отстаивать свою позицию, пытались реализовать ее в практической работе.

²¹ Крестев И., Холмс С. Свет, обманувших надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Диджитал, 2020. С. 35.

²² Патрушев Н.П. «Они совсем страх потеряли?». Интервью // Российская газета. 2023. 27 марта.

Сегодня таких людей в западном истеблишменте практически нет. Руководят и властвуют другие — много наговорили и слишком много наобещали, а теперь «отруливать» от этой позиции без потери лица очень сложно или практически невозможно²³.

Во власти господствует лицемерие; в исторических трактовках — фальсификации; в пропаганде — антикоммунизм, антисоветизм и русофобия; в социальной сфере — пропаганда барства и нравственной распущенности; в международном измерении — ложь, двойные стандарты и инсинуации. *Проблема правды и порядочности* для таких — самая болезненная тема, куда ближе культура двойных стандартов, лжи, государственных переворотов и порабощения. Не являются помехой никакие конституционные нормы и требования международного права, в том числе Всеобщей декларации прав человека.

Элита современного западного формата — элита фальши, подлости и цинизма

В концентрированном виде качества цинично-пренебрежительного отношения к праву и нормам человеческой морали демонстрируют не только западные неолиберально ориентированные элиты, но и нынешний тотально ими контролируемый украинский правящий класс. История современной Украины — это нечестность, подлость и фальсификации: нечестная, грубо фальсифицированная история; нечестно полученные от советской власти обширные территории; нечестный без каких-либо официальных соглашений выход из состава СССР; нечестно сконструированная история, согласно которой украинцы — чуть ли не первоисточник культуры на планете; нечестно конструируемая пропаганда с доказательствами того, что русские всегда притесняли и грабили украинский народ. Неправда и то, что свободолюбивые и гордые укры испокон веков воевали с русскими за свое достоинство и независимость. Вот какой научно-идеологический базис у элиты современного украинского режима.

Запад их обманывает и обворовывает, вверг в кровопролитие, а они верят и готовы к самоуничтожению. Продолжают верить в то, что главный их враг — Россия, а счастье исключительно за горизонтом на западном направлении. Отсюда главный смысл их

²³ Интервью Президента России телеканалу «Россия» 24 февраля 2025 г. // [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/68571> (дата обращения: 06.06.2025).

существования — борьба с русскими за свободу в соответствии с концепцией «европейского выбора».

При этом мало кто даже на уровне правящей элиты и научного сообщества осознает, что конфликт с России — это конфликт Запада с православным миром и русской цивилизацией, конфликт, который носит не ситуационный, а глубинный сущностно-философский смысл. Элиты нынешнего западного формата — это элиты предельно деформированных ценностных ориентаций, их уверенно (фактических свидетельств и доказательств огромное количество) можно квалифицировать элитой лжи, двойных стандартов, политического цинизма и агрессии. По сути своей это «фальшь-элиты», элиты имитации и уж никак не элиты авторитетного лидерства, мира и созидания.

Пример такой элитарности — правящая политическая элита англо-саксонского формата. Достаточно вспомнить интриги в отношении царствующей семьи Романовых, поддержку временного правительства и белого антисоветского движения, маневры вокруг нарождающегося гитлеровского режима в Германии, послевоенную фултонскую провокацию, «дело Скрипалей», разрушившее англо-российские отношения, выход в одностороннем порядке из Договора по противоракетной обороне и тем самым разрушение системы контроля над ядерными вооружениями, многочисленные срывы договоренностей о прекращении огня на линии боевого соприкосновения на украинском направлении. В каждом из представленных сюжетов речь идет не о России и не о демократии, а о гегемонии Запада и господстве западных ценностей. Налицо естественная для англо-саксонской традиции модель циничного политико-идеологического маневрирования и конъюнктурно искаженных ценностей.

Вывод: реалии современной действительности позволяют известную формулу Вильфредо Парето «элита лис — элита львов» трансформировать в триаду «элита лис — элита львов — элита волков». Реалии современной действительности в сочетании с исследованиями современных западных элит убеждают, что такая триада полностью соответствует истине. Элита волков не ведет честные переговоры и не созидает, не стремится к миру и сотрудничеству, а, сбившись в стаи, стремится всеми, как говорится, правдами и неправдами унижить оппонента, нейтрализовать конкурента и непременно победить. В противном случае виноваты все, но только не они. Именно такая элита вынашивает планы политической дезориентации, идейного и морально-психологического разложения

и нанесения противнику стратегического поражения. Более того, убеждена, что в их «благородном» деле все средства хороши, главное — дезориентировать, деморализовать и отменить все то, что не соответствует их идеологическим установкам, политическим и финансово-экономическим интересам.

Работа с такими элитами требует от политиков и дипломатов, не говоря уже о первых руководителях государства, настоящих профессиональных и лидерских качеств, демонстрации особых волевых, экспертно-аналитических и коммуникативных компетенций, психологической стрессоустойчивости и политико-бойцовских, качеств. Это раньше «буржуазия позволяла себе либеральничать, создавала себе популярность в народе. Теперь же от ее либерализма не осталось и следа... знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Поэтому нам придется поднять это знамя, собрать вокруг себя большинство народа и повести его вперед». Представленный тезис был сформулирован более семидесяти лет назад на XIX съезде ВКП(б). Но и сейчас он актуален, полностью соответствует вековому стремлению Запада ослабить конкурентов и за счет этого вырваться вперед, звучит как предупреждение о необходимости быть готовыми к неизбежным цивилизационным столкновениям.

Заключение: национализация элит становится все более актуальной

Сегодня Россия практически единственная страна, которая не только должна и может, но и реально способна защитить исконные исторические ценности справедливости, государственной независимости и национального суверенитета, культурной и духовной самобытности народа. Мы исходим из базовой установки — без истинных государственников, опытных и зрелых прагматиков, без лидеров и руководителей, обладающих соответствующими профессиональными качествами, никакие серьезные преобразования немислимы. Что в полной мере соответствует современным представлениям о качестве кадров элитного статуса.

В нашем понимании это прежде всего носители таких качеств, как *порядочность, профессионализм и ответственность*, плюс мощный активно-созидающий социально-функциональный потенциал. Убеждены, что только в таком режиме можно успешно реализовать главное — создание справедливого, отвечающего интересам большинства пространства устойчивой стабильности и поступательного развития. Надо не только выглядеть элитой, ею

надо быть на самом деле. Надо не только хотеть и мечтать, надо конкретными делами и интеллектом подтверждать высокий элитный статус. Элитарность — это не бизнес, не прибыль и не привилегии. Это служение, обязанность и самоограничение. Подлинная элита — это те, кто по-настоящему служит России, труженики и воины, надежные, достойные, делом доказавшие свою преданность России люди²⁴.

С такой точки зрения сегодня с особой силой звучит в нашей стране запрос на *национально-ориентированную элиту*. И понятно почему. Позитивное обновление элиты для современной России — не только одна из базовых предпосылок формирования нового политического класса, но и мощный ресурс цивилизованного функционирования политической системы в целом. Такое понимание элиты (не говоря уже о так называемой пятой колонне) в научных публикациях, в том числе главой государства сформулировано однозначно и соответствующим образом обосновано. Суть вопроса достаточно проста — если хочешь оставаться в элитной среде, быть успешным и уверенно чувствовать себя в статусе лица высокого политического, экономического или гражданского уровня, ты должен быть готовым к осознанному подчинению своей жизни и своего частного интереса интересу общественному.

Преобладающая ныне пирамида ценностных элитных предпочтений «успешная карьера — сохранение себя во власти — материальное благополучие — стремление добросовестно служить Отечеству» должна быть перевернута. На первом месте должны быть честное служение, государственная ответственность и национальный интерес. Обеспечить победу может только сильная авторитетная власть, по-настоящему консолидированная элита, а также бизнес, ориентированный на демократически-либеральную, законом строго регулируемую модель социально-экономического развития.

Литература

Бердяев Н.А. Судьба России // Составление и послесловие К.П. Ковалева. М.: Советский писатель. 1990. 346 с.

Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: новые вызовы и угрозы. Материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 25 марта 2022 года. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. 512 с.

²⁴ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года, 29 февраля 2024 г.

Государственной управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы». Сборник статей. 15–20 мая 2023 г. Т. 1. М.: Научный консультант, 2024. 898 с.

Даллес А. Доктрина. Россию надо поставить на место! М.: Эксмо, Алгоритм. 2011. 224 с.

Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает борьбу за демократию. М.: Альпина Диджитал, 2020.

Нечипоренко В.С., Вернигорова Т.П. Механизмы государственного управления: элитно-лидерский и исторический подходы. Монография. М.: Реал-Принт, 2022. 470 с.

Никонов В.А. Российская матрица. Монография. М.: ООО «Русское слово», 2024. 992 с.

Охотский Е.В. Идеология государства и государственной службы: возможность, необходимость, реалии исторического выбора. Аналитический доклад. М.: Издательский дом «Дело», 2025. 182 с.

Российская элита — 2020. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://publications.hse.ru/books/101149290>

Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология российской государственности. Контент Россия. СПб.: Питер, 2021. 688 с.

Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. 424 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Охотский Евгений Васильевич — доктор социологических наук, профессор, эксперт Научно-исследовательского центра государственной службы и управления Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; *e-mail*: e.ohotskii@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Okhotsky Evgeny Vasilyevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, expert at the Scientific Research Center for Public Administration and Management at the RANEPA Institute of Public Administration and Management under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia; *e-mail*: e.ohotskii@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-69-86

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ФЕДЕРАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Д.В. Астраханцев

Третий арбитражный апелляционный суд,
Красноярск, Российская Федерация
63077@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены сформированные отечественной юридической доктриной подходы к определению понятия федеральных территорий. Доказано, что понимание федеральных территорий исключительно в качестве публично-правовых образований в полной мере не отражает их многогранную правовую природу. Обосновано, что в отсутствие населения федеральная территория не может считаться публично-правовым образованием, в силу отсутствия практической необходимости создания в ее пределах системы органов публичной власти. Для учета при формировании единообразного понятия федеральных территорий предложена классификация их признаков. Сформулировано авторское понятие федеральных территорий. Поддерживая подход законодателя по формированию понятия федеральных территорий в отдельном федеральном законе о создании конкретной территории. Автор предлагает закрепить общее понятие федеральных территорий в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: федеральная территория, федерализм, территориальное устройство, публично-правовое образование, правовое регулирование, территория.

Для цитирования: Астраханцев Д.В. Проблема определения понятия «федеральная территория» в отечественной юридической науке и зако-

THE PROBLEM OF DEFINING THE NOTION OF “FEDERAL TERRITORY” IN RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LEGISLATIVE PRACTICE

Astrakhantsev D.V.

The Third Appellate Arbitration Court, Krasnoyarsk, Russian Federation
63077@mail.ru

Abstract. The article considers the approaches formed by domestic legal doctrine to the definition of the concept of federal territories. It is proved that the understanding of federal territories exclusively as public-law entities does not fully reflect their multifaceted legal nature. It is substantiated that in the absence of population a federal territory cannot be considered a public-law entity due to the lack of practical necessity to create a system of public authorities within its boundaries. In order to take into account in the formation of a uniform concept of federal territories the classification of their features is proposed. The author's concept of federal territories is formulated. Supporting the approach of the legislator to form the concept of federal territories in a separate federal law on the creation of a particular territory, it is proposed to fix the general concept of federal territories in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: federal territory, federalism, territorial organization, public-law entity, legal regulation, territory.

For citation: Astrakhantsev D.V. The problem of defining the notion of “federal territory” in Russian legal science and legislative practice // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 69–86.

Received: 16.04.2025

Введение

С принятием в 2020 г. поправок в Конституцию РФ состоялось законодательное закрепление допустимости учреждения в Российской Федерации федеральных территорий: соответствующие положения были отражены в части 1 статьи 67 Конституции РФ. Помимо приведенной конституционно-правовой нормы, иные положения Конституции РФ, регулирующие территориальное устрой-

ство Российской Федерации, не претерпели изменений. При этом обращает на себя внимание крайне лаконичное изложение правовых положений, посвященных федеральным территориям, а также их отсылочный характер. Так, установив возможность создания федеральных территорий, законодатель ограничился указанием на порядок их образования, не конкретизируя понятие и содержание конституционно-правового статуса данных территорий.

Впервые с предложением введения понятия «федеральные территории» выступил С.А. Харитонов, являвшийся на тот момент председателем Тульской областной Думы, отметив, что к ним следует относить, например, такие территории, где расположены заповедники; объекты, имеющие стратегическое значение и т.д.¹ Сенатором А.А. Клишасом также приводились конкретные примеры территорий, которые потенциально могли бы быть наделены соответствующим правовым режимом: в частности, речь шла об особо охраняемых территориях и закрытых административно-территориальных образованиях. Раскрывая цели, на достижение которых направлено создание федеральных территорий, сенатор отметил, что их учреждение продиктовано необходимостью проведения особых природоохранных мероприятий и повышения инвестиционной привлекательности в пределах конкретных территорий². Доктринальное обоснование учреждения федеральных территорий основывалось на зарубежном опыте отдельных федеративных государств (например, США, Австралии, Канады), где данные территории получили широкое распространение.

Многолетняя практика организации территориального устройства Российской Федерации предусматривает различные формы территориальных единиц с особым правовым режимом (территории опережающего социально-экономического развития, наукограды, ЗАТО и т.д.). Создание федеральных территорий представляется мотивированным, поскольку способно оказать положительное влияние на укрепление обороноспособности и решение задач стратегического характера. Однако, несмотря на признанную практическую значимость учреждения данных территорий, важно

¹ В Конституции может появиться понятие «федеральные территории» // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4243970> (дата обращения: 02.02.2025).

² В Конституции предлагают закрепить понятие «федеральная территория» // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-konstitucii-predlagayut-zakrepit-ponyatie-federalnaya-territoriya.html> (дата обращения: 02.02.2025).

подчеркнуть, что их создание необходимо осуществлять с учетом отечественных правовых реалий и особенностей федеративного устройства, не полагаясь исключительно на принципы и методы зарубежных правовых порядков.

Отсутствие достаточного научно-практического обоснования необходимости создания федеральных территорий в Российской Федерации позволяет констатировать наличие неопределенности в отношении содержания понятия федеральных территорий, что признавалось в юридической литературе³. В настоящее время в доктрине отсутствует единообразный подход к определению понятия федеральных территорий. Данное понятие также не раскрыто ни в действующем федеральном законодательстве, ни в актах стратегического планирования⁴. Приведенные обстоятельства предопределили цель настоящей статьи — сформулировать единое понятие федеральных территорий. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить правовую сущность и дать характеристику таким категориям, как территория и государственная территория; 2) проанализировать основные сложившиеся в доктрине подходы к пониманию федеральных территорий; 3) выявить общие и специальные признаки федеральных территорий, которые могут быть положены в содержание их понятия.

Территория и государственная территория: правовая сущность и характеристика

Новаторский характер закрепленного в Конституции РФ института федеральных территории и последующее создание в Российской Федерации первой территории, наделенной соответствующим правовым статусом, в отсутствие его детального нормативно-правового регулирования обуславливает необходимость уточнения понятия федеральных территорий. Принимая во внимание тот факт, что такие категории как «территория» и «государство» неотделимы друг от друга, перед непосредственным

³ Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 30.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 08.02.2025).

исследованием содержания понятия «федеральная территория» необходимо обратиться к общему определению понятия «территория».

Территория широко изучается в доктрине, в связи чем не представляется возможным сформулировать ее единообразное определение, поскольку конкретная наука решает собственные индивидуально определенные задачи. Однако важно подчеркнуть, что в рамках юридической доктрины также сложилась вариативность в отношении выявления содержания анализируемого понятия. Так, некоторые авторы полагают, что территория представляет собой естественную среду в природном, физическом или географическом выражении⁵. С.В. Праскова, проанализировав классические теории территории, отметила, что они не раскрывают понятие территории как таковое, рассматривая его в контексте принадлежности государству⁶.

Полагаем, что в контексте юридической науки целесообразность применения приведенного подхода может иметь смысл исключительно при необходимости обосновать наделение той или иной территории особым правовым статусом с точки зрения ее физических свойств, географического положения и наличия в ее пределах уникальных природных объектов. Недостатком данного подхода является то, что он не в полной мере учитывает исторические и социокультурные процессы, имевшие место в процессе формирования территорий.

Итак, территории, представляя собой определенное физическо-географическое «пространство», складывались, исходя из юридических, экономических, социально-психологических и иных факторов. Данные факторы выражались в решениях и (или) действиях социума, выраженные в признании либо непризнании распространения компетенции на то или иное территориальное пространство, его присвоение, отторжение и т.д.

Юридическая доктрина, оперируя понятием «территория государства» в сравнительно более продолжительный период, чем законодательство, переходит от описания его сущности к выявлению составных частей территории. Отечественный законодатель, между тем, пошел по противоположному пути, не выделяя признаки тер-

⁵ Кудрявцев В.Н. Курс международного права: в 7 т. Т. 3. Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. С. 13.

⁶ Праскова С.В. К вопросу о состоятельности теорий территории // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 51–60.

ритории. Таковые, однако, могут быть выявлены при толковании правовых норм, которыми регулируются вопросы государственной территории.

Определяя содержание понятия «территория государства», отечественные ученые обращались и продолжают обращаться к категории «земная поверхность»⁷, включающую в себя сушу, внутренние и прилегающие к ней воды⁸. Дальнейшее развитие доктринальные концепции, касающиеся понимания государственной территории, получили в XX в.: недра, именуемые «подземным пространством», представлялись как отдельный компонент территории⁹. В условиях совершенствования способов ведения хозяйственной деятельности и технологического развития к территории государства стали относить надземное пространство¹⁰ и морские кабели¹¹. В качестве видового признака, применяемого учеными в отношении дефиниции государственной территории, использовалось понятие «власть» и смежные с ней категории: территорию представляли как пространство, находящееся под верховной властью¹², или пространство, где осуществляются властные функции¹³.

Вышеприведенные подходы также были отражены в трудах представителей отечественной юридической науки. Отдельные авторы обращались к схожему понятийному аппарату¹⁴, рассматривая государственную территорию в качестве пространства, на которое государство распространяет свой суверенитет¹⁵, конста-

⁷ Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). М: Книжный мир, 2010. С. 158.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву. СПб.: Типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1892. С. 85.

⁹ Жилин А.А. Учебник государственного права. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Ч. I. Петроград, 1916. С. 189.

¹⁰ Магазинер Я.М. Общее учение о государстве: курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е издание, переработанное. Петроград: Кооперация. 1922. С. 105.

¹¹ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / под ред. В.Э. Грабаря. Юрьев, 1912. С. 105–106.

¹² Алексеев А.С. Русское государственное право: конспект лекций. М.: Типография А.А. Гатцука. 1892. С. 155.

¹³ Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. Т. 1. СПб., 1908. С. 286.

¹⁴ Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Проспект, 2004. С. 57.

¹⁵ Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. Л.В. Тихомировой. М.: Юринформцентр, 1997. С. 93.

тируя, что в отсутствие такого пространства осуществление суверенитета невозможно¹⁶. Таким образом, территория государства представляет собой пространство, в пределах которого конкретное государство реализует свой суверенитет. Схожие положения также отражены в части 1 и части 2 статьи 4 Конституции РФ. Следовательно, территорию российского государства составляет пространство, на которое распространяется ее суверенитет и верховенство Конституции и законодательства Российской Федерации.

Многообразие подходов к определению понятия «федеральная территория»

Понятие федеральных территорий является объектом изучения представителями отечественной юридической доктрины, в том числе осмысляющими их правовую природу и сущностные характеристики. Так, И.В. Лексин, признавая затруднительность прогнозирования предполагаемых форм будущих федеральных территорий, отмечает, что может сложиться два подхода к определению их правосубъектности. Согласно первому подходу, основанному на толковании части 1 статьи 67 Конституции РФ в системной взаимосвязи с Заключением Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З, правовой статус федеральных территорий не может быть признан тождественным правовому статусу, которым наделены субъекты Российской Федерации. Однако такое соотношение теряет какое-либо значение при ином подходе: признание отсутствия у федеральных территорий правосубъектности будет означать отсутствие у них правового статуса в целом. Федеральные территории также нельзя отнести к административно-территориальным образованиям, ввиду отсутствия данного института с 1992 года и определить в качестве административно-территориальной единицы субъекта федерации, поскольку они обладают «федеральным» титулом¹⁷.

Отдельные авторы, формулируя понятие федеральных территорий, конкретизируют их виды и раскрывают особенности правового режима. Так, С.Б. Сафина определяет федеральные

¹⁶ Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 457–470.

¹⁷ Лексин И.В. Территориальная основа российской государственности: результаты состоявшихся конституционных изменений и перспективы новых преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 37–45.

территории в качестве территорий, не являющихся субъектами Российской Федерации и управление которыми осуществляется федеральным центром напрямую. К федеральным территориям автор, в частности, относит ассоциированные государства, федеральные столичные округа, владения и т.д.¹⁸ К схожим выводам приходит А.Ю. Сибилева, определяющая федеральную территорию как территорию, не находящуюся в составе субъекта федерации, управляемую напрямую центральной властью, и В.В. Корольков¹⁹.

Указанные позиции дают лишь общее представление о федеральных территориях, не раскрывая содержательные характеристики их правового режима. Однако в приведенных трактовках определяются признаки, имеющие практическую важность для исследования федеральных территорий. В частности, следует выделить такие признаки, как нахождение под прямым федеральным управлением и установление правового режима, отличного от субъектов федерации. Между тем термин «несубъект» в науке конституционного права носит двойственный характер. Он используется при характеристике асимметричной федерации²⁰ и находящихся в составе федеративного государства территорий, в отношении которых установлен особый правовой статус²¹. В качестве примера федеральной территории, чья компетенция приближена к полномочиям субъекта федерации, можно привести федеральный столичный округ Бразилиа, учрежденный в правопорядке Федеративной Республики Бразилия. В Конституции Бразилии предусмотрен трехуровневый способ разграничения полномочий: предметы исключительного ведения союза (федерации), совместного ведения и ведения субъектов федерации. К полномочиям федерального округа также отнесено издание законодательных актов в области культуры, налогового и финансового права и т.д. Кроме того, округ осуществляет детальное правовое регулирование, в то время как федерация — устанавливает исключительно общие принци-

¹⁸ Сафина С.Б. Федеральные территории в составе федерации: особенности статуса и значение // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 13–16.

¹⁹ Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 6. 2020. № 3. С. 49–56; Корольков В.В. «Убить нельзя лечить»: конституционная реформа — 2020 и российский федерализм // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 130–142.

²⁰ Watts R.L. Comparing federal systems in the 1990s. Kingston, Ont.: Institute of Intergovernmental Relations, Queen's University, 1996. P. 56–62.

²¹ Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. С. 143–151.

пы²². Содержание властных полномочий, гарантируемых округу Конституцией и отраслевым законом, дает основания полагать, что его правовой режим обладает определенными сходствами с правовым режимом субъектов Бразильского союза.

Первая в истории российского государства федеральная территория «Сириус» создана путем принятия и введения в действие Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ (далее — Закон № 437-ФЗ). В данном законе, наряду с закреплением порядка функционирования и целей учреждения территории «Сириус», также было сформулировано ее определение, позволяющее выделить следующие характеристики данной территории: 1) публично-правовое образование, где в силу его особого правового статуса, обусловленного общегосударственным стратегическим значением, организация публичной власти осуществляется с учетом особенностей данной территории; 2) во исполнение целей учреждения территории «Сириус» в ее пределах могут устанавливаться особенности осуществления экономической, а также иной деятельности²³.

Признавая значимость первого нормативного правового акта, где законодателем изложено видение понятия федеральных территорий, необходимо отметить, что оно не характеризует их в целом, раскрывая особенности конкретно определенной федеральной территории. Формулируя определение федеральной территории «Сириус», законодатель отнес ее к публично-правовым образованиям «нового вида», что также было отражено в пояснительной записке к проекту Закона № 437-ФЗ, где обосновывалось закрепление соответствующего определения на уровне федерального законодательства²⁴.

Из системного толкования статей 2 и 10 Закона № 437-ФЗ следует, что его «новизна» заключается, в том числе, в особенностях организации публичной власти на территории «Сириус», а именно — создании органов публичной власти, существование которых не предусматривалось на иных территориях Российской Федерации. Систему органов публичной власти федеральной территории

²² Конституция Бразилии 1989 года // World constitutions [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563> (дата обращения: 16.02.2025).

²³ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СЗ РФ. 2020. № 52, ст. 8583.

²⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О федеральной территории «Сириус»». Законопроект № 1051718-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7> (дата обращения: 15.02.2025).

составляют представительный (Совет федеральной территории) и исполнительный (Администрация федеральной территории) органы власти. Уставом федеральной территории также может быть предусмотрено создание иных (факультативных) органов публичной власти. Другой особенностью системы органов публичной власти территории «Сириус» является смешанный способ формирования представительного органа власти. Так, члены Совета федеральной территории избираются населением, а также назначаются Президентом Российской Федерации, Правительством Российской Федерации и высшим должностным лицом Краснодарского края.

Таким образом, особенности федеральной территории «Сириус» как публично-правового образования заключаются в следующем:

- формирование системы органов публичной власти в порядке, отличном от ординарного;
- возможность создания органов публичной власти, не названных в Законе № 437-ФЗ;
- амбивалентная правовая природа представительного органа власти (наряду с выборностью членов Совета федеральной территории, часть из них назначается главой государства, федеральным органом исполнительной власти и высшим должностным лицом субъекта Федерации).

Понимание федеральной территории в качестве публично-правового образования требует дополнительного осмысления. В большинстве научно-практические исследования данной категории проводились в рамках частноправовых отношений. Одним из источников, позволяющих определить характеристики публично-правовых образований, выступают правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ.

Впервые о правоспособности публично-правовых образований, носившей «особый характер», отличный от правоспособности физических лиц, было упомянуто в Определении Конституционного Суда РФ от 04.12.1997 № 139-О, где указывалось на участие федерации, ее субъектов и муниципальных образований в качестве субъектов гражданского права. Впоследствии Конституционным Судом РФ были разрешены следующие вопросы, касающиеся правосубъектности публично-правовых образований:

- о недопустимости осуществления публично-правовыми образованиями предпринимательской деятельности, управления объектами частной собственности (Определение от 01.10.1998 № 168-О);

- о понимании государства и его субъектов в качестве публично-правовых образований в целях обеспечения соблюдения конституционно-правовых ценностей и принципов на территории Российской Федерации (Определение от 02.11.2006 № 540-О);
- о целевом характере имущества, находящегося в собственности публично-правовых образований, направленности на удовлетворение публичного интереса, реализации полномочий органов публичной власти (Постановление от 20.12.2010 № 22-П).

Таким образом, участие публично-правовых образований в частноправовых отношениях направлено на достижение конституционно-правовых целей, для которых они были учреждены, в связи с чем их гражданско-правовые интересы носят второстепенный характер. Появление понятия публично-правовых образований в гражданском законодательстве, в свою очередь, стало следствием складывающейся судебной практики, закрепившей единство правовой природы Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, реализующих свои публично-правовые полномочия²⁵.

Для разрешения поставленной проблемы научный интерес представляют исследования данной сферы, проведенные В.Е. Чиркиным, рассматривавшим публично-правовые образования в отрыве от гражданско-правового характера их деятельности. Наряду с общетеоретическим исследованием правовой сущности публично-правовых образований им были выделены следующие юридически-значимые признаки, позволяющие отнести территорию к публично-правовым образованиям: наличие у территории того или иного организационно-правового статуса, органов публичной власти, институтов народовластия и публичного коллектива²⁶.

При этом в доктрине существует два подхода к пониманию термина «территориальный публичный коллектив». Согласно первому подходу данное понятие следует рассматривать, исходя из его связи с территорией муниципального образования: территориальный публичный коллектив — это население, проживающее в конкретном муниципальном образовании и наделенное гаран-

²⁵ *Пращюк Н.И.* Категория «публично-правовые образования» в гражданском праве // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 182–186.

²⁶ *Чиркин В.Е.* Публично-правовое образование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 87–92.

тируемым Конституцией РФ правом осуществлять местное самоуправление в его границах. Сторонники второго подхода полагают, что данное толкование необоснованно ограничивает категорию «население» территориальными рамками. Соответственно, к субъектам, наделенным правом на осуществление публичной власти в определенных территориальных границах, необходимо относить многонациональный народ Российской Федерации в целом или его отдельные части²⁷. Полагаем, что данные подходы не исключают друг друга. Буквальное толкование статей 3 и 130 Конституции РФ, устанавливающих носителей суверенитета в Российской Федерации и субъекты осуществления местного самоуправления, позволяет прийти к выводу о том, что употребляемый термин «население» является частным проявлением «многонационального народа». Поэтому под территориальным публичным коллективом следует понимать проживающее в границах конкретного муниципального образования население, являющееся частью многонационального народа Российской Федерации и наделенное правом на решение вопросов местного значения.

В.Е. Чиркиным также разработана классификация территориальных публично-правовых образований, обращение к которой в рамках настоящего исследования мотивировано сложившимся в практике федерального законодательства и отечественной юридической доктрине²⁸ подходом к пониманию федеральных территорий в качестве публично-правовых образований. Согласно данной классификации публично-правовые образования подразделяются на завершенные и незавершенные. Под завершенными публично-правовыми образованиями подразумеваются федеративное государство, его субъекты, муниципальные образования и т.д. К незавершенным публично-правовым образованиям относятся территории, не являющиеся субъектами федерации, где отсутствуют необходимые элементы конституционно-правового статуса субъектов федерации или муниципальных образований²⁹.

Толкование норм Закона № 437-ФЗ позволяет заключить, что федеральная территория «Сириус» обладает вышеприведенными признаками, позволяющими причислить ее к публично-правовым

²⁷ Рыков А.Н. Некоторые проблемы территориальной организации публичной власти в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 50–61.

²⁸ Майборода В.А. Понятие территории федеральной территории «Сириус» // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 55–58.

²⁹ Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 193–200.

образованиям. Однако представление федеральных территорий в качестве публично-правовых образований не учитывает возможное отсутствие населения в ее пределах, что обуславливает важность учета соответствующего критерия при формировании понятия федеральной территории. Под населенными федеральными территориями в данном случае следует понимать части территории Российской Федерации с постоянно проживающим в их пределах населением, где организация системы публичной власти осуществляется в соответствии с целями создания таких территорий. К таким целям можно отнести повышение обороноспособности государства, защиту окружающей среды, создание благоприятного инвестиционного климата и т.д. Ненаселенными федеральными территориями являются части территории российского государства, где, ввиду совокупности климатических, географических, инфраструктурных и иных факторов, не предполагается наличие населения, составляющего публичный коллектив. Подобные условия обуславливают необходимость отнесения данных территорий к компетенции федеральных органов государственной власти³⁰.

Существование ненаселенных территорий признавалось и В.Е. Чиркиным, справедливо отмечавшим, что отсутствие публичного коллектива влечет за собой отсутствие системы органов публичной власти. Поэтому ненаселенная федеральная территория представляет собой «квазипубличное образование», создаваемое с целью совершенствования управления данной территорией федеральными органами государственной власти³¹. Существование таких территорий предусмотрено, в частности, в Венесуэле: например, остров Ла Тортуга — единственное территориальное образование Венесуэлы, где отсутствует мэр и губернатор³². Следовательно, для отнесения федеральной территории к публично-правовым образованиям, необходимо ее соответствие следующим критериям:

- наличие населения в пределах такой территории;
- наличие системы органов публичной власти.

В этой связи целесообразным представляется классифицировать признаки федеральных территорий на обязательные и факульт-

³⁰ Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124–140.

³¹ Чиркин В.Е. Публично-правовое образование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 62.

³² Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1993 года // Justia Venezuela [Электронный ресурс]. URL: <https://venezuela.justia.com/federales/constitucion-de-la-republica-bolivariana-de-venezuela/> (дата обращения: 02.02.2025).

тативные. К обязательным признакам следует отнести общегосударственное стратегическое значение, специальные цели создания, осуществление управления такими территориями напрямую из федерального центра. Факультативным признаком является наличие (либо отсутствие) населения (критерий населенности), из которого вытекает следующий признак: возможность (или невозможность) отнесения федеральной территории к публично-правовым образованиям. Практическое значение данной классификации для формирования понятия федеральных территорий заключается в возможности учесть следующие особенности:

- является ли территория населенной либо ненаселенной (данной особенности корреспондирует наличие или отсутствие оснований отнесения такой территории к публично-правовым образованиям);
- предусмотрен ли в пределах учреждаемой федеральной территории особый способ организации системы органов публичной власти;
- характеристику особого правового режима федеральной территории;
- цели создания федеральной территории.

Таким образом, не каждая федеральная территория может обладать статусом публично-правового образования. В этой связи определение федеральной территории в качестве публично-правового образования не может носить универсальный характер. Основываясь на вышеизложенном, представляется мотивированным предложить следующее общее определение федеральных территорий. Федеральные территории — это образуемые в целях решения геополитических, социально-экономических и иных задач обособленные территориальные части федеративного государства, имеющие общегосударственное стратегическое значение.

Отсутствие легального определения федеральных территорий актуализирует вопрос о нормативном правовом акте, в котором должно быть закреплено единое понятие федеральных территорий. Данная проблема неразрывно связана с иным, не менее насущным вопросом: каким нормативным правовым актом следует регулировать порядок создания и функционирования федеральных территорий? В юридической доктрине преобладает подход, согласно которому данные положения должны быть зафиксированы в едином законодательном акте — федеральном³³ или федеральном

³³ Пешин Н.Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40; Ковтун О.А., Терещенко Н.Д., Шапиро И.В. К вопросу о статусе органов

конституционном законе³⁴, содержащем общие нормы о правовом режиме федеральных территорий. Однако законодатель пошел по иному пути, осуществляя правовое регулирование путем принятия отдельного федерального закона о конкретной федеральной территории. Признавая наличие у данного подхода очевидных недостатков, заключающихся в невозможности выработать универсальное определение федеральных территорий, необходимо отметить, что приведенный способ формулирования их понятия мотивирован с практической точки зрения. Подобный подход исключит необходимость перечисления всех возможных целей, которые могут преследоваться при создании конкретной федеральной территории, и позволит учесть особенности ее правовой природы.

В качестве источника, где могло бы быть закреплено легальное определение понятия федеральных территорий, перспективной видится Конституция РФ. Практическое значение раскрытия содержания понятия федеральных территорий в нормативном правовом акте высшей юридической силы заключается в следующем:

- унификации подхода к определению федеральных территорий, который, в том числе, согласуется с позицией федерального законодателя об их общегосударственном стратегическом значении;
- придании большей целостности и завершенности одному из направлений конституционной реформы 2020 г.;
- совершенствовании правового регулирования института федеральных территорий в Российской Федерации.

В таком случае определение отдельных федеральных территорий будет осуществляться с учетом дефиниции, приведенной в конституционной норме (общее определение федеральных территорий будет конкретизироваться законодателем применительно к той территории, которая будет учреждена путем принятия соответствующего федерального закона).

Заключение

Сложная правовая природа федеральных территорий обусловлена вариативностью целей их создания (необходимость зафиксировать особое политическое значение федеральной столицы,

публичной власти федеральной территории «Сириус» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11–2. С. 66–69.

³⁴ *Стариков С.С.* К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21–25.

установить иной специфический правовой режим), конкретными особенностями той или иной территории (климатическими, территориально-географическими и иными факторами), что требует обязательного учета их специфики при формировании понятия федеральных территорий. Как по своему буквальному смыслу, так и с учетом телеологического толкования части 1 статьи 67 Конституции РФ, создание федеральных территорий в Российской Федерации осуществляется в порядке принятия отдельного федерального закона (наделение конкретной территории правовым статусом федеральных территорий представляет собой единичное решение, обусловленное необходимостью достижения целей, определенных законодателем и ее общегосударственным стратегическим значением).

Закрепление понятия федеральных территорий в отдельном федеральном законе о создании конкретной территории отражает «точечный» подход к регулированию института федеральных территорий. Это позволяет учесть вышеприведенные признаки и особенности отдельной федеральной территории, но не устраняет потребность в унифицированном понятии федеральных территорий. Представляется целесообразным отразить последнее в Конституции РФ (либо в рамках внесения изменений в действующую редакцию части 1 статьи 67, либо в порядке дополнения статьи 67 частью 1¹). Данный подход видится наиболее предпочтительным с точки зрения важности федеральных территорий в системе современного российского федерализма и целевой направленности их создания, имеющей общегосударственное стратегическое значение.

Литература

Алексеев А.С. Русское государственное право: конспект лекций. М.: Типография А.А. Гатцука, 1892. 486 с.

Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). М: Книжный мир, 2010. 960 с.

Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124–140.

Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. Т. 1. СПб., 1908. 600 с.

Жилин А.А. Учебник государственного права. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Ч. I. Петроград, 1916. 432 с.

Ковтун О.А., Терещенко Н.Д., Шапиро И.В. К вопросу о статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11-2. С. 66–69.

Корольков В.В. «Убить нельзя лечить»: конституционная реформа — 2020 и российский федерализм // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 130–142.

Кудрявцев В.Н. Курс международного права: в 7 т. Т. 3. Основные институты международного права. М.: Наука, 1990. 260 с.

Лексин И.В. Территориальная основа российской государственности: результаты состоявшихся конституционных изменений и перспективы новых преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 37–45.

Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 457–470.

Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 30.

Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / под ред. В.Э. Грабаря, Юрьев, 1912. 574 с.

Магазинер Я.М. Общее учение о государстве: курс лекций, читанных в Петроградском Университете в 1918–1922 гг. 2-е издание, переработанное. Петроград: Кооперация, 1922. 490 с.

Майборода В.А. Понятие территории федеральной территории «Сириус» // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 55–58.

Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву. СПб.: Типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1892. 282 с.

Пешин Н.Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40.

Праскова С.В. К вопросу о состоятельности теорий территории // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 51–60.

Пращок Н.И. Категория «публично-правовые образования» в гражданском праве // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 182–186.

Рыков А.Н. Некоторые проблемы территориальной организации публичной власти в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 50–61.

Сафина С.Б. Федеральные территории в составе федерации: особенности статуса и значение // Проблемы права. 2021. № 1 (80). С. 13–16.

Сибилева А.Ю. К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 3. С. 49–56.

Стариков С.С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21–25.

Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. Л.В. Тихомировой. М.: Юринформцентр, 1997. 525 с.

Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. 280 с.

Чиркин В.Е. Конституционная терминология: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 272 с.

Чиркин В.Е. Публично-правовое образование: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 335 с.

Watts R.L. Comparing federal systems in the 1990s. Kingston, Ont.: Institute of Intergovernmental Relations, Queen's University, 1996. 125 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Астраханцев Даниил Владимирович — ведущий специалист отдела анализа и обобщения судебной практики, юрист, Третий арбитражный апелляционный суд, Красноярск, Россия; *e-mail*: 63077@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Astrakhantsev D.V. — senior specialist of 3 level of the department of analysis and generalization of judicial practice, The Third Appellate Arbitration Court, Krasnoyarsk, Russian Federation; *e-mail*: 63077@mail.ru

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-87-113

ГОСУДАРСТВО И (ИЛИ) ЭВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ РАССУЖДЕНИЙ О ПОНЯТИЯХ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ ГОСУДАРСТВ (Часть вторая)

И.В. Лексин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

leksin@spa.msu.ru

Аннотация. Во второй части статьи рассмотрен ряд методологических проблем осмысления государства. Среди них: некритическое отношение авторов к догматическим представлениям о государстве, нестыковки между определением государства и изложением его характеристик (признаков, элементов). Особое внимание уделено суверенитету как свойству, с одной стороны, неоправданно связываемому теоретиками с государством в любом доктринальном понимании и с любыми историческими эпохами, а с другой стороны, присущему сегодня на практике отдельным образованиям, формально не имеющим статуса государств.

Ключевые слова: государство, теория государства, субъект права, суверенитет, правопорядок.

Для цитирования: Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть вторая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 87–113.

Дата поступления в редакцию: 09.04.2025

STATE AND (OR) EVOLUTION: PROBLEMS OF JURISTIC REASONING ON THE STATE CONCEPTS, ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE STATES (Part two)

Leksin I.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

leksin@spa.msu.ru

Abstract. The second part of the article examines a number of methodological issues related to understanding the state. Among them are: the authors' non-critical attitude to dogmatic ideas about the state, inconsistencies between the definition of the state and the presentation of its characteristics (features, elements). Particular attention is paid to state sovereignty as a quality that, on the one hand, is used to be unjustifiably associated by theorists with any doctrinal understanding of the state and with any historical eras, and on the other hand, actually belongs today to certain political entities that are not regarded as states formally.

Key words: state, theory of state, republic, legal person, sovereignty, legal order.

For citation: Leksin I.V. State and (or) evolution: problems of juristic reasoning on the state concepts, on the origin and development of the states (part two) // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 87–113.

Received: 09.04.2025

Догматизация: риски и потенциал

Догматичность знания сама по себе, конечно, не может рассматриваться как нежелательное явление, поскольку любая система знаний немыслима без определенных догматов. Опасность для науки представляет не догматизация вообще, а лишь приращение догматического значения утверждениям, основанным не на практических доказательствах, а на интуитивной уверенности в их истинности, на бытовых представлениях об очевидном. Не менее вредным видится догматизация вследствие поклонения авторитету, а именно, перенесение такого авторитета на любые слова автора (включая случайно высказанные) или приращение общетеоретического характера ситуативным замечаниям.

Государствоведение, будучи сферой знаний о весьма динамично развивающейся сфере жизни, тем не менее относится к числу

чрезмерно догматизированных. Многие из авторитетных высказываний за время тиражирования в изданиях перестали восприниматься как подлежащие обсуждению. Например, и в дореволюционной, и в советской, и в современной литературе можно встретить утверждение, что в диалоге “*De re publica*” («О государстве») государство «определено» как «дело народа» или его «достояние»¹. В работах XIX — н. XX в. такая трактовка в целом простительна, поскольку столетие назад слова «определяет», «определение» не ассоциировались столь строго с конструированием определения в академическом смысле, как сегодня. Как бы то ни было, в указанном смысле Цицерон не давал определения государства² и не мог этого делать — в силу отсутствия у римлян понятия о государстве как о некой абстрактной действующей (принимающей решения) сущности³ (соответственно, сомнительно, что словосочетание “*res publica*” «вообще когда-то имело... значение», вкладываемое сегодня в слово «государство»⁴).

Детально проработаны были лишь представления о казне (фиске) как участнике гражданского оборота, тогда как словосочетание “*res publica*” в юридическом смысле обозначало общее имущество, а в более расхожем — общие дела (позднее — единое общее дело)⁵. В большей степени такой подход напоминает использование слова «хозяйство», которое имеют и которым занимаются, но которое не осуществляет деятельность и не принимает решения.

¹ См.: Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 18; Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 21; История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М, 1998. С. 76; Горбунов М.А. К вопросу о сущности современного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 17; Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. М.: НОРМА, 2022. С. 95.

² Цицерон лишь задавал риторический вопрос: “*Quid est res publica, nisi res populi?*”, т.е. «Что есть дело общее, если не народное?» (*Ciceronis M.T. De Re Publica*. *Bostoniae*: O. Everett, 1823. P. 28), — впоследствии неоднократно возвращаясь к этому в утвердительной форме. Смысл этих высказываний в том, что «публичное» подразумевает «общенародное», «относящееся ко всему народу», а не только к правителям, к знати и т.п.

³ См., в частности: *Jouvenel B. de. Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance*. Paris: Hachette, 1975. P. 88, 165; *Штартк Р. Res publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7, 46–47; *Шюрбаум В. Цицерон: De re publica* // Там же. С. 172–179.

⁴ См.: Дрекслер Х. *Res publica* // Там же. С. 67.

⁵ См.: *Штартк Р. Указ. раб.* С. 30, 32–35, 53.

Правда, имеются некоторые основания полагать, что со временем *res publica* начинает приобретать черты личности⁶, но это предположение основывается лишь на косвенных признаках и аналогиях (в известных источниках *res publica* прямо не фигурирует как лицо или деятель).

В свою очередь, вопреки расхожему мнению, и Аристотель ранее не составлял дефиниции государства, а лишь констатировал, что полис есть «совокупность»⁷ (или «масса»⁸) граждан. Правда, имелось «вполне античное» определение самого полиса (который в некоторых контекстах допустимо характеризовать как «государство») как «общности множества людей, достаточно сильной для процветания; узаконенного сообщества людей»⁹, ошибочно¹⁰ упоминаемое многими авторами как изречение Платона. В целом Античности, безусловно, не было чуждо государственное мышление, но для такового совершенно не обязательно, чтобы государство представало в сознании как нечто, нуждавшееся в определении. Скорее, оно ассоциировалось со всей областью публичного, надындивидуального и надсемейного. Поэтому высказывания о политике (политейе), полисе, республике некорректно переводить с использованием слова «государство», имея в виду современное понимание государства как ключевого субъекта политической жизни.

Небесспорно и описание заслуг мыслителей древнего Востока в концептуализации государства. Вряд ли можно уверенно утверждать, что Конфуций «первым стал вести речь» о социальном государстве¹¹.

Обросло множеством мифов и домыслов творческое наследие европейских философов и политических деятелей средневековья. В современной отечественной юридической литературе, в частности, отмечено, что Н. Макиавелли «впервые ввел в науч-

⁶ Там же. С. 43–47, 55–56.

⁷ См.: Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 444.

⁸ См.: Политика Аристотеля / Н. Скворцов, пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. С. 118.

⁹ Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. С. 431.

¹⁰ О подложности «Определений» см.: Анонимные пролегомены к платоновской философии // Там же. С. 501.

¹¹ См.: Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения. Дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 21, 301.

ный оборот слово “государство” — *stato*¹² и даже что «не только впервые употребил термины “государство” и “государь”, он вместе с тем придал государству вполне определенное понятие, положение и самостоятельное значение»¹³. Н. Макиавелли — бесспорно, выдающийся мыслитель своей эпохи. Но он был практиком и рассуждал о сущем, а явлений, которые сегодня принято описывать словом «государство», в политической жизни тогда явственно не наблюдалось. Не мог Н. Макиавелли и «ввести» слова «государство» и «государь». Во-первых, парность этих слов характеризует только переводы на русский и некоторые иные славянские языки. В итальянском языке эти слова не являются ни однокоренными, ни даже родственными (“*lo stato*” и “*il principe*”). Во-вторых, Н. Макиавелли не расширял терминологический ряд политической философии. Слова “*lo stato*” и “*il principe*” можно считать ровесниками самого итальянского языка (они непосредственно производны от латинских “*status*” и “*princeps*”). Н. Макиавелли только способствовал изменению словоупотребления, говоря о “*stato*” не только в русле традиции своего времени (в значении сословия, положения, состояния, владения и пр.), но в некоторых случаях и как о некой отдельной (от правителя) политической сущности. Однако последнее не означает, что само «понятие “государство” ввел Н. Макиавелли»¹⁴ или что он «давал свое эксклюзивное определение государства»¹⁵. Он не сформулировал определения понятия государства и, более того, нигде не расшифровывал значения, в котором употреблял слово “*stato*”. Об этом значении можно только догадываться исходя из контекста. Контекст же нигде не позволяет подтвердить и предположение, что «Николо Макиавелли (1527–1569 гг.) первый применил термин “*stato*” для обозначения политически организованного общества»¹⁶. О таком явлении он не рассуждал (подобное понимание, скорее, следует искать либо в античной философии,

¹² Беляева О.М. «Цель оправдывает средства», или Наставления Н. Макиавелли государю // История государства и права. 2013. № 7. С. 8.

¹³ Овчинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 28.

¹⁴ Корнев А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 17.

¹⁵ Юрочкин М.А. Государство: теоретические аспекты формирования понятия // Отечественная юриспруденция. 2015. № 1(1). С. 8.

¹⁶ Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.И. Абрамова, С.А. Боголюбов, А.В. Мицкевич и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Городец, 2003. 544 с.

либо в «Левиафане» Т. Гоббса и более поздних трудах), тогда как у Макиавелли “*stato*” в его околোগосударственном значении подразумевало скорее аппарат управления.

Преувеличением будет считать Н. Макиавелли и разработчиком категории «государственный интерес»¹⁷ или автором определения государства «через общее благо, которое должно получаться от выполнения реальных государственных интересов»¹⁸. Его справедливо относят к основоположникам возрождения «античного духа» подчинения общему делу, но категория государственного интереса в известных трудах Н. Макиавелли просто отсутствует, хотя данный термин (“*ragion di stato*”) при жизни последнего уже использовался¹⁹. Концептуализация же соответствующей идеи состоялась лишь спустя десятилетия после смерти Н. Макиавелли²⁰. Правда, он упоминал о “*pubblici comodi*”²¹, т.е. об «общих благах» («общей пользе»), но какой-либо доктринальной проработки и этой категории не проводил.

В литературе встречаются и заблуждения обратного характера: авторство имеющих почтенный возраст представлений о государстве нередко приписывается современным ученым. Так, Б. Джессоп посчитал идею о государстве как об общественном отношении открытием Н. Пуланцаса²², хотя датировать ее следовало веком ранее²³.

Заметный вклад в формирование терминологической путаницы внесли переводчики, непреднамеренно вкладывая в средневековые и античные тексты современный смысл, который не мог подразумеваться современниками. Так, широко разошлась цитата из «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия» Н. Макиавел-

¹⁷ См.: Чернядьева Н.А. Вестфальский мирный трактат: проблемы противодействия зарождающемуся терроризму // *Lex Russica*. 2014. № 5. С. 567.

¹⁸ Костин Ю.В. Понятие государства в истории политико-правовой мысли и современных трактовках // *Научный вестник Омской академии МВД России* № 1 (25), 2007. С. 4

¹⁹ См.: *Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte*. 2. Auflage. München: R. Oldenbourg Verlag, 1960. S. 55.

²⁰ См.: *Botero G. Della Ragion di Stato. Libri Dieci, con Tre Libri delle Cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città*. Venetia: Appresso i Gioliti, 1589. 368 p.

²¹ *Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli*. Firenze: Felice le Monnier, 1848. P. 226.

²² См.: *Jessop B. The State and Power // The SAGE Handbook of Power / Eds. S.R. Clegg and M. Haugaard*. London: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 380.

²³ Данный подход приобрел значительную популярность в германоязычной юриспруденции конца XIX в. См., в частности: *Иеринг Р. Цель в праве*. I том. СПб., 1881. С. 221.

ли, начинающаяся словами «достоин уважения не просто тот, кто стоит во главе государства...»²⁴. Однако в оригинале ничего не говорилось ни о стоянии «во главе государства», ни даже о «государстве» (“*stato*”), а только о способности «править королевством» (“*governare un regno*”)²⁵.

Не оперировал понятием государства и Августин Блаженный. В частности, весьма вольным переводом следует признать фразу «что такое государства, как не большие разбойничьи шайки»²⁶. В оригинале говорится вовсе не о государствах как о явлении или просто некой цельности, а о правлении (состоянии властвования), которое сравнивается с принудительным отъемом благ²⁷.

В качестве примера неуместного переноса категориального аппарата Нового времени в древний контекст можно вспомнить ставшее хрестоматийным высказывание, приписываемое переводчиками Цицерону: «Да и что такое государство, как не общий правопорядок?»²⁸. Цицерон никогда не отзывался о государстве как о правопорядке²⁹ и вообще не мог упоминать о последнем (поскольку данное понятие просто не было известно Античности). Не вполне корректные утверждения об античных взглядах на государство нередки и в зарубежной литературе³⁰.

На представлениях о государстве, конечно, сказывалось и продолжает сказываться влияние не только ситуативных высказыва-

²⁴ См.: Каппони Н. Макиавелли / пер. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. С. 256; Березко В.Э. Стратегия государственного строительства в понимании Сталина // История государства и права. 2008. № 12. С. 33.

²⁵ Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli. Firenze: Felice le Monnier, 1848. P. 84.

²⁶ Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I — XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 150.

²⁷ Лат. “quid sunt regna nisi magna latrocinia?” (Augustinus S. De Civitate Dei. Venetiis, 1475. Quartis liber, p. 2) означает: «Что представляют собой правления, если не крупный грабёж?».

²⁸ Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. С. 24.

²⁹ В диалоге «О республике» задается риторический вопрос хотя и близкий по смыслу, но не имеющий отношения к пониманию государства как правопорядка: “Quid est enim ciuitas, nisi iuris societas?” (Ciceronis M.T. Op. cit. P. 33). Буквально эта фраза означает: «Что такое гражданское общество, как не общество юридического характера?». С учетом контекста в приведенной цитате заложен следующий смысл: «Разве может существовать сообщество граждан (политическая общность) без юридической связи?».

³⁰ Например: «для Аристотеля понятие государства было неотделимо от понятия греческого полиса» (Ferguson Y.H., Mansbach R.W. The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory. Boulder: The University of Denver, 1989. P. 3).

ний античных мыслителей о полисе и республике, но и их концептуальных идей — также переиначенных (в этом следует видеть заслугу мыслителей эпохи Просвещения и ряда представителей европейской юриспруденции XIX в., экстраполировавших современный им мир государств на Античность³¹) и в модифицированном виде воспринятых в качестве догм. В отечественной юридической литературе это влияние было наиболее заметно во второй половине XIX — начале XX в. Проявлением его служит упомянутая в первой части статьи трактовка государства как общественного союза³² (родоначальниками такого подхода можно считать Аристотеля и Цицерона, которые характеризовали, соответственно, полис и «республику» как совокупность граждан³³ и союз людей³⁴).

Догматический характер приобрело и трехэлементное представление государства (народ, территория, власть)³⁵ или квалификация этих обстоятельств в качестве признаков государства (подробнее об этом ниже).

Советская эпоха ознаменовалась догматизацией другого понимания государства — как «формы политической организации общества». Как известно, авторами формулировок, приобретающих ключевое значение, нередко оказываются не основоположники учения, а его интерпретаторы и комментаторы. Так, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В.И. Ленин не использовали приведенное словосочетание в своих трудах. Концептуализация государства ими, безусловно, производилась, но таковая выражалась в выявлении признаков государства³⁶ и в острых замечаниях о государстве как

³¹ См.: об этом *Jouvenel B. de*. Op. cit. P. 161; *Шмитт К.* Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // *Логос*. 2012. № 5 (89). С. 214.

³² См., например: *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки Ч. I. Общее государственное право. М., 1894. С. 1–9; *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 22.

³³ См.: *Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 444; *Политика Аристотеля* / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. С. 118.

³⁴ Лат. *coetus hominum* (см.: *Ciceronis M.T.* Op. cit. P. 2–28).

³⁵ См., в частности: *Сокольский В.В.* Краткий учебник русского государственного права. Одесса: Экон. тип., 1890. С. 3–9; *Мартенс Ф.Ф.* Лекции по государственному праву. СПб., 1892. С. 10; *Свешников М.И.* Русское государственное право. Часть I. Общая теория государственного права. СПб., 1895. С. 113–135; *Ренненкампф Н.К.* Юридическая энциклопедия. Издание 4-е. Киев, 1913. С. 38, 40–44.

³⁶ См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства / Пер. И.М. Дебу. СПб., 1906. С. 126–128.

об орудии классового принуждения, не носивших характера академических определений³⁷.

Процитированная же трактовка государства появилась уже при пересказе и комментировании идей классиков³⁸. Учитывая положение, которое занимала история коммунистической партии в системе дисциплин высшего образования, неудивительно, что определение государства как политической организации общества или как ее формы приобрело, по сути, аксиоматический характер (подробнее см. в первой части статьи).

Данная трактовка пустила столь мощные корни в профессиональном (академическом) сознании, что и сегодня остается наиболее популярной у отечественных авторов³⁹. Справедливо-сти ради следует признать, что подобные «организационно-политические» определения встречаются и в зарубежной литературе, причем относящейся не только к постсоветским странам, но и к «западным»⁴⁰.

Современные отечественные подходы к концептуализации государства в целом также характеризуются неоправданной догматичностью. Так, государство принято преподносить в качестве явления пусть и изменчивого, но обладающего и некоторыми универсальными свойствами — независимо от его принадлежности к древности, средневековью или современности. Общепризнанна множественность вариантов трактовок государства, но данная

³⁷ См., в частности: *Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 20–21.

³⁸ В частности, указывалось, что «Ленин предлагал заменить парламентарную республику республикой Советов, как наиболее целесообразной формой политической организации общества в переходный период от капитализма к социализму» (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. С. 177).

³⁹ См., в частности: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 78; *Основы права* / под ред. В.Б. Исакова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 34; *Юрочкин М.А.* Государство: теоретические аспекты формирования понятия // *Отечественная юриспруденция*. 2015. № 1(1). С. 10; *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: Учебник. М.: Прометей, 2017. С. 36, 318.

⁴⁰ О государстве как о централизованной социополитической организации и о форме политической организации (“form of political organization”) см., соответственно: *Claessen H.J.M., Skalnik P.* Early State. Mouton: The Hague, 1978. P. 51, 630, 637, 640; *Jessop B.* The state: past, present, future. Cambridge: Polity Press, 2016. P. 2, 15, etc.

констатация очевидного практически не препятствует игнорированию множественности понятий (соответствующих разным историческим явлениям), обозначаемых одним и тем же словом «государство». Это может приводить к некорректной интерпретации исторических событий и к конструированию «дополненной» исторической реальности (например, к представлению древних войн как конфликтов, однородных с современными межгосударственными, к ожиданию масштабного государственного правотворчества в отсутствие условий для такового, к представлению конгломератов владений одного правителя как цельности в институциональном отношении и как сферы действия общего правопорядка, к иным неуместным аналогиям между современными государствами и средневековыми⁴¹ даже «ранненовременными» политическими образованиями⁴²).

Малопродуктивной видится и приверженность упомянутому «политико-организационному» пониманию государства, как было сказано, наиболее распространенному в отечественной литературе. В частности, с теоретической точки зрения семантически некорректно приписывать обладание суверенитетом «организации власти», «организации общества» или ее «правовой форме» (подробнее об этом будет сказано ниже). Подстановка такого рода определений во множестве других практически значимых контекстов также приводит к их обесмысливанию⁴³. Организация общества или организация власти — это не сущности, которые можно назвать совершающими действия, принимающими решения, обладающими чем-либо. Государство в таком смысле само является свойством, состоянием общества (или власти). Вменить действия, решения, приписывать качество суверенитета можно организации как субъекту организационного типа, но не организации чего-либо.

Неудачно сочетаются с рассмотренными вариантами значения слова «государства» и упомянутые представления о власти, насе-

⁴¹ См. об этом, в частности: *Creveld M. van. The Rise and Decline of the State. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 126; Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 18–19.*

⁴² См., в частности: *Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. London and New York: Verso, 2003. P. 225–233, 238–239.*

⁴³ См. об этом, в частности: *Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 220.*

лении и территории как о признаках или элементах государства, ставшие вновь популярными в последние десятилетия. Сами эти представления сегодня также обойдены критическим вниманием и нередко вновь возводятся в догматическое состояние⁴⁴ (в том числе в безапелляционной манере⁴⁵), хотя еще в дореволюционной юриспруденции были высказаны аргументированные суждения об отсутствии у них научного характера⁴⁶.

Невзирая на приведенные критические замечания, система теоретических знаний, как было сказано, не может обойтись без догматизации тех или иных положений. Но важно, чтобы догматы были эмпирически проверяемыми или хотя бы не могли быть опровергнуты посредством сопоставления с социальной (политической, хозяйственной) практикой. К догматам такого рода могли бы быть отнесены, например, утверждения о том, что государству в современной юридической действительности соответствует множество юридических личностей (например, как было отмечено в первой части статьи, российское государство в настоящее время представлено и Российской Федерацией как субъектом права, и 89 субъектами РФ, и федеральной территорией «Сириус» и более чем 17 тысячами муниципальных образований), а суверенитет государства как субъекта права есть юридически признанная способность по собственному усмотрению формировать и трансформировать правопорядок.

⁴⁴ См., например: *Гомеров И.Н.* Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. С. 388; *Иванов В.В.* Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2002. № 3 (242). С. 64; *Балагурова Н.Н.* Государство как территориальная система // *Вестник Челябинского государственного университета. Право.* Выпуск 13. 2007. № 12 (90). С. 5; *Бялкина Т.М.* Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 11; *Чертков А.Н.* Правовое регулирование территориального устройства России: концепция и прогноз. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2012. С. 24, 423; *Грачев Н.И.* Территориальная организация публичной власти: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С. 14; *Нифанов А.Н.* Территория Российской Федерации: конституционно-правовая теория. Дисс. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2020. С. 5, 25.

⁴⁵ Так, В.В. Иванов утверждает, что «никто не может поспорить с тем, что государство: 1) есть объединение людей, организованное на властных началах; 2) немислимо без территории» (*Иванов В.В.* Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 11).

⁴⁶ См. об этом, в частности: *Лексин И.В.* Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // *Академический юридический журнал.* 2023. Т. 24. № 4. С. 463–465.

Об элементах и (или) признаках государства

Рассуждения об элементах, признаках и других характеристиках государства практически всегда ведутся в отрыве от значения, в котором используется слово «государство». Между тем, в большинстве контекстов выделяемые элементы, признаки и пр. логически не согласуются с декларированным определением государства или, по крайней мере, выглядят далеко не бесспорными.

Бытует мнение, что «уже достаточно давно сложился относительный доктринальный консенсус об обязательных элементах государства»⁴⁷ (территории, власти и населении). Он действительно имелся (правда, к общеизвестным составляющим государства порой добавлялся и четвертый — «цель»⁴⁸), но лишь во франкоязычной⁴⁹ и в отечественной дореволюционной литературе⁵⁰. Для германских же государствоведов, которые первыми обратились к оценке данных обстоятельств, таковые виделись не «элементами», а «условиями»⁵¹, необходимыми «требованиями» к государству⁵², его «основаниями»⁵³, что не вызывает претензий к логичности (правда, в XX в. слово «элемент» проникло и в немецкое государствоведение⁵⁴).

Использование в отношении названных обстоятельств слова «элементы» изначально не было корректным: само слово «элемент» к государству в большинстве трактовок приложимо лишь «метафорически»⁵⁵. Их значимость для практического бытия государства отрицать нельзя, но ни в одном из вариантов юридического понимания государства отмеченные обстоятельства не соотносятся

⁴⁷ Иванов В.В. Указ. соч. С. 11.

⁴⁸ См.: Гаген В.А. Учебник административного права. Выпуск I. Ростов-на-Дону, 1919. С. 10–12.

⁴⁹ См.: Duguit L. Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. — Organisation politique. Paris, 1907. P. 73–144.

⁵⁰ См., в частности: Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Издание 3-е, испр. и доп. М., 1906. С. 7–12; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910. С. 201; Жилин А.А. Указ. соч. С. 37–44, 71; Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 335–374.

⁵¹ Iering R. von. Der Zweck im Recht. 1. Band. 2. umgearbeitete Aufl. Leipzig, 1884. S. 498–499.

⁵² Seydel M. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873. S. 4.

⁵³ Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs. 3. Aufl. 1. Band. Freiburg und Leipzig, 1895. S. 118–182.

⁵⁴ См., например: Lübtow U. von. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955. S. 470.

⁵⁵ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 53.

с ним как элементы и система⁵⁶. Правда, в некоторых из распространенных пониманий государство, по сути, сводится к тому или иному из этих обстоятельств (в политико-географическом значении государство есть территория, государство в значении государственного аппарата — это система носителей публичной власти, государство как социальный союз или как организованное общество тождественно населению). Однако юридическая несостоятельность отождествления государства с одним из названных компонентов также обоснована более столетия назад⁵⁷.

Просуществовал упомянутый «консенсус» также недолго. В отечественной юриспруденции он начал разлагаться также «достаточно давно»: еще столетие назад данный подход был прямо назван «явною бессмыслицею»⁵⁸. Правда, в постсоветской юриспруденции, как было отмечено выше, он обрел немало сторонников. Определенный интерес к элементному подходу сохраняют также социологи и политологи⁵⁹.

Разлагать государство в любом значении на иные элементы также проблематично. Прежде всего, не вполне ясно, как можно логически грамотно подойти с точки зрения элементного состава к «политической организации», «организации общества», «организации политической власти» и т.п. Организация как процесс делится на стадии, но не на элементы. Организацию как состояние организованности в принципе можно структурировать по сферам (политической, экономической и пр.), но корректность представления такой структуры как элементного строения государства неоспорно.

Часть явлений, обозначаемых словом «государство», просто не поддается членению на элементы. Прежде всего, не может быть элементов у государства как субъекта права (в единственном чис-

⁵⁶ Строго говоря, упомянутую известную триаду невозможно представить и в качестве элементов государства в неюридическом (социологическом, политологическом, философском) понимании, а равно в качестве элементов вообще чего бы то ни было — в силу разнородности (так же, как, например, юридическое лицо нельзя представить как систему, состоящую из работников, трудовой дисциплины и здания или помещения).

⁵⁷ См.: *Еллинек Г.* Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 104–107.

⁵⁸ Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. I. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925–1926. С. 671.

⁵⁹ См., в частности: *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 70–91.

ле). Правда, в случае упоминавшегося представления государства как системы множества субъектов права эти субъекты (сама Российская Федерация, 89 субъектов РФ, федеральная территория «Сириус» и почти 18 тысяч муниципальных образований) могут претендовать на положение элементов государства. Однако в юридической литературе, а также в законодательстве (прежде всего субъектов РФ) территориальная единица обычно описывается совсем по-другому: как часть государства или другой территориальной единицы⁶⁰. В определенном контексте данный подход корректен, но государство и внутригосударственные территориальные образования в таком случае нужно рассматривать как сугубо географические, а не юридические явления.

В других случаях членение государства на элементы потенциально осуществимо, но продуктивность такового может вызывать сомнения. Например, элементы государства как социального союза вряд ли могут обладать спецификой по сравнению с результатами структурирования общества. Без значительных затруднений структурируется государственный аппарат, но в таком случае элемент государства должен просто отождествляться с государственным органом или с территориальным уровнем публичной власти. Пригодно для структурирования государство как правоотношение (правда, имеются разногласия по поводу его элементного состава⁶¹) и система правоотношений (в таком случае элементами государства окажутся специфические группы правоотношений), но данный взгляд на государство не согласуется с конструкциями его органов и суверенитета (у правоотношения, очевидно, не может быть ни органов, ни верховенства или независимости). Структурированию в принципе поддается и правопорядок. Например, при сословном социальном устройстве он может, по сути, распадаться на несколько самостоятельных правопорядков. Внутри общества могут обособляться и иные сегменты (так, внутриармейский правопорядок существенно отличается от общегражданского; существует множество примеров обособленной регламентации внутрицерковной жизни). В случае сложной территориальной организации можно выделить «региональные» правопорядки. Таким образом, элементы государства в данном смысле — это «подправапорядки»,

⁶⁰ См., например: *Чертков А.Н.* Указ. соч. М., 2012. С. 65.

⁶¹ В качестве элементов правоотношения бесспорны только права и обязанности сторон, тогда как сами последние (субъекты правоотношения), а равно объекты правоотношения, его материальное содержание, хотя и общеизвестны, не относятся к безусловно признанным элементам правоотношения.

относящиеся к разным слоям общества, к светской и церковной жизни, к разным территориям и т.п.

Итак, хотя элементная схема государства в целом является сомнительной, государство в ряде значений может быть без ущерба для правил формальной логики разложено на элементы. Однако такие элементы мало напоминают классическую триаду, а их теоретическая ценность и практическая значимость не очевидны.

Признаки государства — более уместный в сравнении с элементами предмет для рассуждений. Однако в изложении признаков государства в современной научной и учебной литературе встречается ряд типичных проблем.

Во-первых, признаки государства смешиваются с его элементами, т.е. свойства на словах отождествляются с составными частями. Эта логическая погрешность усугубляется отмеченной выше сомнительностью самого элементного подхода к анализу государства (как правило, в качестве таких «признаков-элементов» указываются упоминавшиеся выше территория, власть, население⁶²).

Во-вторых, неменьшие сомнения вызывает распространенное упоминание обстоятельств из упомянутой триады среди признаков государства без параллельной их идентификации как его элементов. Почти неизменно в таком качестве называется публичная власть (противопоставляемая авторитету внутриродового или внутрисемейного характера). Внимание к данному параметру заслуженно, однако приверженность ему традиционно соседствует с явным или неявным признанием формационного подхода (по крайней мере, в части совпадения границы между догосударственным и государственным периодами истории с условным моментом разложения или трансформации первобытнообщинного строя). Как известно, публичный характер власти совсем не регулярно проявлялся в рамках формации «рабовладельческого государства» и еще с большими оговорками может быть связан с «феодалным государством»⁶³.

⁶² См., например: *Бабурин С.Н.* Территория государства: теоретико-правовые проблемы. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1998. С. 7; *Сысоева Е.А.* Категория «территория» в правовой теории и практике законодательного регулирования федеративного устройства современной России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 3; *Тихомиров Ю.А.* Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 56–57; *Иванов Р.Л.* Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 6–8.

⁶³ См., в частности: *Меркель А.* Юридическая энциклопедия / Пер. Ф.К. Зейделя, под ред. В.М. Грибовского. СПб., 1902. С. 173; *Тарановский Ф.В.* Указ. соч. С. 205; *Энциклопедия государства и права* / Под ред. П. Стучка. Т. I. М., 1925–26. С. 349.

Кроме того, поскольку «одно явление само по себе не может считаться свойством (признаком, характеристикой, чертой) другого», признаком государства логичнее рассматривать не саму власть, а ее качество или качества: верховенство, универсальность (независимость от наличия родственных, личных, иных бытовых связей между источником и адресатом властных решений), юридический характер (выраженность в решениях, трансформирующих правовое положение адресатов) и т.п. Аналогичные замечания могут быть высказаны в адрес территории и (или) границ, а также населения (или общества), которые многими авторами продолжают рассматриваться как признаки государства⁶⁴ (хотя в качестве свойств государства логичнее было бы указывать не территорию как таковую и не совокупность одушевленных существ, а, например, соответственно, территориальность и наличие устойчивых правовых связей с жителями).

Кроме того, следует иметь в виду разницу между теоретическими признаками и измеримыми практическими индикаторами. Параметры, относящиеся к населению, территории, органам публичной власти, оправданы скорее в качестве критериев для принятия решения о признании государства (см., например, Конвенцию о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г.), чем как его концептуальные свойства (так же, как, например, условия, которые требуется выполнить для государственной регистрации в качестве некоммерческой организации, — это не признаки такого рода организации).

В-третьих, признаки смешиваются со средствами, требующимися для обеспечения функционирования государства. Например, среди признаков государства почти общепринято указывать налоги (или систему налогов и сборов, или налоговую систему)⁶⁵. Однако налоги — это далеко не единственный и не безусловно необходимый источник государственных доходов. Налоги в строгом понимании (индивидуально-безвозмездные обязательные платежи) характерны, главным образом, для современности. Значительно более продолжительную историю имели дань (плата за персональное по-

⁶⁴ Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. С. 41; Теория государства и права: учебник / под ред. Г.Г. Бернацкого. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 68–69.

⁶⁵ См., в частности: Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 53; Цыганов В.И. Теория государства и права: тезисы лекций. Нижний Новгород, 2007. С. 20; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2002. С. 89; Рассказов Л.П. Указ. соч, 2015. С. 43–45; Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 88, 90.

кровительство, за пощаду или за сохранение самостоятельности), военная добыча, повинности в натуральной форме (личная служба, предоставление войска для участия в военных походах и пр.), доходы от земель (домена) правителя⁶⁶. Причем эти сборы обыкновенно шли на содержание двора последнего⁶⁷, и лишь со временем они стали видаться средством «удовлетворения потребностей получателя, высшего по отношению к персоне короля, т.е. потребностей “воображаемого корпуса”, каким является государство»⁶⁸.

В-четвертых, в строгом смысле признаки какового бы то ни было явления суть черты, не просто свойственные ему, но позволяющие очертить его пределы, т.е. отграничить его от смежных явлений. Однако в числе признаков государства нередко оказываются не только отличительные свойства, но и иные характеристики (общие для государств и иных образований). Например, монополия на право творчество⁶⁹ или монопольное право издавать «законы и другие нормативные правовые акты»⁷⁰ у государства отсутствует. Такую деятельность могут осуществлять и надгосударственные организации, и внутригосударственные автономные территориальные образования. Аналогично можно охарактеризовать такой признак, как наличие аппарата управления⁷¹. Сложно назвать признаком государства и наличие специальной символики⁷² (таковая имеется

⁶⁶ См., в частности: *Оппенгеймер Ф.* Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. С. 181–183. *Lachmann R.* States and Power. Cambridge: Polity Press, 2010. Pp. 16, 25.

⁶⁷ См., например: *Lachmann R.* States and Power. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 16, 25.

⁶⁸ *Бурдые П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетей, 1999. С. 138–139.

⁶⁹ См., например: *Радько Т.Н.* Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2015. С. 390; *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Указ. соч. С. 46.

⁷⁰ См., например: Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 89.

⁷¹ См., например: *Марченко М.Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. С. 55; *Борисов Г.А.* Теория государства и права. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 57; *Васильев А.В.* Теория государства и права. М.: Флинта: МПСИ, 2008. С. 136; *Какимова М.Ш.* Основы теории государства и права. Астана: Фолиант, 2007. С. 21.

⁷² См., например: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2001. С. 53; *Оксамытный В.В.* Общая теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 151; *Сокольская Л.В.* Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 1. Теория государства. Орехово-Зуево: ГГТУ, 2024. С. 39–40.

и у субнациональных и у наднациональных образований, и у отдельных органов и организаций). По-прежнему в числе признаков государства, «свойственных только ему», можно встретить создание «собственной национальной валюты»⁷³, хотя, как известно, десятки государств функционируют без такой валюты, существуют валюты наднационального уровня, а в некоторых странах допускается эмиссия субнациональных (локальных) валют. Правильнее было бы сказать не что любое государство создает свою валюту, а по своему усмотрению осуществляет валютное регулирование (что не всегда препятствовало в недавнем прошлом⁷⁴ и не везде препятствует сегодня частному выпуску денег). Но и эта характеристика не составляет полноценный признак государства (она покрывается свойством наличия суверенитета).

В-пятых, с трактовкой государства как древнего явления соседствует (без оговорок) упоминание обстоятельств, характерных только или преимущественно для государств современности. Например, «признаком, отличающим государство от догосударственных форм общественной организации», называется «издание правовых норм»⁷⁵. Такое утверждение было бы справедливым, если бы государство рассматривалось в качестве института, сложившегося лишь в Новое время⁷⁶, однако в отечественной юриспруденции данный взгляд привлекает внимание весьма редко⁷⁷. Далеко не бесспорным является кажущееся очевидным свойство территориальности государства. Между тем, территориальными в современном смысле государства стали лишь в позапрошлом веке. Даже в раннее Новое время у государства не было «своих» территории и границ: географическим (но совсем не правовым) заменителем государственной территории выступали частные (династические) земельные владения⁷⁸.

Другой характерный пример связан с общепризнанным распространением государственной власти непосредственно на фи-

⁷³ Васильев А.В. Указ. соч. С. 136–137.

⁷⁴ См., в частности: *Lachmann R. Op. cit. Cambridge: Polity, 2010. P. 76.*

⁷⁵ Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; Под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. С. 57.

⁷⁶ См., в частности: *Crevelde M. van. Op. cit. 439 p.; Lachmann R. Op. cit. P. VIII.*

⁷⁷ См.: *Назмутдинов Б.В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 125–130.*

⁷⁸ См.: *Teschke B. Op. cit. Pp. 230–231.*

зических лиц (рядовых граждан). По этому параметру, в частности, принято проводить границу между государством и союзом государств (конфедерацией). Однако этот важнейший критерий обычно забывается при ведении рассуждений о феодальных «государствах», хотя в таких общностях правители могли предъявлять юридически обоснованные требования только в отношении своих вассалов, а с рядовыми подданными были связаны только в качестве (весьма ситуативно поддававшегося претворению в жизнь) высших судей, не имея возможности осуществлять непосредственное налогообложение в отношении обывателей и не издавая нормативные акты, которые сегодня принято характеризовать как имеющие прямое действие.

Более того, такие «государства» не имели и органов в современном понимании (за исключением немногочисленных республик⁷⁹ правление осуществлялось от имени конкретной персоны, а в республиках — от имени представительного органа, сословий или народа). Они не могли обладать «монополией на осуществление правотворчества» (поскольку с государством никакие решения не связывались: монарх издавал акты от своего имени, представительные органы — либо от своего имени⁸⁰, либо от имени представленных в них сословий). Соответственно, не обладали они и суверенитетом (сувереном мог считаться монарх, представительный орган, народ).

С учетом этих обстоятельств, феодальные королевства и прочие монархические образования средневековья заслуживают отнесения к категории государств не более, чем конфедерации и иные международные организации Нового времени.

Соответственно, в-шестых, представляется излишней концентрация на свойствах государства не как явления политического, социального, управленческого (что преобладает в современной юридической литературе), а как компонента правовой действительности. В частности, в качестве свойств государства как субъекта права следует рассматривать упомянутые выше обстоятельства: наличие устойчивых правовых связей с жителями и способность принимать юридически обязательные решения прямого действия.

⁷⁹ Определенных оговорок требует и Британия, за счет перехода части функций от короля к парламенту пришедшая к некоторому подобию государства в современном смысле несколько раньше других европейских государств.

⁸⁰ В странах, унаследовавших британские политические традиции или политический менталитет, законы и в настоящее время носят титул актов парламента, конгресса и пр.

Правда, признаками (исключительно) государства они не являются. Такие правовые связи могут возникать и с внутригосударственными территориальными образованиями, а иногда и с надгосударственными. Аналогично можно охарактеризовать и наличие у решений прямого действия (круг субъектов таких решений также не исчерпывается государствами).

В-седьмых, авторы далеко не всегда учитывают, что каждому пониманию государства соответствует свой набор признаков и, соответственно, нередко перечисляют в одном и том же ряду признаков черты государства в разных значениях. Например, указывается, что «государство как субъект права обладает следующими признаками: территорией, населением, суверенитетом, властью, реализуемой государственными органами»⁸¹. Однако первые два обстоятельства относятся к государству не как субъекту права, а как, соответственно, географическому объекту (как субъект права государство обладает не территорией, а пространственной компетенцией и территориальным верховенством) и как социально-политической общности (как субъект права государство не обладает населением, а находится в устойчивой правовой связи с гражданами). Строго говоря, из перечисленного чертой государства как субъекта права является только суверенитет.

Сама концепция суверенитета государства неотделима (и производна) от представлений о государстве как о личности (государственный суверенитет — это суверенитет государства как субъекта) и не вполне сочетается с большинством других значений слова «государства». Обстоятельствам, обозначавшимся словом «государство» прежде (имуществу, владениям, объекту властвования) суверенитет закономерно не мог приписываться (суверенитетом обладал правитель — по отношению к государству в таком понимании).

Однако это обстоятельство обычно игнорируется: суверенитет неизменно упоминается в современной юридической литературе среди признаков государства независимо от подхода к государствовопониманию, которого придерживается автор. Так, сомнения вызы-

⁸¹ Шматова Е.С. Государство как субъект публичного права: теоретико-правовой аспект // Юрист. 2023. № 10. С. 6 С. 2–7. Похожие перечни («1) территория; 2) население; 3) организация публичной (политической) власти; 4) налоги; 5) суверенитет» и «суверенитет как важнейший признак», «право, налоги, территория и население») см. в изданиях: Актуальные проблемы теории государства и права [Электронный ресурс]: учеб. пособие / авт.-сост. И.Л. Петрова. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. С. 73; Рассказов Л.П. Указ. соч. С. 40–43.

вает связка суверенитета государства и с доминирующей сегодня трактовкой последнего как «политической организации», «организации общества», «организации власти». Трактовка государства как такой организации, с одной стороны, придает ему некоторую осязаемость, однако, с другой стороны, замещает абстрактную и идеалистическую, но четкую квалификацию государства как субъекта права другой абстракцией, причем с чрезвычайно расплывчатым содержанием (по крайней мере, с юридической точки зрения, независимость и верховенство «политической организации общества» или «организации политической власти» не обладают сколь-нибудь ясным значением). Проблематично приписать верховенство и (или) независимость государству как правоотношению или системе правоотношений. Суверенный же государственный аппарат — это, по сути, суверенный правитель (пусть и коллективный), занимающий промежуточное положение между сувереном в изложении Бодена и государством как абстрактным сувереном, от имени которого выступают органы и должностные лица.

Помимо субъектной концепции государства более или менее с идеей его суверенитета совместимо понимание государства как правового порядка. В этом случае суверенитет есть общее свойство и права, и государства: он выражается в верховенстве национального правопорядка (его независимости, неподчиненности иным правопорядкам в пределах территории государства). В принципе может быть суверенным и государство как общественный союз, но опять же лишь при наличии правосубъектности.

Не гармонирует с большинством трактовок государства и его способность (монопольная или иная) к правотворчеству и (или) к легитимному принуждению. Такая способность подразумевает, что государство есть деятель (субъект права или аппарат), а не объект, не организация власти или общества, не правоотношение или система правоотношений, не правопорядок. Однако смешение разнородных представлений о государстве, как было сказано, не является редкостью. В итоге государство может представлять «суверенной организацией публичной власти», «обладающей принудительной силой» и «правом издавать законодательство»⁸².

Сказанное не означает, что каждая характеристика может быть приписана государству лишь в единственном из пониманий. Некоторые из свойств вполне могут быть связаны с государством

⁸² Теория государства и права: учебник / под ред. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 90.

в разнообразных смыслах, но такое связывание требует их адаптации под каждое значение. Например, под территориальностью государства как субъекта права следует понимать распространенность государственной власти, или компетенции, или юрисдикции, или суверенитета на обстоятельства в пределах определенного пространства, как организации власти или общества — территориальную структурированность этой организации, как общественного союза — территориальную оседлость народа, как правоотношения — наличие территориального предела его реализации, как правового порядка — пространственный характер действия и действительности национального правопорядка⁸³.

Итак, по сути каждый из выделяемых в специальной литературе признаков государстве в той или иной мере сомнителен и небесспорен. Многие обстоятельства позволяют достаточно рельефно описать государство в том или ином понимании, но среди таких обстоятельств государства проблематично выделить свойства, присущие исключительно ему (т.е. его признаки в тесном значении). Это относится к государству в любой из доктринальных концепций, а равно к сущностям, сегодня официально признаваемым государствами на практике (в частности, как упоминалось выше, территориальность, наличие выступающих от их имени органов, способность к правотворческой деятельности, наличие устойчивой правовой связи непосредственно с жителями, прямое действие принимаемых решений и пр. можно встретить и у субгосударственных, и у некоторых надгосударственных образований), а тем более — к считавшимся государствами в прошлом. На роль исключительного признака государства (в современном понимании) из числа упоминаемых в литературе с большим основанием может претендовать только суверенитет. Но, как было сказано, эта характеристика совместима далеко не с каждым подходом к государствовопониманию. Кроме того, вследствие многозначности и приобретенной расплывчатости она нуждается в уточнении. Даже ставшее общепринятым в отечественной юридической литературе определение суверенитета государства как его внешней независимости государства и внутреннего (территориального) верховенства не вполне удачно, поскольку по сути является скорее политологическим и отражает не столько само свойство государства, сколько

⁸³ Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 464.

его внешние проявления (практические следствия)⁸⁴. Свойство же это заключается в признаваемой способности устанавливать, трансформировать и защищать правовой порядок на определенной территории⁸⁵. Однако и такое понимание государственного суверенитета не решает проблему отграничения государств от смежных явлений: в сложном государстве формирование правопорядка осуществляет как государство, так и региональные территориальные образования (причем в части стран по определенному кругу вопросов решения последних обладают безусловным верховенством⁸⁶), а надгосударственное объединение фактически может принимать на себя роль ключевого субъекта формирования правового порядка (прежде всего это характеризует Европейский союз). Это требует либо трактовки суверенитета как качества не только государств, но и отдельных внутригосударственных и надгосударственных образований, либо включения таких образований в категорию государств.

(Продолжение следует).

Литература

Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Балагурова Н.Н. Государство как территориальная система // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Выпуск 13. 2007. № 12 (90). С. 5–9.

Беляева О.М. «Цель оправдывает средства», или Наставления Н. Макиавелли государю // История государства и права. 2013. № 7. С. 8–12.

Березко В.Э. Стратегия государственного строительства в понимании Сталина // История государства и права. 2008. № 12. С. 33–35.

Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I — XIII. СПб Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 596 с.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Ака-

⁸⁴ См.: Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 83–85.

⁸⁵ См.: Еллинек Г. Указ. соч. С. 352; Лексин И.В. Указ. раб. С. 84.

⁸⁶ Так, сообщества и регионы Бельгии заключают международные договоры по вопросам, входящим в компетенцию парламента соответствующего субъекта федерации, и федерация может воспрепятствовать заключению договора лишь в некоторых случаях (см.: Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского союза: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2011. С. 121.

демии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 127–166.

Гаген В.А. Учебник административного права. Выпуск I. Ростов-на-Дону, 1919. 146 с.

Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. 832 с.

Горбунов М.А. К вопросу о сущности современного государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 17–22.

Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

Дрекслер Х. Res publica // Res publica: История понятия: Сборник статей / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 67–170.

Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Том I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. 600 с.

Жилин А.А. Учебник государственного права. Ч. I. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. 432 с.

Иванов В.В. Новые подходы к теории территориального устройства и федеративная система России // Правоведение. 2002. № 3 (242). С. 63–85.

Иванов Р.Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1 (46). С. 6–11.

Иеринг Р. Цель в праве. I том. СПб., 1881. 416 с.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 360 с.

Каппони Н. Макиавелли / пер. А.Л. Уткина. М.: Вече, 2012. 352 с.

Корнев А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 11–21.

Костин Ю.В. Понятие государства в истории политико-правовой мысли и современных трактовках // Научный вестник Омской академии МВД России № 1 (25), 2007. С. 3–7.

Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Изд. 3-е. СПб., 1913. 672 с.

Лексин И.В. Государственное устройство федераций в составе Европейского союза: учебное пособие. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2011. 272 с.

Лексин И.В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. 2017. № 1 (85). С. 79–92.

Лексин И.В. Государство и (или) эволюция: проблемы юридических рассуждений о понятиях, происхождении и развитии государств (часть первая) //

Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2024. № 4. С. 206–227.

Лексин И.В. Соотношение федеративной и регионалистской формы государственного устройства: проблемы и решения // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Выпуск 12. С. 476–486.

Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 17–29.

Лексин И.В. Территория как публично-правовая категория: понятие и логическая связь с государством // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. С. 457–470.

Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1969. 434 с.

Мартенс Ф.Ф. Лекции по государственному праву. Санкт-Петербург, 1892. 280 с.

Меркель А. Юридическая энциклопедия / Пер. Ф.К. Зейделя, под ред. В.М. Грибовского. СПб., 1902. 256 с.

Назмутдинов Б.В. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex Russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 122–138.

Овчинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 20–29.

Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление / пер. с англ. А. Стихина и С. Анкапова. М. Проект RUSTATE.ORG, 2020. 255 с.

Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986. 607 с.

Политика Аристотеля / Н. Скворцов; пер. с греч. языка, с примечаниями, с критическим исследованием о Политике Аристотеля и с двумя экскурсами. М.: Университетская типография, 1865. 464 с.

Ренненкампф Н.К. Юридическая энциклопедия. Изд. 4-е. Киев, 1913. 294 с.

Свешников М.И. Русское государственное право. Часть I. Общая теория государственного права. Санкт-Петербург, 1895. 312 с.

Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса: Экон. тип., 1890. 334 с.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 504 с.

Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. 536 с.

Тихомиров Ю.А. Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. 228 с.

- Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. Издание 3-е, испр. и доп. М., 1906. 136 с.
- Цицерон. Диалоги / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 226 с.
- Чернядьева Н.А. Вестфальский мирный трактат: проблемы противодействия зарождающемуся терроризму // *Lex Russica*. 2014. № 5. С. 564–574.
- Чичерин Б.Н. Курс государственной науки Ч. I. Общее государственное право. М., 1894. 484 с.
- Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М., 1910. 320 с.
- Шматова Е.С. Государство как субъект публичного права: теоретико-правовой аспект // *Юрист*. 2023. № 10. С. 2–7.
- Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой // *Логос*. 2012. № 5 (89). С. 213–224.
- Штатк Р. *Res publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7–66.
- Шюрбаум В. Цицерон: *De re publica* // *Res publica: История понятия: Сборник статей* / пер. с нем.; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 171–246.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961. С. 23–178.
- Энциклопедия государства и права / Под ред. П. Стучка. Т. I. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1925–1926. 1240 с.
- Юрочкин М.А. Государство: теоретические аспекты формирования понятия // *Отечественная юриспруденция*. 2015. № 1(1). С. 6–10.
- Augustinus S. *De Civitate Dei*. Venetiis, 1475. 610 p.
- Botero G. *Della Ragion di Stato. Libri Dieci, con Tre Libri delle Cause della Grandezza, e Magnificenza delle Città*. Venetia: Appresso i Gioliti, 1589. 368 p.
- Ciceronis M.T. *De Re Publica*. Bostoniae: O. Everett, 1823. 144 p.
- Claessen H.J.M., Skalnik P. *Early State*. Mouton: The Hague, 1978. 689 p.
- Crevelde M. van. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 439 p.
- Duguit L. *Manuel de droit constitutionnel. Théorie général de l'État. — Organisation politique*. Paris, 1907. 1142 p.
- Ferguson Y.H., Mansbach R.W. *The State, Conceptual Chaos, and the Future of International Relations Theory*. Boulder: The University of Denver, 1989. 128 p.
- Iering R. von. *Der Zweck im Recht*. 1. Band. 2. umgearbeitete Aufl. Leipzig, 1884. 572 s.
- Il Principe, e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio di Niccolò Machiavelli. Firenze: Felice le Monnier, 1848. 428 p.
- Jessop B. *The State and Power* // *The SAGE Handbook of Power* / Eds. S.R. Clegg and M. Haugaard. L.: SAGE Publications Ltd, 2009. P. 367–382.
- Jessop B. *The state: past, present, future*. Cambridge: Polity Press, 2016. 304 p.
- Jouvenel B. de. *Du pouvoir. Histoire naturelle de sa croissance*. Paris: Hachette, 1975. 463 p.

Laband P. Das Staatsrecht des Deutschen Reichs. 3. Aufl. 1. Band. Freiburg und Leipzig, 1895. 768 s.

Lachmann R. States and Power. Cambridge: Polity, 2010. 234 p.

Lübtow U. von. Das römische Volk. Sein Staat und sein Recht. Frankfurt a. M., 1955. 760 s.

Meinecke F. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. 2. Auflage. München: R. Oldenbourg Verlag, 1960. 560 s.

Seydel M. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873. 104 s.

Teschke B. The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations. L. and NY: Verso, 2003. 308 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лексин Иван Владимирович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ivan V. Leksin — DSc, Head of Department of Legal Foundations of Public Administration, School (Faculty) of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: leksin@spa.msu.ru

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-114-125

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Л.О. Крамаровский

Аппарат Экспертного совета по развитию химической промышленности
при Комитете Государственной Думы по промышленности и торговле,
Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

kramarovskij@bk.ru

Аннотация. Современная промышленность переживает стремительную цифровую трансформацию, в которой искусственный интеллект играет ключевую роль. Автоматизация производственных процессов, управление ресурсами и предиктивная аналитика на основе ИИ способствуют повышению эффективности и снижению издержек предприятий¹. Однако широкое внедрение интеллектуальных технологий сопровождается правовыми вызовами, требующими эффективного государственного регулирования. В статье анализируются основные аспекты публично-правового регулирования ИИ в промышленности, включая вопросы кибербезопасности, сертификации алгоритмов, ответственности за ошибки автономных систем и международного опыта в данной сфере. Особое внимание уделяется необходимости формирования прозрачных механизмов контроля и надзора, а также разработке национальной стратегии регулирования ИИ с учетом конкурентных вызовов и национальных интересов. Выводы статьи подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, сочетающего поддержку технологических инноваций с эффективными мерами правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект в промышленности, публично-правовое регулирование, кибербезопасность, государственный надзор и сертификация ИИ, прозрачность и объяснимость алгоритмов, цифровая трансформация, индустриальные роботы.

© Крамаровский Л.О., 2025

¹ Какие разработки требуются для новой индустриализации // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/67402e1b9a79472060a0292c> (дата обращения: 17.02.2025).

Для цитирования: Крамаровский Л.О. Публично-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в промышленности // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 114–125.

Дата поступления в редакцию: 24.02.2025

PUBLIC-LAW REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE IN INDUSTRY

Kramarovskii L.O.

Expert Council on the Development of the Chemical Industry under the Committee of the State Duma on Industry and Trade, State Duma, Moscow, Russian Federation
kramarovskij@bk.ru

Abstract. Modern industry is undergoing rapid digital transformation, with artificial intelligence (AI) playing a key role. Automation of production processes, resource management, and predictive analytics based on AI contribute to increased efficiency and cost reduction for enterprises. However, the widespread adoption of intelligent technologies brings legal challenges that require effective state regulation. This article examines the key aspects of public-law regulation of AI in industry, including issues of cybersecurity, algorithm certification, liability for errors of autonomous systems, and international experience in this field. Special attention is given to the need to establish transparent mechanisms for control and oversight, as well as to develop a national AI regulation strategy that takes into account competitive challenges and national interests. The conclusions of the article emphasize the need for a balanced approach that combines support for technological innovations with effective legal regulation measures.

Key words: artificial intelligence in industry, public-law regulation, cybersecurity, state supervision and AI certification, transparency and explainability of algorithms, digital transformation, industrial robots.

For citation: Kramarovskii L.O. Public-Law Regulation of Artificial Intelligence Use in Industry // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 114–125.

Received: 24.02.2025

Введение

Современный мир переживает стремительные изменения, во многом обусловленные развитием и внедрением цифровых тех-

нологий, среди которых особое место занимает искусственный интеллект (далее — ИИ). Промышленность, традиционно рассматриваемая как фундамент экономического развития, активно вовлекается в процессы цифровой трансформации. По данным международных исследовательских компаний, применение систем на основе ИИ в производстве, логистике и управлении ресурсами позволяет предприятиям существенно повышать эффективность, сокращать издержки, минимизировать влияние человеческого фактора на риск возникновения ошибок². При этом формируется новый ландшафт промышленного сектора, где информационные и киберфизические системы играют ведущую роль. Именно поэтому вопросы, связанные с публично-правовым регулированием ИИ в промышленности, приобретают первоочередное значение, поскольку необходимы четкие механизмы контроля, надзора и поддержки со стороны государства.

Рост конкурентоспособности национальной экономики напрямую связан с внедрением инноваций и передовых технологий³. В условиях глобализации и быстрого обновления промышленных технологий промышленные предприятия не могут сохранять лидирующие позиции, если они игнорируют современные цифровые инструменты. ИИ позволяет автоматизировать сложные производственные процессы, оптимизировать управление цепочками поставок, осуществлять предиктивную аналитику для предотвращения сбоев. Однако вместе с технологическими преимуществами возникает широкий спектр рисков, которые нуждаются в корректном правовом оформлении⁴. Среди них вопросы технической и кибербезопасности, защиты интеллектуальной собственности, установления ответственности за возможные ошибки алгоритмов и компенсации ущерба третьим лицам. Государство, как гарант общественных интересов, обязано формировать правовые и институциональные условия, направленные на обеспечение устой-

² Undaunted by Global Disruption, a Logistics Company Embraces Bold Transformation // MCKINSEY [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/travel-logistics-and-infrastructure/how-we-help-clients/undaunted-by-global-disruption-a-logistics-company-embraces-bold-transformation> (дата обращения 17.02.2025).

³ Кузьмина Е.Ю., Соклакова И.В., Сурат И.Л. Инновационное развитие как фактор конкурентоспособности национальной экономики // Вестник университета. 2020. № 2. С. 63–67.

⁴ Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: Кейсы и варианты решения этических проблем. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2024.

чивого развития технологий и одновременно на предотвращение негативных последствий их неконтролируемого использования.

Актуальность публично-правового регулирования в сфере ИИ в промышленности усиливается по мере увеличения доли цифровых решений в структуре промышленного производства. Согласно ряду прогнозов, к концу текущего десятилетия доля автоматизированных систем управления и систем на основе алгоритмов машинного обучения может превысить 50% во многих отраслевых сегментах — от металлургии до фармацевтики⁵. Это означает, что значительная часть решений, влияющих на здоровье, безопасность людей и качество продукции, будет приниматься без непосредственного участия человека или при минимальном вмешательстве оператора. Такая ситуация требует пересмотра многих традиционных норм и принципов регулирования промышленной безопасности, поскольку появление автономных алгоритмов и роботизированных комплексов ставит новые правовые вопросы. Например, кто несет ответственность за инцидент, вызванный ошибкой «самообучающейся» системы? Каким образом надзорные органы должны контролировать алгоритмы, которые изменяются в режиме реального времени? Как обеспечить прозрачность и проверяемость решений, принимаемых искусственным интеллектом?

Не менее важным фактором, поднимающим уровень актуальности, является международная конкуренция в сфере искусственного интеллекта. Крупные экономические игроки США⁶, Китай⁷, страны Европейского союза активно разрабатывают стратегии и нормы, направленные на стимулирование развития ИИ при одновременном усилении контроля за его применением. В этой глобальной гонке Россия также должна определить собственную модель регулирования ИИ, учитывая национальные интересы, традиции правовой системы и экономическую специфику промышленного сектора.

Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что для государства становится приоритетом разработка эффективной

⁵ Попова М. Какие разработки требуются для новой индустриализации // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/67402e1b9a79472060a0292c> (дата обращения: 17.02.2025).

⁶ Шейкин А.Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 28–38. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.3.

⁷ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 46–73. DOI: 10.21202/jdtl.2024.4.

и сбалансированной нормативно-правовой системы, регулирующей использование искусственного интеллекта в промышленности. Такая система должна учитывать интересы всех стейкхолдеров — представителей бизнеса, науки, общества, — а также оперативно реагировать на динамику научно-технического прогресса. Стратегически важным представляется взаимодействие профильных министерств, надзорных органов, экспертного сообщества и международных институтов, чтобы сформировать комплексный подход к регулированию, гарантирующий безопасность, прозрачность и инновационное развитие промышленного сектора.

Трансформация промышленной безопасности в эпоху искусственного интеллекта

Традиционные нормы промышленной безопасности, техники надзора за соблюдением технологических регламентов и ответственности за производственные инциденты разрабатывались в эпоху, когда решения принимались преимущественно людьми. При так называемой человекоцентричной парадигме роль оператора, инженера или руководителя производства оставалась доминирующей, а технологические системы, даже высокоавтоматизированные, выполняли в основном функции поддержания стабильных параметров работы оборудования. Однако с распространением алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и других форм ИИ меняется сама логика принятия решений⁸. Многие производственные процессы начинают работать в режиме реального времени, когда система способна изменять конфигурацию, скорость или качество выхода продукции самостоятельно, анализируя новые массивы данных без участия человека. С одной стороны, это повышает оперативность и гибкость производства, но с другой — порождает вполне обоснованные вопросы о том, каким образом государственные надзорные органы должны осуществлять контроль за такими интеллектуальными решениями, и кто несет ответственность, если результат автономной деятельности алгоритма приводит к негативным последствиям⁹.

⁸ Полякова Т., Минбалеев А., Кроткова Н. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

⁹ Lim E., Park H., Kim B. Review of the Validity and Rationality of Artificial Intelligence Regulation: Application of the EU's AI Regulation Bill to Accidents Caused by Artificial Intelligence. School of Cybersecurity, Korea University. Seoul, South Korea, 2025.

В классическом подходе к промышленной безопасности или к техногенным авариям заведено, что оператор несет прямую ответственность за ненадлежащее исполнение своих функций, а работник оборудования — за конструктивные дефекты¹⁰. Когда же в процесс вовлечен ИИ, особенно «самообучающаяся» система, которая в ходе эксплуатации способна накапливать опыт и видоизменять собственные алгоритмы, найти цепочку причин и причинно-следственных связей может оказаться крайне затруднительно. Традиционные схемы, по которым можно было установить вину изготовителя или эксплуатирующей организации, требуют пересмотра, поскольку алгоритмические решения не подчиняются классической детерминистской логике. Они могут выдавать неожиданные результаты, обусловленные статистическими закономерностями в данных, или содержать незаметные на этапе тестирования «системные ошибки», которые проявляются лишь в уникальных условиях промышленной эксплуатации.

В этой связи в ряде стран ведется дискуссия о необходимости создания специальных правовых институтов, регулирующих «поведение» автономных систем и распределяющих ответственность между участниками¹¹. Предлагаются различные пути решения: от введения презумпции ответственности владельца (т.е. предприятия, внедряющего ИИ-технологии) до частичной ответственности разработчика или поставщика алгоритмов, если доказано, что сбой произошел из-за дефектов в программном обеспечении¹². Однако единых унифицированных норм на международном уровне пока не существует, хотя Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и другие наднациональные структуры активно издают рекомендации, в которых содержатся принципы прозрачности, безопасности и управляемости систем искусственного интеллекта¹³.

¹⁰ Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ». 28.07.1997. № 30. Ст. 3588.

¹¹ Шестак В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197–206.

¹² Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-58-683-708.

¹³ Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // OECD [Электронный ресурс]. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 17.02.2025).

Отсутствие единых принципов публичного регулирования применения ИИ в сфере промышленной безопасности в скором времени может привести к затруднениям трансферта технологий и проблемам при осуществлении государственного контроля (надзора) за промышленными системами.

Контроль и надзор за автономными системами

Следующий ключевой вызов связан с формированием механизмов контроля и надзора за алгоритмами, которые динамически изменяются в режиме реального времени. Так, в традиционной промышленности регулятор или уполномоченный орган может провести сертификацию оборудования, проверку соответствия техническим регламентам и выдать разрешение на эксплуатацию конкретной установки¹⁴. Когда речь идет о нейронной сети, способной обучаться на потоке данных непосредственно во время производственного процесса, возникает проблема «прозрачности» или, иными словами, объяснимости решений. Многие современные алгоритмы — особенно глубокие нейронные сети — функционируют как «черный ящик», а их внутренние механизмы принятия решений не всегда можно интерпретировать формально. Для промышленных предприятий это означает, что могут возникать сложности с обоснованием, почему именно в конкретный момент система приняла то или иное решение, а для надзорных органов — что привычные методы аудита (например, проверка технической документации, анализ исходных кодов) не дадут полного представления о реальной логике работы алгоритма.

С данным вызовом коррелирует вопрос о том, должны ли появиться специальные подразделения или независимые органы, способные анализировать алгоритмические решения на предмет безопасности и соответствия принятым стандартам. Потенциально такие органы могут функционировать наподобие независимых аудиторов, исследуя код, архитектуру нейронных сетей и статистику их работы, чтобы удостовериться в отсутствии критических уязвимостей. Но на практике создание и эффективное функционирование подобных структур — задача весьма сложная, так как требует наличия высококвалифицированных специалистов, способных разбираться в самых современных методах машинного обучения. Кроме того, необходимо разработать юридические механизмы,

¹⁴ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О техническом регулировании» // «Собрание законодательства РФ». 30.12.2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

обеспечивающие доступ таких аудиторов к коммерческой тайне и защищенным данным, без чего полноценная проверка невозможна. При этом следует соблюдать баланс интересов: предприятиям важно сохранять конфиденциальность своих алгоритмов (ввиду их ценности и роли в конкурентной борьбе), а государству — гарантировать безопасность граждан и окружающей среды.

Еще одна проблема — обеспечение прозрачности и проверяемости принимаемых решений. Если алгоритм влияет на аспекты, непосредственно связанные с жизнью и здоровьем людей (например, в фармацевтике, при дозировании активных веществ, или в пищевой промышленности, при контроле качества продуктов), то уровень рисков многократно возрастает. Уже сегодня международная практика выдвигает требование, чтобы любая автоматизированная система, особенно затрагивающая публичные интересы, была способна предоставить объяснение своих действий «по требованию» регуляторов или надзорных органов¹⁵. Однако обеспечить такую объяснимость для сложных интеллектуальных систем, работающих с большими объемами данных и оперирующих нелинейными зависимостями, крайне трудно. В научном сообществе ведутся разработки в области Explainable AI (XAI) — «объяснимого искусственного интеллекта», предполагающего, что каждая модель должна иметь встроенные механизмы интерпретации собственных решений¹⁶. Но эти механизмы пока не достигли уровня, при котором их можно было бы назвать универсальными и надежными для всех отраслей промышленного производства.

Из практической плоскости в правовую переходит также вопрос степени автономности ИИ. Если ранее считалось, что человек в любой момент может взять на себя контроль над машиной, то с ростом степени автоматизации в ряде производств эта гипотеза становится менее верной. При определенных обстоятельствах вмешательство оператора может быть невозможным (или опасным), а алгоритм принимает решения, исходя из своих «взвешенных» моделей. Такие ситуации часто наблюдаются в процессах, где критически важна скорость реагирования, например, при управлении промышленными роботами в режиме реального времени, управлении процессами химических реакций или функционированием

¹⁵ Арзумян А.Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92–99. DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99.

¹⁶ Sofianidis G., Rožanec J.M., Mladenić D., Kyriazis D. A Review of Explainable Artificial Intelligence in Manufacturing. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2107.02295> (дата обращения: 17.02.2025).

крупных энергетических объектов¹⁷. В результате возникает своеобразный «доверительный акт» между человеком и системой, где человек вынужден полагаться на корректность самообучающегося алгоритма. Государство, формируя правовое поле, должно учитывать, что в подобных областях, где ставка очень высока (техногенные риски, угроза жизни людей), необходимо более детальное регулирование, вплоть до установления обязательных «механизмов ручного тормоза», дублирующих систем, многоуровневых алгоритмов диагностики и аварийного останова.

Не менее важным аспектом, требующим пересмотра традиционного подхода к промышленному регулированию, является вопрос кибербезопасности. Системы на базе ИИ, обрабатывающие большие массивы данных и имеющие доступ к локальным и глобальным сетям, становятся потенциальной мишенью для хакерских атак¹⁸. В случае взлома или внедрения вредоносного кода в алгоритмы, управляющие технологическим процессом, последствия могут быть катастрофическими. Столь высокая степень уязвимости подчеркивает необходимость выработки новых норм и стандартов в области кибербезопасности именно для интеллектуальных систем. Традиционные правила информационной безопасности (например, периодическая смена паролей, обновление антивирусного ПО) здесь явно недостаточны: требуются специализированные регламенты, которые бы учитывали особенности функционирования машинного обучения и алгоритмов реального времени. Более того, не исключена необходимость прямого взаимодействия предприятий с государственными структурами для оперативного обмена информацией об обнаруженных уязвимостях или атаках, чтобы минимизировать их последствия. Такой обмен данными должен строиться на доверительных отношениях и четком правовом механизме, исключающем утечку конфиденциальной информации о производстве.

Заключение

Для Российской Федерации, где промышленный сектор играет стратегическую роль в экономике, все эти тенденции представля-

¹⁷ Бухтияров И.В., Денисов Э.И. Гигиенические аспекты роботизации: факторы риска и принципы безопасности // Гигиена и санитария. 2021. № 100(1). С. 6–12. DOI: 10.47470/0016-9900-2021-100-1-6-12.

¹⁸ Прогноз киберугроз для промышленных предприятий на 2025 год // Kaspersky ICS CERT. 29.01.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2025/01/29/threat-predictions-for-industrial-enterprises-2025> (дата обращения: 19.02.2025).

ются особенно актуальными. Согласно ряду государственных программ, к концу текущего десятилетия планируется существенное повышение доли автоматизированного и роботизированного производства¹⁹. Это подразумевает, что значительная часть решений по планированию, учету, мониторингу и даже управлению технологическими установками будет приниматься интеллектуальными системами, не требующими регулярного вмешательства человека. В подобном контексте встает вопрос о том, насколько существующая нормативная база (законы о промышленной безопасности, техническом регулировании, использовании цифровых технологий) готова к приему столь масштабных и динамических алгоритмов. Кроме того, важна гармонизация новых правовых требований с международными соглашениями и стандартами, чтобы не возникало конфликтных ситуаций при экспорте продукции или совместных проектах с зарубежными партнерами.

Наконец, стоит отметить, что приведенные в начале цифры (доля автоматизированных систем управления может превысить 50% в течение ближайших лет) — это не просто статистический прогноз, а свидетельство кардинальной трансформации индустриального сектора. По мере того как предприятия внедряют ИИ в производство, неизбежно обостряются вопросы, связанные с финансированием модернизации, перестройкой рынка труда, распределением доходов, а также геополитическими аспектами технологической независимости. Государственное регулирование, оставаясь в публично-правовой плоскости, должно охватывать и стимулирующие меры (субсидии, гранты, налоговые льготы), и ограничительные механизмы (сертификация, надзор, ответственность), и координировать их с экономической, научно-технической и образовательной политикой. Такой комплексный подход позволит сформировать надежную систему гарантий, при которой рост автоматизации и применение ИИ не нанесут ущерба промышленной безопасности, правам работников, интересам общества и окружающей среды.

Таким образом, необходимость публично-правового регулирования в сфере ИИ в промышленности не вызывает сомнений. Рост доли интеллектуальных систем, управляемых алгоритмами машинного обучения, при минимальном участии человека, предъявляет повышенные требования к нормативно-правовым

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 20.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» // «Собрание законодательства РФ». 05.05.2014. № 18 (часть IV). Ст. 2173.

механизмам. Пересмотр традиционных норм промышленной безопасности, уточнение принципов надзора и контроля, внедрение новых подходов к распределению ответственности, обеспечение прозрачности и проверяемости решений ИИ — все это определит направления дальнейшего развития как национальных правовых систем, так и международного сотрудничества. От того, насколько своевременно государства адаптируют свою законодательную базу к вызовам стремительно меняющегося технологического ландшафта, во многом зависит экономическая конкурентоспособность, социальная стабильность и безопасность как конкретной страны, так и мирового сообщества в целом.

Литература

Арзуманян А.Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 92–99. DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-3-92-99.

Бухтияров И.В., Денисов Э.И. Гигиенические аспекты роботизации: факторы риска и принципы безопасности // Гигиена и санитария. 2021. № 100 (1). С. 6–12. DOI: 10.47470/0016-9900-2021-100-1-6-12.

Кузьмина Е.Ю., Соклакова И.В., Сураг И.Л. Инновационное развитие как фактор конкурентоспособности национальной экономики // Вестник университета. 2020. № 2. С. 63–67.

Полякова Т., Минбалиев А., Кроткова Н. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 46–73. DOI: 10.21202/jdtl.2024.4.

Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683–708. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-58-683-708.

Шейкин А.Г. Принципы законодательного регулирования искусственного интеллекта в США и их влияние на развитие технологического сектора // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 28–38. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.3.

Шестак В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 197–206.

Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: Кейсы и варианты решения этических проблем. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2024.

Lim E., Park H., Kim B. Review of the Validity and Rationality of Artificial Intelligence Regulation: Application of the EU's AI Regulation Bill to Accidents Caused by Artificial Intelligence. School of Cybersecurity, Korea University. Seoul, South Korea, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Крамаровский Леонид Олегович — руководитель аппарата Экспертного совета по развитию химической промышленности при Комитете Государственной Думы по промышленности и торговле, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *e-mail*: kramarovskij@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kramarovsky L. — Head of the Office of the Expert Council on the Development of the Chemical Industry under the Committee of the State Duma on Industry and Trade, State Duma, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: kramarovskij@bk.ru

ОТРАСЛЕВОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-126-147

БРЕНДИНГ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

А.С. Зайцева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
alexandrazaytseva01@gmail.com

Аннотация. В условиях усиливающейся глобальной и внутренней конкуренции за ресурсы территориальный брендинг становится одним из ключевых инструментов, который способствует привлечению ресурсов для развития городов. Актуальность исследования обусловлена накоплением успешных практик применения территориального брендинга городов России, которые требуют своего обобщения и теоретического осмысления. Цель исследования — охарактеризовать сложившуюся к настоящему времени теорию геобрендинга и российскую практику ее применения.

В работе используются методы наукометрического и библиографического анализа публикаций, вторичного статистического анализа.

Основные результаты исследования подтверждают нарастание интереса к территориальный брендингу, что отражается в ежегодном увеличении количества городских брендов в России, а также сохранении научной публикационной активности по данной теме за период 2014–2024 гг. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного библиографического и наукометрического анализа российских научных публикаций по городскому брендингу за период 2014–2024 гг. с ранжированием городов — административных столиц России по их упоминаемости в научных публикациях по тематике брендинга городов с последующим описанием контекста исследований 10 наиболее упоминаемых городов. Выводы из статьи могут быть использованы органами местного

© Зайцева А.С., 2025

самоуправления, представителями бизнеса при разработке стратегий позиционирования и продвижения городских брендов, а также научным сообществом для будущих исследований по тематике брендинга территорий. Дальнейшие исследования предполагают библиографический и наукометрический анализ зарубежной научной литературы о перспективных направлениях изучения практик по городскому брендингу, оценки их эффективности и анализа влияния на развитие городов в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: городской брендинг, геобрендинг, территориальный маркетинг, продвижение территорий, туристический бренд.

Для цитирования: Зайцева А.С. Брендинг российских городов: теоретические основы и практическая реализация // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 126–147.

Дата поступления в редакцию: 20.04.2025

BRANDING OF RUSSIAN CITIES: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

Zaytseva A.S.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
alexandrazaytseva01@gmail.com

Abstract. In the context of increasing global and domestic competition for resources, territorial branding is becoming one of the key tools that helps attract resources for urban development. The relevance of the study is due to the accumulation of successful practices in the application of territorial branding of Russian cities, which require their generalization and theoretical understanding. The purpose of the study is to characterize the currently established theory of geobranding and the Russian practice of its application. The work uses the methods of scientometric and bibliographic analysis of publications, secondary statistical analysis. The main results of the study confirm the growing interest in territorial branding, which is reflected in the annual increase in the number of city brands in Russia, as well as the preservation of scientific publication activity on this topic for the period 2014–2024. The scientific novelty of the study lies in conducting a comprehensive bibliographic and scientometric analysis of Russian scientific publications on urban branding for the period 2014–2024 with ranking of cities — administrative capitals of Russia by their mentions in scientific publications on the topic of city branding, followed by a description of the context of research of the 10 most mentioned cities. The conclusions

from the article can be used by local governments, business representatives in developing strategies for positioning and promoting city brands, as well as by the scientific community for future research on the topic of territorial branding. Further research involves bibliographic and scientometric analysis of foreign scientific literature on promising areas of studying urban branding practices, assessing their effectiveness and analyzing the impact on urban development in the long term.

Key words: city branding, territorial marketing, geobranding, territorial promotion, tourist brand.

For citation: Zaytseva A.S. Branding of Russian cities: theoretical foundations and practical implementation // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 126–147.

Received: 20.04.2025

Введение

В условиях растущей глобальной и внутренней конкуренции регионов за ресурсы территориальный маркетинг становится неотъемлемой частью стратегического управления городами. Одним из его ключевых инструментов является территориальный брендинг, который применяют для выделения уникальных характеристик города и преобразования их в конкурентные преимущества под выбранные цели: привлечение туристов, инвесторов, создания позитивного имиджа среди местного сообщества и т.д. Актуальность исследования обусловлена накоплением успешных практик применения территориального брендинга городов России, которые требуют своего обобщения и теоретического осмысления. Специфика позиционирования и продвижения городских геобрендов вызывает особый интерес, поскольку именно в городах наблюдается наибольшая концентрация экономической (в том числе — предпринимательской и потребительской), социальной и культурной деятельности, что делает их наиболее активными субъектами глобальной конкуренции за инвестиции, туристические потоки, человеческий капитал и другие ресурсы.

Несмотря на активное развитие территориального маркетинга, российская академическая среда только недавно начала систематическое изучение брендинга городов. В связи с этим существует необходимость в анализе научных исследований по данной теме, выявлении основных тенденций и исследовательских приоритетов.

Цель исследования — охарактеризовать сложившуюся к настоящему времени теорию геобрендинга и российскую практику ее применения.

В работе используются методы наукометрического и библиографического анализа публикаций, вторичного статистического анализа: обобщаются российские научные работы по теме городского брендинга, а также анализируется динамика появления новых городских брендов в России. Основные результаты исследования подтверждают сохранение интереса к городскому брендингу, что отражается в ежегодном увеличении количества городских геобрендов, а также в сохранении научной публикационной активности по данной теме в период с 2014 по 2024 г. Количественный и содержательный анализ публикаций является базисом для ранжирования столиц субъектов России по упоминаемости в научных работах и позволил выделить наиболее популярные аспекты геобрендинга городов и направления для обсуждения в российском научном дискурсе. Научная новизна исследования заключается в проведении комплексного библиографического и наукометрического анализа российских научных публикаций по городскому брендингу за период 2014–2024 гг., выводы которого позволили ранжировать административные столицы субъектов России по упоминаемости в научных публикациях. Дальнейший содержательный анализ публикаций с наиболее упоминаемыми городами помог выявить наиболее интересные компоненты городских брендов, которые вызывают интерес исследователей. Выводы из статьи могут быть использованы органами местного самоуправления, представителями бизнеса, а также представителями научного сообщества, занимающимися вопросами брендинга российских городов. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на библиографическом и наукометрическом анализе зарубежной научной литературы, а также на перспективных направлениях анализа практик городского брендинга: исследовании их эффективности, влияния на развитие городов в долгосрочной перспективе.

Городской брендинг как инструмент развития территорий: социально-экономические аспекты и перспективы

Территориальный маркетинг является эффективной и перспективной сферой деятельности для продвижения территорий. Эволюционировав из преимущественно коммерческого применения, маркетинговые инструменты получили широкое распространение в практике территориального управления, обеспечивая продвижение инвестиционных, туристических и иных локальных конкурентных преимуществ. Территориальный брендинг, выступая

в качестве одной из технологий территориального маркетинга, позволяет транслировать ключевые ценности и идентичность территориального бренда (геобренда) целевой аудитории.

Среди пионеров концепции территориального брендинга называют Саймона Анхольта, который одним из первых ввел в научный дискурс термин «брендинг мест». Он также является автором теории конкурентной идентичности, постулирующей, что формирование бренда территории определяется шестью ключевыми компонентами: население, туризм, экспорт, культура, инвестиции и государственное управление¹. Сегодня территориальный бренд определяют как сложный комплекс уникальных свойств конкретной территории, сформированный стихийно или целенаправленно, которые выделяют ее среди других подобных территорий, привлекают на нее дополнительные ресурсы и определяют конкурентные позиции данной территории².

Геобренд имеет свою структуру. Он является собирательным понятием и включает в себя три основные составляющие: аудиовизуальную, виртуально-смысловую и составляющую «реального восприятия»³ (табл. 1).

Составляющие территориального бренда⁴

Таблица 1

Территориальный бренд		
Аудиовизуальная составляющая: все аудио и визуальные символы региона (официальная символика территории, логотипы, гимн, названия и др.)	Виртуально-смысловая составляющая: идея продвижения бренда, базис концепции территориального брендинга (слоганы, образы, стратегии продвижения и др.)	Составляющая «реального восприятия»: ассоциации с территорией у целевой аудитории продвижения. Их анализ является обязательным этапом оценки наличного бренда территории и планирования будущего продвижения города

В российские науку и практику исследования в сфере позиционирования и продвижения территорий пришли сравнительно

¹ Anholt S. (2007) Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Sities and Regions. London: Palgrave Macmillan, 147 p.

² Логунцова И.В. Особенности территориального брендинга в российских условиях. Издательский дом КДУ Москва, 2013. 112 с.

³ Там же.

⁴ Составлено автором на основе: Логунцова И.В. Особенности территориального брендинга в российских условиях. Издательский дом КДУ Москва, 2013. 112 с.

недавно: первые публикации относятся к началу 2000-х гг. Интерес к этой сфере возник в первую очередь потому, что регионы России начали осознавать необходимость дополнительных усилий для формирования положительного облика своих территорий в глазах инвесторов, населения, власти и других стейкхолдеров. Данный инструмент становится все более популярным у территориальных образований разного уровня, так как глобальная и внутренняя конкурентная среда вынуждают органы власти прибегать к инновационным методам для своего развития.

Многие отечественные исследователи, такие как Д.В. Визгалов, В.Л. Глазычев и К.Л. Рожков⁵, обосновали возможность маркетинговых подходов к формированию образа города и управлению его восприятием целевыми аудиториями. В работах Т.А. Атаевой, М.Р. Арпентьевой, И.А. Василенко⁶ были сформулированы практические рекомендации построения территориальных брендов по таким направлениям, как выделение объекта продвижения, выбор ниши рынка, план коммуникаций и соотнесение с политикой федеральных и региональных органов власти.

Особое внимание в работах уделяется задачам территориального брендинга. Большинство авторов сходятся во мнении, что брендинг должен выступать инструментом развития территории, привлечением на нее целевых аудиторий (туристов, инвесторов, квалифицированных кадров и др.), а также содействовать укреплению местного сообщества, повышению лояльности местных жителей. Территориальный бренд позволяет региону взаимодействовать с различными целевыми аудиториями для удовлетворения потребностей как внутренних, так и внешних потребителей. Отдельная категория научных работ российских авторов посвящена теме оценке результативности достижения данных целей: различают «сильные» и «слабые» геобренды, что отражает их узнаваемость, привлекательность и конкурентоспособность. Также исследуются вопросы оценки стоимости территориального бренда, которые ак-

⁵ См.: Визгалов Д.В. Брендинг города. 2011.; Глазычев В. Политическая экономика города. Litres, 2016.; Рожков К.Л. Маркетинговый подход к изучению мегаполиса: необходимость, принципы и перспективы // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 3. С. 74–109.

⁶ См.: Арпентьева М.Р. Архетипический брендинг с позиций эргономического обеспечения маркетинговых исследований // Эргодизайн. 2020. № 1 (7); Атаева Т.А. Создание территориального бренда как основа поддержания имиджа региона в целом // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16; Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4 (24).

тивно используются при составлении индексов, рейтингов брендов территорий⁷.

Территориальные бренды могут различаться по уровню (объединение нескольких государств, национальный, региональный, городской, муниципальный и природных объектов) и по цели продвижения (развитие туризма, привлечение инвестиций, кадровых ресурсов, повышение лояльности местного сообщества и др.)⁸.

В настоящей работе внимание сконцентрировано на городском уровне территориального брендинга. Для этого есть ряд причин.

Во-первых, город (или агломерация) — это территория, внутри которой наблюдается тесная концентрация социальных и экономических связей. В городах, особенно крупного масштаба, зачастую размещаются здания органов государственной и муниципальной власти, корпорации, финансовые организации, образовательные учреждения, центры инноваций и другие субъекты, обеспечивающие территорию драйверами экономического роста. Согласно теории агломерационных эффектов⁹, концентрация экономической активности в городах создает условия для повышенной производительности труда, улучшает доступ к рынкам и увеличивает возможности для инноваций. Таким образом, города становятся главными игроками в глобальной экономической системе и конкурируют за привлечение капитала, промышленных предприятий и предпринимателей¹⁰. Экономическая активность привлекает квалифицированную рабочую силу, создавая эффект «замкнутого круга», когда развитие города стимулирует еще больший приток ресурсов¹¹. Города также являются ключевыми центрами культурного обмена и социальной жизни, что делает их привлекательными для туристов и жителей.

Во-вторых, начиная с XIX столетия, наблюдается стабильный динамичный рост городского населения. Согласно данным ООН,

⁷ Малькова И.В. Методы оценки эффективности геобрендинга // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы. 2018. С. 545–552.

⁸ Логунцова, И.В., Малькова И.В. Маркетинг территорий: учебник для вузов / 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2025.

⁹ Glaeser E.L. (2012). *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Penguin Press. 352 p.

¹⁰ Scott A.J. (ed.). (2001). *Global city-regions: trends, theory, policy*. OUP Oxford. 484 p.

¹¹ Glaeser E.L. (2012). *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Penguin Press, 352 p.

более 55% мирового населения уже живет в городах, и этот процент продолжает расти¹². Концентрация экономических и социальных связей делает города привлекательным местом для жизни, так как расположение внутри одной территориально-административной единицы большого количества ресурсов ведет к снижению издержек населения для получения тех или иных общественных благ. Доступность этих благ во многих странах, особенно в России, определяется не только государственной, но и городской политикой, так как местные бюджеты могут предлагать расширенный/сокращенный перечень социальных и экономических возможностей для местного населения и внешних потребителей в рамках своих возможностей. К таким благам относятся благоустроенная городская среда, транспортная инфраструктура, муниципальные меры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, местные налоговые льготы. Конкурентоспособность современных городов формируется не только разнообразием их стратегий развития, но и прежде всего эффективностью городской среды, ее способностью к динамическим изменениям¹³.

Л. Вирт в своей работе «Урбанизм как образ жизни» формулирует, что город все больше становится не просто местом, где современный человек живет и работает, но и стимулирующим и регулирующим центром экономической, политической и культурной жизни, вовлекающим в свою орбиту самые отдаленные сообщества земного шара и соединяющим в единый «космос» разные территории, народы и виды деятельности¹⁴.

Как отмечает Д.В. Визгалов в своей работе «Брендинг города»: «Города, как и корпорации, становятся самостоятельными игроками — субъектами глобальной экономики. Города — это квинт-эссенции своих стран и тем более регионов. В них сосредоточены основные творческие и административные ресурсы; они ведомы энергией наиболее активных и консолидированных сообществ. Наконец, они главные производители и потребители информации. Поэтому города — наиболее актуальный объект брендинга»¹⁵.

¹² United Nations (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision.

¹³ Соколов А.А., Руднева О.С. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по уровню комфортности проживания // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 130–143.

¹⁴ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Луис. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. С. 89–113.

¹⁵ Визгалов Д.В. Маркетинг города: практическое пособие. М.: фонд «Ин-т экономики города», 2008. С. 11.

Выделяя брендинг как составляющую маркетинга города, Д.В. Визгалов отмечает, что городской бренд формируется на стыке локальной идентичности (идеологического базиса территориального бренда) и имиджа города (восприятия города извне целевыми аудиториями). Если позиционирование города оправданно, состоит из положительных и привлекательных для аудиторий ценностей и соответствует реальному состоянию территории, то формируется сильный геобренд, который будет продвигаться для целевых групп¹⁶.

Городской брендинг — часть системы управления развитием и продвижением территорий, представляющая собой одну из технологий маркетинга, направленную на формирование положительного и привлекательного образа города для внутренних и внешних целевых аудиторий с целью достижения сбалансированного, комплексного и устойчивого развития города и повышения качества жизни местных жителей¹⁷.

Согласно отчету «Коллекция брендов регионов России» (редакции от 08.08.2024) выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ R&C) и института развития креативных индустрий НИУ ВШЭ, созданные в России геобренды имеют преимущественно туристический тип для продвижения культурных и рекреационных ресурсов территории¹⁸. Данные тезисы подтверждаются выводами исследования П.Ю. Макарова, М.В. Соколовой, А.Е. Илларионова «Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций»¹⁹. Представители малых городов, разработавших бренд, чаще указывают наиболее распространенной целью брендинга — увеличение туристического потока (50%).

Интерес к использованию инструментов брендинга территории также обуславливается его возможным положительным социально-экономическим влиянием на местное сообщество и политику местных властей. Так, в исследовании «О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона» авторов

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ *Логунцова И.В., Зайцева А.С.* Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 164–176.

¹⁸ Коллекция брендов регионов России. Москва: Выставочный научно-исследовательский центр (ВНИЦ R&C), Институт развития креативных индустрий НИУ ВШЭ, 2024. 338 с.

¹⁹ *Макаров П.Ю., Соколова М.В., Илларионов А.Е.* Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 66–88. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88

Д.Ю. Шалыгиной, М.В. Селюкова и М.В. Курача подчеркивается, что успешный территориальный брендинг повышает туристическую привлекательность, что, в свою очередь, способствует созданию новых рабочих мест и развитию предприятий индустрии туризма. Это приводит к улучшению социально-экономической ситуации и повышению качества жизни местного населения²⁰. Бренд помогает распространить информацию о том, почему люди должны посетить конкретное место, открыть бизнес или инвестировать в местные производства. Территориальный бренд создает позитивную ценность территории, носителями которой впоследствии становятся главные «действующие лица бренда» — местные жители.

Однако, авторами научных работ также выделяются и сложности в реализации городского брендинга в РФ. Например, в статье «Географический анализ территориальных брендов России» авторы А.А. Семёнов, Н.Ю. Святоха и И.Ю. Филимонова отмечают, что в России практика создания городских брендов выглядит достаточно однобоко и в основном связана с созданием слогана или логотипа²¹.

По мнению автора настоящего исследования, для местной власти брендинг может выступать стратегией принятия обоснованных решений об инвестиционных приоритетах и способах их продвижения. Территориальный бренд должен отражать выбранную траекторию развития территории, основанную на локальной идентичности (т.е. наличии уникальных характеристик города, обеспечивающих его конкурентоспособность). Для эффективного позиционирования и продвижения брендинг территории должен рассматриваться как согласованная инициатива, в которой лица, принимающие решения, и местное сообщество должны определить вектор развития будущего бренда. Данный тезис применим и к национальному уровню брендинга, что находит поддержку в публикациях российских ученых. Бренд относится к стратегическим, а не к тактическим инструментам, поэтому носит долгосрочный характер и связан со стратегией развития государства²².

²⁰ Шалыгина Н.П., Селюков М.В., Курач Е.В. О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 8–5. С. 1165–1168.

²¹ Семёнов Е.А., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Географический анализ территориальных брендов России // *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2023. Т. 9. № 2. С. 184–199.

²² Кусраева О.А. Национальный брендинг: возможности для бизнеса в России // *Российский журнал менеджмента*. 2021. Т. 19. № 4. С. 614–631. DOI: 10.21638/spbu18.2021.411.

В России практика вовлечения местного сообщества в разработку геобрендов очень распространена. Для формирования и утверждения бренда проводятся социологические опросы и антропологические исследования. «Причиной критичности вопроса вовлечения жителей в процесс брендинга является наличие городской идентичности, которая выражена в мыслях и чувствах, испытываемых жителями по отношению к своему городу», выделяет В.А. Дубейковский в своей научной работе²³. Долгосрочным преимуществом вовлечения жителей в процесс является то, что сам процесс вовлечения помогает создать группу жителей-«адвокатов», которые будут продвигать идею бренда в будущем²⁴. Городская территория позволяет быстрее и эффективнее выстраивать коммуникацию между городскими властями и представителями местных сообществ. Это создает ощущение общности и ответственности за бренд, что реже встречается на региональном или национальном уровне, где взаимодействие с населением может быть менее интенсивным.

В городской среде геобренды более гибкие. Города имеют возможность быстрее адаптировать свои стратегии социально-экономического развития и брендинговые концепции в зависимости от внешней и внутренней конъюнктуры. Это дает им преимущества перед более крупными и инертными региональными или национальными брендами. Также, по мнению О.М. Хамидовой, И.А. Бугаёвой, город является одним из самых устойчивых из всех видов брендов, он мало подвержен политическим и экономическим рискам. Исследователь отмечает, что бренд страны ассоциируется с имиджем правительства, поэтому подвержен изменениям из-за политической конъюнктуры²⁵.

Выявление локальной идентичности для создания городских брендов позволяет учитывать городской рекреационный, культурный, социально-экономический капитал. Региональные и национальные бренды в процессе позиционирования территории учитывают большее количество территориальных характеристик и могут нивелировать уникальные особенности отдельных вну-

²³ Дубейковский В.А. Вовлечение жителей в разработку бренда города: классификация механизмов и методы оценки // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 153–178.

²⁴ Dinnie K. (2011) *City Branding. Theory and Cases*. NY: Palgrave Macmillan. 239 p.

²⁵ Хамидова О.М., Бугаёва И.А. Имидж города // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2009. Т. 22. № 2. С. 357–365.

тренних территориальных образований. «Обращение к творчеству позволит провинциальным городам сформировать локальную идентичность, подтверждая ее историческими примерами, чтобы влиться в более крупные региональные и национальные идентичности»²⁶.

Результаты исследования

На первом этапе настоящего исследования автором был проведен наукометрический и библиографический анализ научных публикаций российских авторов за период с 2014 по 2024 гг. Наукометрический анализ позволил проследить динамику, а библиографический метод — направленность публикационной активности, свидетельствующую о формировании самостоятельной научной дисциплины и признании ее значимости в академическом сообществе.

Для выделения научных публикаций, релевантных тематике территориального брендинга на уровне города, был проведен библиометрический поиск по базе данных научных публикаций ELibrary. Использовались поисковые запросы: «бренд города» и «городской брендинг». В выборку включались научные работы, в которых указанные словосочетания присутствовали в названии, аннотации или ключевых словах, что обеспечило фильтрацию публикаций, непосредственно посвященных исследуемой тематике. Анализу подвергались научные статьи в журналах, монографии, материалы конференций и диссертационные исследования. Общее количество проанализированных публикаций по теме городского брендинга за период с 2014 по 2024 г. составило 692 единицы. Динамика количества ежегодных публикаций представлена на рис. 1.

Как видно из приведенного графика, количество публикаций по теме городского брендинга за последние 10 лет возросло более чем в два раза. Также сопоставление количества публикаций и знаковых социальных или политических событий показало наличие взаимосвязи между показателями авторской активности по теме городского брендинга и возможностью реализации активных мероприятий по

²⁶ Klusakova L. (2017) Identifications of small peripheral towns at the turn of the 21st century: cultural heritage, use of historical examples, and revitalization strategies in comparative perspective // НПИ/НР. 2017. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifications-of-small-peripheral-towns-at-the-turn-of-the-21st-century-cultural-heritage-use-of-historical-examples-and-revitalization> (дата обращения: 12.02.2025).

Рис. 1. Динамика количества ежегодных публикаций по тематике городского брендинга за период 2014–2024 гг.²⁷

внедрению рекомендаций в практику позиционирования и продвижения городов:

- **Восходящий тренд (2014–2018 гг.):** наблюдался значительный рост количества публикаций, что свидетельствует о повышении исследовательского интереса к тематике городского брендинга в этот период.

- **Спад (2019–2020 г.):** наблюдается снижение количества научных работ, что, вероятно, было обусловлено негативным влиянием пандемии COVID-19 на социально-экономическую сферу: ограничение туристических потоков, снижение экономической активности и, как следствие, уменьшение приоритетности исследований в области территориального брендинга.

- **Восходящий тренд (2021–2022 гг.):** после преодоления кризисных явлений, вызванных пандемией, наблюдался рост количества публикаций, что отражает восстановление интереса к вопросам городского брендинга. Стимулирующим фактором также является утверждение Государственной программы «Развитие туризма», запуск программы туристического кешбэка и других мероприятий, направленных на развитие внутреннего туризма в России.

- **Снижение (2023–2024 гг.):** наблюдается тенденция к незначительному снижению публикационной активности, что может быть связано с изменением геополитической обстановки, введением ограничений на международное авиасообщение и, как следствие,

²⁷ Разработано автором.

снижением приоритетности исследований в области брендинга городов.

Таким образом, несмотря на некоторые колебания, в целом публикационная активность по теме городского брендинга за исследуемый период имеет тенденцию к поступательному росту.

Содержательный анализ публикаций позволил выделить те города, которые чаще всего обсуждаются в научных работах авторов. Ввиду ограничения исследования проанализировать упоминание каждого города России не представляется возможным, поэтому соответствующий анализ проводился по административным столицам субъектов Российской Федерации. Исследовались упоминания 85 городов России за исключением столиц новых субъектов, которые находятся в процессе интеграции. Результаты содержательного анализа представлены в таблице в порядке убывания количества упоминаний в публикациях соответствующей подборки (табл. 2).

Таблица 2

Упоминания административных столиц в библиографической подборке по тематике брендинга города²⁸

Город	Количество упоминаний	Город	Количество упоминаний
Пермь	57	Тверь	10
Екатеринбург	52	Калуга	9
Великий Новгород	47	Оренбург	9
Санкт-Петербург	43	Смоленск	9
Ярославль	37	Йошкар-Ола	8
Казань	36	Орел	8
Нижний Новгород	32	Рязань	8
Омск	27	Благовещенск	7
Тула	24	Грозный	7
Волгоград	22	Кемерово	7
Мурманск	22	Петрозаводск	7
Томск	22	Чебоксары	7
Владивосток	21	Майкоп	6
Ростов-на-Дону	21	Ставрополь	6
Москва	20	Чита	6
Вологда	19	Якутск	6

²⁸ Разработано автором.

Таблица 2 (окончание)

Город	Количество упоминаний	Город	Количество упоминаний
Курган	19	Абакан	5
Иваново	18	Кызал	5
Тюмень	18	Пенза	5
Самара	17	Петропавловск-Камчатский	5
Киров	16	Саранск	5
Челябинск	16	Сыктывкар	5
Ижевск	15	Ханты-Мансийск	5
Иркутск	15	Элиста	5
Краснодар	15	Белгород	4
Кострома	14	Курск	4
Севастополь	14	Липецк	4
Калининград	13	Магадан	4
Красноярск	13	Симферополь	4
Новосибирск	13	Южно-Сахалинск	4
Уфа	13	Горно-Алтайск	3
Хабаровск	13	Салехард	3
Псков	12	Черкесск	3
Саратов	12	Владикавказ	2
Астрахань	11	Махачкала	2
Тамбов	11	Анадырь	1
Улан-Удэ	11	Биробиджан	1
Ульяновск	11	Брянск	1
Архангельск	10	Гатчина	1
Барнаул	10	Красногорск ²⁹	1
Владимир	10	Магас	1
Воронеж	10	Нальчик	1
		Нарьян-Мар	1

²⁹ Согласно Уставу Московской области, административный центр области не определен. Однако фактически — это город Москва, а также г. Красногорск, в котором расположена часть органов государственной власти (в том числе Правительство области). Таким образом, поскольку г. Москва в силу своего статуса города федерального значения уже был включен в исследование как административный центр того же субъекта, было принято решение указать в списке анализируемых городов в качестве административного центра Московской области г. Красногорск.

Среди территорий, которые привлекают, наибольшее внимание авторов публикаций по брендам городов можно выделить следующие российские города и агломерации:

1. Пермь (57 публикаций): большинство упоминаний встречается в контексте анализа аудиовизуальных составляющих брендинга городов ввиду того, что Пермь — первый город в России, получивший собственный логотип.
2. Екатеринбург (52 публикации) упоминается как пример брендинга крупного промышленного, научного, делового и культурного центра. Также количество упоминаний объясняется наличием в городе научных и образовательных учреждений, занимающихся, в том числе, проблемой территориального маркетинга.
3. Великий Новгород (47 публикаций) в библиографической подборке упоминается в научных работах, посвященных культурным составляющим брендинга городов, созданию единой городской идентичности, продвижению туристических и гастрономических территориальных брендов.
4. Санкт-Петербург (43 публикации) упоминается в качестве города с богатым историческим и культурным капиталом, развитым туризмом, а также исследуются кейсы активного продвижения города на международной арене (ПМЭФ). Количество упоминаний также связано с наличием в городе крупных научных и образовательных центров, изучающих территориальный брендинг.
5. Ярославль (37 публикаций): в контексте подборки описываются богатая история, культурное наследие и развитие туризма города. Большая часть публикаций упоминает активное продвижение города в рамках туристического маршрута «Золотое кольцо России».
6. Казань (36 публикаций): упоминаются успешный опыт развития туризма, проведение крупных международных мероприятий (Универсиада, Чемпионат мира по футболу), активная политика региональных властей по формированию позитивного бренда города.
7. Нижний Новгород (32 публикации). Обсуждаемые темы: богатая история и культура города, развитие туризма, подготовка к 800-летию Нижнего Новгорода, реализация крупных инфраструктурных проектов.
8. Омск (27 публикаций) упоминается в контексте исследования брендинга городов Сибири.

9. Тула (24 публикаций): город исследуется в контексте территории с богатым культурным капиталом, а также с точки зрения событийного маркетинга. Упоминается активное продвижение Тулы как «оружейной столицы России».
10. Волгоград (22 публикации) упоминается в научных работах, посвященных брендингу Волгоградской области и других городов, где сопоставляются практики и результаты данной деятельности.

Как видно из данного списка, в нем оказались не только города с населением свыше миллиона человек, обладающие значительными финансовыми и интеллектуальными ресурсами для развития своих брендов (Екатеринбург, Санкт-Петербург, Казань), но также и города с меньшей численностью населения (Ярославль, Тула). Можно сделать вывод, что брендинг является актуальным инструментом для территориальных образований разного масштаба. Следует отметить, что Москва занимает лишь 15-е место в рейтинге по уровню упоминаемости в научных публикациях, посвященных тематике брендинга городов. Это может быть обусловлено тем, что ее образ уже давно сформирован и закреплён как на национальном, так и на международном уровне. В отличие от региональных центров, которые активно работают над созданием и продвижением своих брендов, Москва является самодостаточным мегаполисом с устоявшейся репутацией российского финансового, культурного и политического центра. Кроме того, внимание исследователей может быть сосредоточено на менее изученных территориях, где процессы брендинга города представляют больший практический и научный интерес.

Анализ тематического параметра публикаций показал, что более 50% публикаций (365) относятся к теме привлечения инвестиций и туристов (продвижение городов как привлекательных мест для посещения). Остальные публикации распределились между темами: **управление** (разработка эффективных стратегий брендинга и маркетинга территорий, а также оценка результатов данной деятельности), **культура и идентичность** (формирование уникального образа города на основе его исторического и культурного наследия), **социологические тренды** (изучение восприятия бренда города жителями и туристами) и **коммуникации** (использование различных каналов для продвижения бренда города). Среди практических примеров обсуждаются особенности формирования брендов вышеперечисленных городов и ярких примеров из российской практики, например города Сочи как места проведения

Олимпиады, инновационных инструментов продвижения бренда Москвы, исследование исторической идентичности Ярославля, рекомендации по разработке брендинговой и коммуникационной стратегии Екатеринбурга, а также такие проекты, как «Тула: оружейная столица России» и др.

Для анализа динамики создания новых городских брендов в России обратимся к отчету «Коллекция брендов регионов России» (редакции от 08.08.2024) выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ R&C) и института развития креативных индустрий НИУ ВШЭ³⁰. Каждый год в течение 10 последних лет список брендов городов РФ становится все больше, что видно на соответствующем графике с нарастающим итогом (рис. 2).

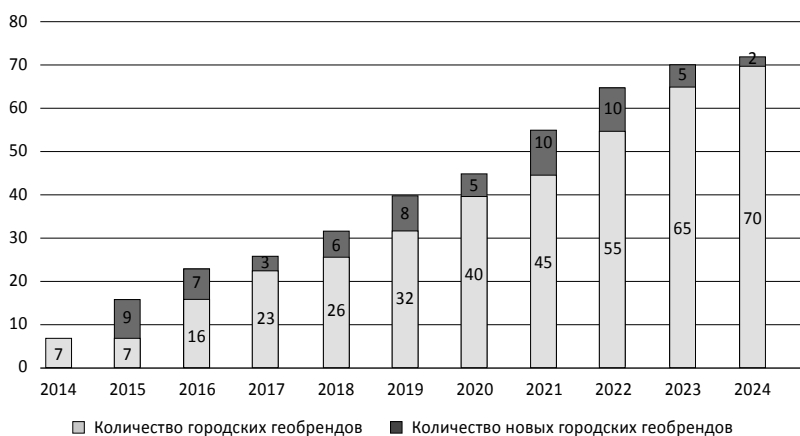

Рис. 2. Динамика появления новых городских брендов в России за период 2014–2024 гг.³¹

Оценивая график можно заметить ежегодное увеличение общего количества городских брендов в России, что отражается в увеличении накопленного итога графика с каждым годом, однако наблюдается периодические колебания в количестве новых презентованных брендов. Как и на рис. 1, на графике наблюдается снижение появления новых городских геобрендов в 2020 г. и по-

³⁰ Коллекция брендов регионов России / редакция от 08.08.2024; Выставочный научно-исследовательский центр (ВНИЦ R&C), Институт развития креативных индустрий НИУ ВШЭ. М., 2024. 338 с.

³¹ Разработано автором на основе отчета «Коллекция брендов регионов России» (редакции от 08.08.2024) выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ R&C) и института развития креативных индустрий НИУ ВШЭ.

сле 2022 г. Помимо вышеупомянутых причин обоих спадов, важно отметить, что в данные годы наблюдается переориентация региональной и муниципальной бюджетной политики в соответствии с новыми государственными приоритетами: в 2020 г. — на сферу здравоохранения, начиная с 2022 г. — на нужды специальной военной операции. Рассматривая спад 2017 г., можно сделать вывод о том, что, согласно отчету «Коллекция брендов городов регионов России», интерес к территориальному брендингу сохранялся, однако проявлялся в большей степени на региональном, а не на городском уровне: за этот год появилось 7 региональных брендов, что в 2 раза больше, чем годом ранее. Большая часть созданных геобрендов имеет собственную визуальную концепцию, слоган, которые размещаются на официальных интернет-порталах территорий. Созданные городские бренды внедряются и продвигаются через коммуникации с местным населением и внешними целевыми аудиториями.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Использование территориального брендинга в качестве инструмента территориального маркетинга приобретает все более широкое распространение как среди российских городских образований, так и в рамках академических исследований, посвященных вопросам формирования и развития бренда территорий. Особое внимание уделяется городскому уровню территориального брендинга ввиду социально-экономических особенностей городских территорий, повышения численности городского населения, а также увеличения количества городских геобрендов в России.

Проведенное исследование подтвердило устойчивый интерес научного сообщества к тематике городского брендинга, что отражается в положительной динамике публикационной активности российских авторов за последние 10 лет. Анализ научных публикаций за период 2014–2024 гг. выявил несколько значимых трендов, включая рост числа научных работ до 2019 года, последующий спад в 2020 г., связанный с пандемией COVID-19, и снижение публикационной активности после 2022 г., который возможен ввиду изменившейся геополитической обстановки.

Данные о создании новых городских геобрендов в России демонстрируют аналогичную динамику. Снижение числа новых брендов в 2020 г. и после 2022 г. может быть связано с изменением приоритетов государственной и муниципальной политики, пере-

ориентацией бюджетных расходов. Вместе с тем активное развитие *внутреннего* туризма в РФ после пандемии коронавируса дает основание прогнозировать новый подъем интереса к инструментам территориального брендинга в нашей стране.

Научная ценность данной работы заключается в систематизации научных публикаций по городскому брендингу в России, выявлении ключевых тенденций, направлений и динамики исследовательского интереса к данной тематике, что позволяет сформировать целостное представление о состоянии научного дискурса в данной области. Также выводы исследования раскрывают закономерности упоминаемости российских административных столиц в научных работах в контексте городского брендинга. Особым результатом исследования явилось выявление ключевых компонентов, характеризующих публикации, посвященные десяти наиболее упоминаемым административным центрам России. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности органов местного самоуправления, представителей бизнес-сообщества, туристической индустрии, а также научного сообщества, занимающегося изучением брендинга российских городов. Для дальнейших исследований в области территориального брендинга предлагается разработать методики оценки эффективности территориального брендинга и анализа его влияния на развитие городов в долгосрочной перспективе. Полученные результаты создают основу для последующих научных изысканий и прикладных разработок в области территориального маркетинга и управления городскими брендами.

Литература

Атаева Т.А. Создание территориального бренда как основа поддержания имиджа региона в целом // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 45–47.

Василенко И.А. Имидж России: концепция национального брендинга // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4 (24). С. 66–78.

Визгалов Д.В. Маркетинг города: практическое пособие. М.: фонд «Ин-т экономики города». 2008.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Луис. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН. 2005. С. 89–113.

Дубейковский В.А. Вовлечение жителей в разработку бренда города: классификация механизмов и методы оценки // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 153–178.

Кусраева О.А. Национальный брендинг: возможности для бизнеса в России // Российский журнал менеджмента. 2021. Т. 19. № 4. С. 614–631. DOI: 10.21638/spbu18.2021.411

Логунцова И.В. Особенности территориального брендинга в российских условиях. Издательский дом КДУ Москва, 2013. 112 с.

Логунцова И.В., Зайцева А.С. Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 164–176.

Макаров П.Ю., Соколова М.В., Илларионов А.Е. Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 66–88. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88

Малькова И.В. Методы оценки эффективности геобрендинга // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы. 2018. С. 545–552.

Рожков К.Л. Маркетинговый подход к изучению мегаполиса: необходимость, принципы и перспективы // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 3. С. 74–109.

Семёнов Е.А., Святоха Н.Ю., Филимонова И.Ю. Географический анализ территориальных брендов России // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2023. Т. 9. № 2. С. 184–199.

Соколов А.А., Руднева О.С. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по уровню комфортности проживания // Народонаселение. 2017. № 3 (77). С. 130–143.

Хамидова О.М., Бугаёва И.А. Имидж города // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2009. Т. 22. № 2. С. 357–365.

Шалыгина Н.П., Селюков М.В., Курач Е.В. О роли брендинга в формировании туристской привлекательности региона // Фундаментальные исследования. 2013. № 8–5. С. 1165–1168.

Anholt S. (2007) Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan. 147 p.

Dinnie K. (2011) City Branding. Theory and Cases. New York: Palgrave Macmillan. 239 p.

Glaeser E.L. (2012). Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. Penguin Press. 352 p.

Klusakova L. (2017) Identifications of small peripheral towns at the turn of the 21st century: cultural heritage, use of historical examples, and revitalization strategies in comparative perspective // НП/НР. 2017. № 3. С. 65–80.

Scott A.J. (ed.). (2001) Global city-regions: trends, theory, policy. OUP Oxford. 484 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Александра Сергеевна — аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: alexandrazaytseva01@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Zaytseva A. — postgraduate student of the Department of Regional and Municipal Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: alexandrazaytseva01@gmail.com

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-148-165

НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Л.С. Леонтьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

lldom@mail.ru

Чжао Нин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

ninchao2020@mail.ru

Аннотация. Устойчивое развитие региона в условиях турбулентности требует разработки адаптивных механизмов и соответствующих инструментов его обеспечения. Перспективы реализации в России принципов устойчивого развития нельзя рассматривать отдельно от осуществляемых в государстве рыночных реформ. Переход к устойчивому развитию как страны в целом, так и отдельных ее регионов должен происходить в тесной взаимосвязи с радикальной структурной и технико-технологической перестройкой общественного производства на основе ускорения темпов НТП, в частности, в направлении всесторонней экологизации не только базовых отраслей экономики, но и всех сфер человеческой деятельности. Актуальность модернизации региональных социо-экономико-экологических систем обусловлена формированием в регионах особых условий экономического роста с учетом процессов интеграции экономики и доминированием теоретических основ концепции устойчивого развития в большинстве стран и регионов мира, и Россия

не является исключением. Методологической основой данной работы является комплексное использование совокупности общенаучных и специальных методов исследования. В частности, системный подход позволил выработать теоретическую модель развития регионов и границы регулирующего влияния государства на него. Исследование проблемы государственного регулирования развития регионов стало возможным благодаря использованию ряда других научных методов, среди которых широко используется ретроспективный метод, в рамках которого предмет исследования анализируется в его последовательном развитии, в контексте конкретной исторической ситуации и факторов, влияющих на него на каждом этапе. Обозначенная тенденция позволила выявить взаимосвязь прошлого, настоящего и будущее: механизмы и инструменты государственного влияния на регионы, которые использовались в прошлом, не утратили своей актуальности и могут применяться в современных условиях. Получило дальнейшее развитие исследование реализации политики устойчивого развития в регионах Российской Федерации в условиях турбулентности, а также определены направления трансформации экономических отношений на фоне процессов регионализации в социально-политической сфере, экономике и институциональной среде регионального пространства, что предопределяет появление определенных эффектов, важных с позиции обеспечения устойчивого развития регионов государства. В результате проведенного анализа предложены пути совершенствования организационно-экономических факторов управления устойчивым развитием регионов в условиях турбулентности за счет повышения адаптивности регионального потенциала на основе инновационных технологий, оптимизации и обеспечения гибкости экономических и организационно-административных рычагов влияния на инвестиционно-инновационные процессы, их диверсификации посредством внедрения «мягких» адаптивных инструментов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, турбулентность, политика стабильности, регионы, государственное регулирование, трансформация.

Для цитирования: Леонтьева Л.С., Чжао Н. Направления реализации политики устойчивого развития в регионах Российской Федерации в условиях турбулентности // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 148–165.

Дата поступления в редакцию: 27.03.2025

DIRECTIONS OF IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT POLICY IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CONDITIONS OF TURBULENCE

Leontieva L.S.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
lldom@mail.ru

Djao Nin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
ninchzao2020@mail.ru

Abstract. The sustainable development of the region in conditions of turbulence requires the development of adaptive mechanisms and appropriate tools to ensure it. The prospects for the implementation of the principles of sustainable development in Russia cannot be considered separately from the ongoing market reforms in the state. The transition to sustainable development of both the country as a whole and its individual regions should occur in close connection with a radical structural and technical and technological restructuring of social production based on accelerating the pace of scientific and technological progress, in particular, towards comprehensive greening not only of the basic sectors of the economy, but also of all spheres of human activity. The urgency of modernizing regional socio-economic and ecological systems is due to the formation of special conditions for economic growth in the regions, taking into account the processes of economic integration and the dominance of the theoretical foundations of the concept of sustainable development in most countries and regions of the world, and Russia is no exception. The methodological basis of this work is the integrated use of a set of general scientific and special research methods. In particular, a systematic approach has made it possible to develop a theoretical model of regional development and the boundaries of the state's regulatory influence on it. The study of the problem of state regulation of regional development has become possible through the use of a number of other scientific methods, among which the retrospective method is widely used, in which the subject of research is analyzed in its sequential development, in the context of a specific historical situation and the factors influencing it at each stage. This trend has made it possible to identify the relationship between the past, present and future: the mechanisms and tools of state influence on regions that were used in the past have not lost their relevance and can be applied in modern conditions. The study of the implementation of sustainable development policy in the regions of the Russian Federation under conditions of turbulence has been further developed, and the directions of transformation

© Leontieva L.S., Djao Nin, 2025

of economic relations against the background of regionalization processes in the socio-political sphere, economy and institutional environment of the regional space have been identified, which determines the appearance of certain effects that are important from the perspective of ensuring the sustainable development of the regions of the state. As a result of the analysis, ways are proposed to improve the organizational and economic factors of managing the sustainable development of regions in conditions of turbulence by: increasing the adaptability of regional potential based on innovative technologies, optimizing and ensuring flexibility of economic, organizational and administrative levers of influence on investment and innovation processes, and diversifying them through the introduction of “soft” adaptive ones.

Key words: sustainable development, turbulence, stability policy, regions, government regulation, transformation

For citation: *Leontieva L.S., Djao N. Directions of implementation of the sustainable development policy in the regions of the Russian Federation in conditions of turbulence // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 148–165.*

Received: 27.03.2025

Введение

Проблемы устойчивого регионального развития приобрели особую актуальность в сложный и нестабильный период трансформации социально-экономических, политических и морально-духовных отношений отечественной экономики, обуславливая необходимость исследования природы социального и экономического устройства региональных хозяйственных систем. Соответственно, одним из важнейших направлений исследований проблем развития регионов и прогнозирования их социально-экономического развития является построение модели устойчивого регионального развития.

Экономика Российской Федерации последние пять лет претерпевает нестабильный период и находится в условиях турбулентности. В данном случае вопросы устойчивого развития региона требуют разработки адаптивных механизмов и соответствующих инструментов его обеспечения. Перспективы реализации в России принципов устойчивого развития нецелесообразно рассматривать отдельно от осуществляемых в государстве рыночных реформ. Переход к устойчивому развитию как страны в целом, так и отдельных ее регионов должен происходить в тесной взаимосвязи с радикальной структурной и технико-технологической перестройкой общественного производства на основе ускорения темпов на-

учно-технического прогресса (НТП), в частности, в направлении всесторонней экологизации не только базовых отраслей экономики, но и всех сфер человеческой деятельности. В данном случае основными инструментами воплощения концепции устойчивого развития должны быть:

- регуляторная база (стратегические документы, законы, нормативные требования, директивы);
- экономические инструменты (налоги, сборы, субсидии);
- добровольные меры (информирование о содержании, возможностях и преимуществах устойчивого развития, консультации и поддержка основных стейкхолдеров).

Основной целью механизмов управления устойчивым развитием региона является повышение конкурентоспособности региональной экономики и качества жизни населения, гарантируя при этом сохранность экологического баланса. Учитывая, что экономика региона является сложным, системным образованием, обеспечение ее перехода на модель устойчивого развития требует пересмотра традиционных механизмов управления с учетом целей, имеющегося потенциала и перспективных потребностей для заполнения соответствующих «стратегических пробелов».

Анализ научных источников¹ позволил констатировать тот факт, что концепция устойчивого развития регионов пока недостаточно развита и обоснована. В региональной экономике не разработаны устойчивые и результативные программы развития, а реализуются программы, не адаптированные к реальному состоянию экономических систем регионов. Данное обстоятельство приводит к необходимости поиска эффективных путей экономических решений для разработки стратегии развития экономических систем разного уровня, в частности, региональных, способных обеспечить стабильное поступательное развитие социально-экономической системы с учетом реальных ресурсов, с минимальными затратами и риском на основе определенных моделей устойчивого социально-экономического развития.

¹ См. Ахмадеев Д.Р. Российская экономика в контексте перехода к устойчивому развитию: возможности и риски // Теоретическая экономика. 2021. № 78(6). С. 38–51; Алферова Т.В. Моделирование как основа исследования устойчивого развития региона // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 220–235; Бородин С.Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода // Экономика региона. 2023. 19(1). С. 45–59; Коршунов И.В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. 19(1). С. 15–28; Харитонов А.С. Новая парадигма устойчивого развития. М.: ИАЦ Энергия, 2022. 646 с.

Особую роль в проведении эффективной политики устойчивого развития играет государство. По нашему мнению, под государственным регулированием развития территорий следует понимать целенаправленное систематическое влияние со стороны государства, направленное на поддержание социально ориентированного, устойчивого и сбалансированного развития регионов с целью обеспечения максимально высоких и равных социальных стандартов жизни населения, независимо от места жительства, который заключается в создании необходимой нормативно-правовой базы, институционального, информационного и кадрового обеспечения с использованием программно-целевых методов и соответствующего финансово-экономического инструментария.

Как справедливо замечает С. Черных, основной критерий разграничения регулирования и управления различных средств государственного влияния заключается, прежде всего, в видах, направленности и объеме полномочий компетентных государственных органов относительно объекта влияния².

Государственное регулирование осуществляется, в первую очередь, через такие функции государственных органов, как организация, прогнозирование, программное управление, финансирование, информационное и кадровое обеспечение и т.п. В то же время, каждый регион как часть территории государства был и продолжает оставаться объектом государственного управления, и в этом контексте оправданными являются термин «управление функционированием региона», несмотря на то, что чаще всего в литературе употребляются упрощенные конструкции «управление регионом» и «региональное управление». В условиях административно-командной системы термин «региональное управление» означал часть общегосударственного управления, ориентированного на рациональное соотношение территориальных и отраслевых аспектов, которое достигается в процессе взаимодействия соответствующих органов управления путем их целенаправленного воздействия на всю общественную жизнь подведомственной территории. При этом даже тогда выделялась регулирующая функция регионального управления. Однако такой подход был не единственным, некоторые ученые вообще не считали регион самостоятельным уровнем

² Черных С. О соотношении процессов государственного управления и регулирования: теория и российская практика // Общество и экономика. 2024. № 5. С. 15–26.

управления и потому отрицали целесообразность термина «региональное управление».

В свою очередь, современное стратегическое управление как составляющая государственного управления регионом максимально приближается к регулированию регионального развития. Сущность стратегического управления, по мнению специалистов, заключается в том, что в организации, с одной стороны, есть четко организованное комплексное стратегическое планирование, а с другой стороны — структура управления данной организацией, адекватная стратегическому планированию и построенная таким образом, чтобы обеспечить разработку долгосрочной стратегии для достижения целей органа и создание управленческих механизмов реализации этой стратегии через систему планов.

По мнению отечественных специалистов³, с помощью стратегического планирования органы государственного управления прогнозируют и планируют свою деятельность на будущее, определяют цель, стоящую перед организацией и необходимые для ее достижения ресурсы. Однако, как справедливо замечает отечественный регионалист С. Суспицын, пока что в деятельности органов управления регионом 99% времени занимают функции оперативного, а не стратегического управления⁴.

Изложенное выше дает основания сделать вывод, что для понимания взаимоотношений и взаимодополняемости развития регионов и управления их функционированием (как части государственного управления) в условиях турбулентности, важным является методологическое положение о необходимости реализации политики устойчивого развития в соотношении с методами и средствами государственного регулирования.

Целью статьи является исследование методологического аспекта моделирования политики устойчивого регионального развития в контексте трансформационных сдвигов экономики Российской Федерации.

³ Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64; Молчанова Л.А., Бендерук Т.Г., Малых М.С. К вопросу концепции «зеленой» экономики как модели устойчивого развития государства // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 1. С. 8–12; Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 155–164.

⁴ Суспицын С.А. Концепция и методология измерения устойчивых пространственных трансформаций экономики России // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 15–27.

Механизм реализации устойчивого развития регионов

Структура и функции управления функционированием региона должны учитывать цели социально ориентированного, устойчивого, сбалансированного регионального развития, содействовать их достижению и подчиняться им. Как показывает опыт экономически развитых стран с устоявшимися демократическими традициями, эффективность системы государственного регулирования развития регионов тесно связана с действенностью системы государственного и регионального управления, четкого распределения полномочий и ответственности между общегосударственными и региональными органами власти и управления⁵.

Это объясняется, в частности, и неделимостью объекта государственного влияния — процесса функционирования и развития региона. В условиях постиндустриального общества уровень развития любого региона будет все меньше зависеть от географического расположения, наличия полезных ископаемых и промышленных предприятий, и все больше — от качества государственного регулирования его развития и управления его функционированием.

Государственное регулирование развития регионов в разных странах характеризуется значительными различиями, но исследователи предлагают все его варианты сводить к трем основным, которые могут интегрироваться в тех или иных соотношениях:

- государство поддерживает развитие передовых и не дотационных регионов, за счет которых существуют другие регионы;
- государство поддерживает примерно равные условия жизни во всех регионах;
- государство поддерживает только бедные регионы, а другие могут развиваться самостоятельно⁶.

Экономические механизмы устойчивого развития региона определяют совокупность элементов влияния на экономические интересы субъектов хозяйствования, которые стимулируют их действовать определенным образом. Организационные механизмы в целом формируют условные «правила игры» в регионе и за его пределами, направлены на оптимизацию социальных и экономических отношений и регулирование их поведения в направлении вклада каждого субъекта хозяйствования в достижение общих це-

⁵ Баранов Н.А. Турбулентность — характерный признак современной мировой политики // Обозреватель — Observer. 2018. № 2. С. 6–16.

⁶ Белов В.И. Оценка устойчивого развития регионов России // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 84–89.

лей устойчивого развития и инвестиционных рисков, снижения административных барьеров (рис. 1).

Рис. 1. Ориентировочная структура механизмов реализации модели устойчивого развития региона⁷

Учитывая приоритетность инновационного пути формирования модели регионального развития, система экономических механизмов воздействия должна содержать такие составляющие, которые в совокупности направлены на привлечение инвестиций в инновационную деятельность: система привлечения и поддержки инвесторов, система стимулирования инновационной активности, система поддержки инновационной инфраструктуры, система финансирования инновационной деятельности, система снижения.

Одним из экономических инструментов устойчивого развития регионов и сфере экономики является государственное финансирование. Источниками государственного финансирования проектов устойчивого развития являются государственный и региональные бюджеты, также частные финансы, мобилизованные через официальные потоки, средства международных доноров. Государственные финансы выполняют базовую распределительную

⁷ Составлено авторами на основе: Баранов Н.А. Турбулентность — характерный признак современной мировой политики // Обозреватель — Observer. 2018. № 2. С. 6–16.

и стабилизирующую функцию с целью поддержания и развития жизнеспособной экономики и общества⁸.

Для обеспечения базовых условий устойчивого развития процесс мобилизации и распределения финансовых ресурсов должен осуществляться в соответствии со следующими принципами:

- целевое использование средств в соответствии с предусмотренными планами на конкретные, четко определенные объекты и цели, которые способствуют обеспечению пропорциональности и сбалансированному развитию приоритетных сфер экономики и решению важнейших социальных и экологических проблем;
- безвозвратность финансирования, полученные финансовые ресурсы не возвращаются в бюджет при условии их целевого использования согласно планам;
- последовательность и соответствие выполнения планов означает выделение финансовых ресурсов при условии выполнения плановых или проектных задач, прозрачного и ответственного освоения ранее полученных сумм;
- экономичность финансирования;
- комплексный подход к решению проблем финансового обеспечения устойчивого развития, финансирование в первую очередь направлений, способствующих обеспечению экономической, социальной и продовольственной безопасности.

В том случае, когда государство не имеет возможности полноценно играть роль инвестора и инноватора из-за ограниченности бюджетных поступлений, роста острых социально-экономических проблем, потребностей в обслуживании государственного долга, оно в качестве прямого и косвенного регулятора должно обеспечивать условия, способствующие накоплению инвестиционного капитала и направление его в финансирование инновационно-ориентированных проектов путем предоставления дополнительных гарантий, стимулов и налоговых льгот.

Помимо государственного финансирования, в настоящее время существует ряд доступных программ, средства которых могут быть привлечены для развития основного направления устойчивого развития, а именно концепции устойчивого развития сельских территорий, концепция устойчивого туризма, концепция «Зеленая экономика» в России.

⁸ Алферова Т.В. Моделирование как основа исследования устойчивого развития региона // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 220–235.

Одним из способов привлечения инвестиций в развитие региона на началах устойчивой экономической, социальной и экологической политики развития территорий является определение сфер, в которых может возникнуть необходимость в дополнительном импорте товаров или услуг из России, и сконцентрированность на формировании и реализации соответствующих проектов по соблюдению требований, норм и принципов курса устойчивости.

Например, развитие низкоуглеродных технологий — одно из наиболее перспективных направлений сотрудничества стран БРИКС, так как все они имеют потенциал технологического лидерства в сфере тех или иных зеленых решений.

Формирование стратегии устойчивого развития

В связи с председательством в 2024 г. у России появились уникальные возможности продвижения собственной повестки в рамках БРИКС, в том числе существенного расширения взаимодействия по климатическому треку. В статье обосновываются следующие приоритеты и направления такого взаимодействия:

- принятие общих принципов по борьбе с изменением климата;
- налаживание информационно-экспертного партнерства в области климата;
- использование и продвижение подсчета выбросов по потреблению;
- создание общей инфраструктуры зеленого развития, направленной на упрощение трансграничного сотрудничества, в том числе в виде передачи результатов сокращений и климатического финансирования.

Привлечение инвестиций, грантов и других форм финансирования проектов устойчивого развития для отечественного бизнеса требует консолидации усилий правительства и местных органов власти для создания благоприятного инвестиционного климата и гармонизации нормативно-правовой базы с их аналогами в странах БРИКС.

Важным фактором реализации трансформационных процессов являются изменения моделей управления на уровне представителей бизнеса, формирование новых компетенций и знаний по ведению бизнеса в условиях новых экономических, формирование внутренних мотиваций для перемен. Кроме того, проявляется задача по адаптации образовательных программ и подготовки специалистов по бизнесу и публичного управления с усилением таких направлений, как экологический менеджмент, управление проек-

тами и изменениями, цифровой менеджмент и работа с данными, антикризисное управление, управление бизнес-процессами⁹.

Реализация модели устойчивого развития регионов должна базироваться на утвержденной Стратегии устойчивого пространственного развития, которая нужна России для обеспечения имплементации принципов концепции устойчивого развития в стратегические государственные документы с планированием пространственного

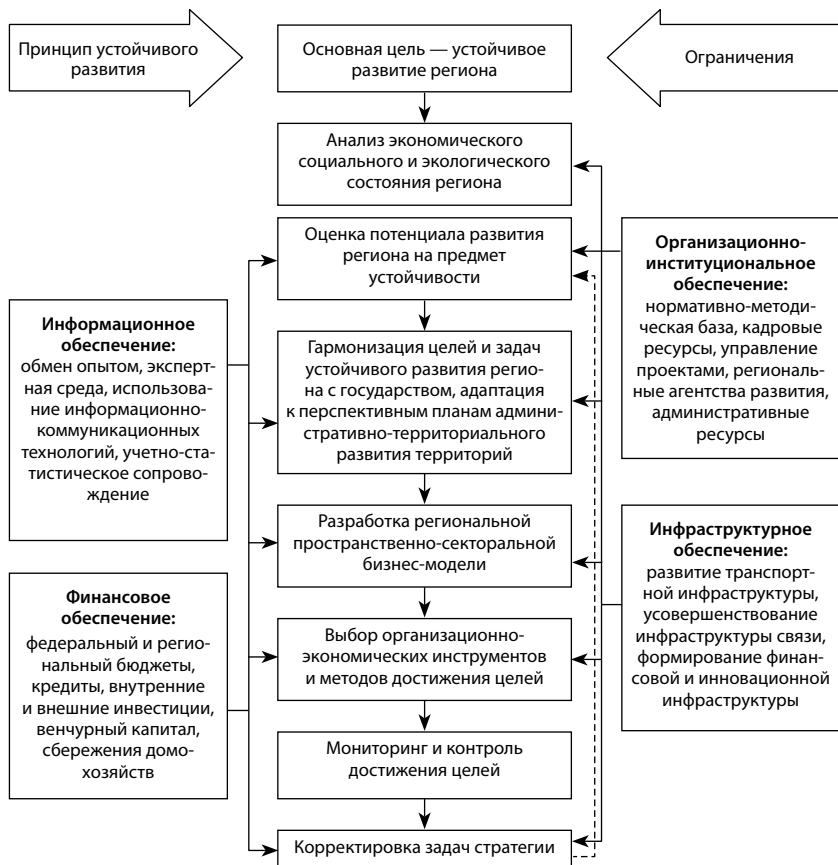

Рис. 2. Процесс формирования стратегии устойчивого развития региона¹⁰

⁹ Гусаков М.А. Управление сбалансированным развитием региона на основе методов индикативно-регулятивного планирования // Экономические науки. 2021. № 12(73). С. 47–54.

¹⁰ Разработано авторами.

развития, предупреждение новых рисков устойчивому развитию регионов России¹¹.

Стратегия устойчивого развития региона рассматривается основным инструментом реализации модели инновационного эколого-ориентированного развития территорий путем определения имеющихся возможностей, ограничений и задач, которые требуется выполнить для запуска процессов восстановления и развития территорий на принципиально новых условиях. Процесс стратегирования устойчивого развития региона и муниципалитетов показан на рис. 2.

Первым этапом формирования стратегии устойчивого развития является анализ текущего состояния как отправной точки следования к стратегической цели, выраженной в критериях устойчивого развития. В результате такой оценки получим условные «пробелы», т.е. разрывы между имеющимся состоянием исследуемых признаков и их потенциальным желаемым состоянием, выраженным в целях.

На следующем этапе предлагается осуществить оценку инновационного потенциала региона, т.е. способности субъектов региональной среды создавать, внедрять и принимать необходимые инновации. Основными показателями инновационного потенциала является развитая сеть научно-исследовательских учреждений, учебных заведений и различных организационных форм (венчурных фирм, стартап-центров, ИТ-кластеров), специализирующихся на развитии и внедрении инновационных и ИТ-технологий. Создание условий для развития инновационной инфраструктуры является базовой платформой для перехода региона на инновационную модель функционирования и обеспечения адаптивности в условиях современных реалий.

Следующим этапом является формирование стратегических планов структурно-пространственного развития региона, продуцируя с имеющимся природно-ресурсным потенциалом и способствуя формированию и развитию ключевых конкурентных преимуществ в наиболее оптимальном развитии инфраструктуры.

Определяющим в обеспечении устойчивого развития является его инновационное направление, основанное на активном использовании знаний и научных достижений, стимулировании инновационной деятельности, создании благоприятного инвестиционного

¹¹ Суспицын С.А. Модернизация экономики // Пространственная экономика. 2010. № 3. С. 626.

климата, обновлении производственных средств, формировании высокотехнологичных видов деятельности и отраслей экономики, повышении энерго-эффективности производства, стимулировании сбалансированного экономического роста.

Важным условием реализации модели устойчивого развития в условиях турбулентности является поддержка малого бизнеса как наиболее мобильной и адаптивной составляющей экономических систем.

Необходимо отметить, что определенные программы по поддержке инвестиционных и инновационных инициатив малого бизнеса в отдельных регионах успешно реализуются.

Реализация модели устойчивого развития предполагает также «мягкие» (или направляющие) инструменты, основными задачами которых являются формирование и реализация Концепции устойчивого развития как ценностно-ориентированного мировоззрения общества и базовых ориентиров при принятии управленческих решений. К таким инструментам можно отнести социальный маркетинг, внедрение концепции управления на основе ценностей и знаний, социальную ответственность бизнеса, инновационные возможности бизнеса, развитие ключевых компетенций, сетевых связей, гибких бизнес-процессов, информационных технологий. Обозначенные инструменты являются адаптивными и могут эффективно действовать в условиях турбулентности¹².

В свою очередь, целенаправленное и сбалансированное развитие региона невозможно без формирования базовых инструментов воздействия на процессы инновационной трансформации, призванных обеспечить переход экономики к новому технологическому укладу¹³. К ним относятся традиционные инструменты организационно-административного и экономического влияния, которые в совокупности будут способствовать переходу экономики региона на модель устойчивого развития, а именно: программно-целевые, финансовые, нормативные, организационные и т.д.

Современные условия развития социально-экономических систем характеризуются существенными признаками неопределенности, не прогнозируемости и, в значительной степени, турбу-

¹² Кормановская И.Р. Обеспечение устойчивого развития региона: принципы, концепция, механизм // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 260–266.

¹³ Чилиев Б.М. Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 2. С. 717–728.

лентности, проявляющейся на всех уровнях — от глобального к региональному. Триггером повышения турбулентности в экономике России выступили санкционные ограничения, следствием которых послужили существенные изменения в установленном глобальном порядке, проявляющиеся в переориентации рынков и сопровождающихся экономическими и политическими кризисами, потерей эффективности и перестройкой логистических маршрутов, структурной перестройкой международных отношений.

Социально-экономическое развитие России имеет турбулентный характер. Однако в настоящее время не разработано унифицированных механизмов управления социально-экономическими и экологическими системами в условиях турбулентности.

В условиях турбулентности и постоянных изменений, в отличие от относительно стабильных условий, традиционные инструменты должны формироваться с учетом различных вариантов их применения в разных обстоятельствах. Например, механизмы должны включать набор сценариев поведения региональной системы в различных условиях развития ключевых факторов, а также критериев перехода к тому или иному сценарию.

Заключение

Доминантной моделью управления на условиях турбулентности становится ситуационный антикризисный менеджмент, основными функциями которого являются обеспечение экономической, экологической, социальной и техногенной безопасности региона, что в свою очередь требует изменений в структуре управления на всех уровнях путем создания антикризисных центров, протоколов принятия реализации решений, делегирования полномочий, качественного информационного обеспечения, установление устойчивых коммуникаций с гражданским обществом. Предлагаемые координационные центры разработки решений, в состав которых будут привлекаться специалисты из критических сфер хозяйства региона также могут быть наделены полномочиями для разработки проектов реинжиниринга модели устойчивого развития и восстановления региона.

Для обеспечения адаптивности модели устойчивого развития в условиях глобальной турбулентности предложены следующие меры:

- создание эффективных систем сбора, обработки и анализа информации в режиме реального времени, в частности с применением технологий Big DATA;

- интегрирование ключевых составляющих безопасности (экономической, социальной, экологической) в едином информационном центре;
- разработка критериев опережающей оценки рисков и превентивных мер для их устранения;
- моделирование ситуаций и разработка реалистичных, оптимистичных или пессимистических планов устойчивого развития, у которых при возможности будет обеспечиваться баланс по достижению Целей устойчивого развития;
- стимулирование развития малого бизнеса как одного из наиболее адаптивных и мобильных участников рынка;
- развитие человеческого потенциала региона и гражданского общества, способное решать сложные задачи в случае наступления не прогнозируемых событий;
- комплексный переход хозяйства региона на инновационные технологии, в частности в сфере энергетики;
- оптимизация логистических сетей, развитие различных видов транспортного обеспечения;
- диверсификация систем энергообеспечения с ориентацией на увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе региона.

Важным условием инвестиционного обеспечения процессов устойчивого развития, особенно в условиях неопределенности и высокой рискованности, являются механизмы снижения инвестиционных рисков. Именно в турбулентных условиях государство как институт должно выполнять функции стабилизатора всех процессов, действуя на основе четкой и стабильной законодательной и судебной системы.

К таким механизмам целесообразно отнести государственное гарантирование инвестиционных обязательств, государственно-частное партнерство, позволяющее распределить риски между государственным и частным бизнесом в сфере реализации социально ориентированных или эколого-ориентированных проектов, создание страховых фондов под государственным контролем.

Для обеспечения эффективности трансформационных преобразований и соблюдения при этом доминантности интересов государства и региона, а также приоритетности обеспечения устойчивого развития и безопасности важно подкрепить приоритеты устойчивого регионального развития соответствующими рычагами управления, которые будут осуществлять стимулирующее, координирующее, запретное и защитное воздействие.

Литература

Алфёрова Т.В. Моделирование как основа исследования устойчивого развития региона // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 220–235.

Ахмадеев Д.Р. Российская экономика в контексте перехода к устойчивому развитию: возможности и риски // Теоретическая экономика. 2021. № 78(6). С. 38–51.

Баранов Н.А. Турбулентность — характерный признак современной мировой политики // Обозреватель — Observer. 2018. № 2. С. 6–16.

Белов В.И. Оценка устойчивого развития регионов России // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 84–89.

Бородин С.Н. Модель оценки устойчивого развития региона на основе индексного метода // Экономика региона. 2023. № 19(1). С. 45–59.

Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 43–64.

Гусаков М.А. Управление сбалансированным развитием региона на основе методов индикативно-регулятивного планирования // Экономические науки. 2021. № 12(73). С. 47–54.

Кормановская И.Р. Обеспечение устойчивого развития региона: принципы, концепция, механизм // Проблемы современной экономики. 2013. № 4(48). С. 260–266.

Коршунов И.В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. 19(1). С. 15–28.

Молчанова Л.А., Бендерук Т.Г., Малых М.С. К вопросу концепции «зеленой» экономики как модели устойчивого развития государства // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2023. № 1. С. 8–12.

Суспицын С.А. Модернизация экономики // Пространственная экономика. 2010. № 3. С. 6–26.

Суспицын С.А. Концепция и методология измерения устойчивых пространственных трансформаций экономики России // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 15–27.

Харитонов А.С. Новая парадигма устойчивого развития. М.: ИАЦ Энергия, 2022. 646 с.

Черных С. О соотношении процессов государственного управления и регулирования: теория и российская практика // Общество и экономика. 2024. № 5. С. 15–26.

Чилиев Б.М. Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6. № 2. С. 717–728.

Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2021. № 6. С. 155–164.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Леонтьева Лидия Сергеевна — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва; *e-mail*: lldom@mail.ru

Чжао Нин — аспирант, Московский государственный университет Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва; *e-mail*: ninchzao2020@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Leontieva L. — DSc (Economics), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: lldom@mail.ru

Djao Nin — Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: ninchzao2020@mail.ru

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-166-183

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Д.А. Николаев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

DNikolaev@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ключевой роли комплексного развития территорий (КРТ) в обеспечении региональной экономической безопасности. Актуальность обусловлена необходимостью переосмысления традиционных подходов к развитию территорий в условиях современных вызовов. Методология исследования основана на системном, институциональном и пространственном подходах, с использованием общенаучных и специализированных методов. Основное внимание уделено анализу взаимосвязи социальных и экологических аспектов КРТ, их влиянию на устойчивость региональных экономических систем. Выявлены новые возможности, связанные с цифровизацией, «зеленой» экономикой и развитием человеческого капитала. Рассмотрены механизмы реализации КРТ, включая финансовые инструменты и институциональные условия. Сделан вывод о критической роли государства в обеспечении экономической безопасности через КРТ и необходимости интеграции усилий бизнеса и общества.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, региональная экономическая безопасность, устойчивое развитие, институциональные условия, государственно-частное партнерство, «зеленая» экономика, человеческий капитал.

Для цитирования: Николаев Д.А. Комплексное развитие территорий как инструмент обеспечения региональной экономической безопасности: новые возможности и механизмы реализации // Вестник

Дата поступления в редакцию: 05.05.2025

INTEGRATED TERRITORIAL DEVELOPMENT AS A TOOL FOR ENSURING REGIONAL ECONOMIC SECURITY: NEW OPPORTUNITIES AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Nikolaev D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

DNikolaev@fa.ru

Abstract. This paper investigates the pivotal role of integrated territorial development (ITD) in ensuring regional economic security. The study's relevance stems from the need to reassess traditional approaches to territorial development in the face of contemporary challenges. The methodology is based on a systems-based, institutional, and spatial approach, employing both general scientific and specialized methods. The primary focus is on analyzing the interrelationship between the social and environmental aspects of ITD and their impact on the sustainability of regional economic systems. The research identifies new opportunities associated with digitalization, the “green” economy, and human capital development. Implementation mechanisms for ITD are examined, including financial instruments and institutional frameworks. The conclusion emphasizes the critical role of the state in ensuring economic security through ITD and the necessity of integrating the efforts of business and society.

Key words: Integrated Territorial Development, Regional Economic Security, Sustainable Development, Institutional Framework, Public-Private Partnership, Digitalization, Green Economy, Human Capital.

For citation: Nikolaev D.A. Integrated Territorial Development as a Tool for Ensuring Regional Economic Security: New Opportunities and Implementation Mechanisms // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 166–183.

Received: 05.05.2025

Введение

В условиях современной геополитической нестабильности и динамичных экономических трансформаций обеспечение регио-

нальной экономической безопасности приобретает первостепенное значение в государственной политике. Комплексное развитие территорий (КРТ) позиционируется как стратегический подход к пространственному планированию, обеспечивающий устойчивость региональной экономической системы в условиях эндогенных и экзогенных угроз.

Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления традиционных подходов к развитию территорий в условиях новых экономических реалий. Региональная дифференциация, структурные диспропорции, инфраструктурные ограничения и социально-экономическая нестабильность создают комплекс проблем, требующих системного решения. По данным Росстата, разрыв в уровне валового регионального продукта на душу населения между наиболее и наименее развитыми регионами России достигает 16–17 раз¹, что свидетельствует о существенных территориальных диспропорциях и потенциальных угрозах экономической безопасности.

Новизна исследования заключается в рассмотрении КРТ не только как инструмента пространственного планирования, но и как механизма обеспечения экономической безопасности на региональном уровне. В отличие от предыдущих исследований, фокусирующихся преимущественно на отдельных аспектах территориального развития, данная работа предлагает интегрированный подход, учитывающий взаимосвязь экономических, социальных, экологических и институциональных факторов в контексте обеспечения региональной экономической безопасности.

Целью исследования является разработка теоретических положений и практических рекомендаций по использованию КРТ как инструмента обеспечения региональной экономической безопасности в условиях современных вызовов.

Определение концепции комплексного развития территорий

КРТ представляет собой многоаспектную концепцию, объединяющую различные подходы к пространственному планированию и управлению социально-экономическим развитием.

С нормативно-правовой точки зрения КРТ определяется как «совокупность мероприятий, направленных на создание благоприятных условий проживания граждан, обновление среды жизнедеятельности».

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 32–35.

тельности и территорий общего пользования поселений, городских округов»².

В научной литературе представлено более широкое понимание КРТ, выходящее за рамки градостроительной деятельности. Так, Н.В. Зубаревич рассматривает КРТ как систему взаимосвязанных мер экономического, социального, институционального и пространственного характера, направленных на формирование устойчивой и сбалансированной территориальной социально-экономической системы³. Данный подход подчеркивает многомерность и системность КРТ, что соответствует современным представлениям о территориальном развитии.

В.Н. Лексин и А.Н. Швецов дополняют данное понимание, рассматривая КРТ как «управляемый процесс изменений в различных сферах жизни территории, направленный на достижение определенного уровня развития с учетом потребностей и интересов общества, что предполагает формирование и поддержание определенных социальных, экономических и экологических стандартов»⁴. В данном определении акцентируется внимание на управленческом аспекте КРТ и его целевой ориентации.

В контексте экономической безопасности В.А. Климанов и А.А. Михайлова определяют КРТ как стратегический инструмент формирования устойчивой территориальной экономической системы, способной обеспечивать защищенность от внутренних и внешних угроз, сохранять экономическую самостоятельность и реализовывать экономические интересы территории и ее населения⁵. Это определение подчеркивает функциональную роль КРТ в обеспечении экономической безопасности региона.

Можно выделить следующие ключевые принципы КРТ:

- принцип системности (территория — система взаимосвязанных элементов);
- принцип сбалансированности (согласованное развитие всех компонентов системы);

² Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.

³ Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.

⁴ Лексин В.Н., Шевцов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. Российский фонд правовых реформ, Фонд правовых проблем федерализма и местного самоуправления. 6-е изд, стер... М.: URSS, 2012. 366 с.

⁵ Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187.

- принцип устойчивости (долгосрочная жизнеспособность системы);
- принцип инклюзивности (вовлечение всех заинтересованных сторон);
- принцип эффективности (достижение максимальных результатов при оптимальном использовании ресурсов).

Системный подход позволяет рассматривать КРТ как сложную многоуровневую систему взаимосвязанных элементов и процессов и дает возможность анализировать как отдельные компоненты территориального развития, так и их взаимодействие в контексте обеспечения экономической безопасности региона, что соответствует современным представлениям о системности региональной экономики⁶.

Анализ существующих подходов к КРТ

В современной практике регионального управления сформировались различные подходы к КРТ, отражающие специфику социально-экономических условий и приоритетов государственной политики.

Одним из наиболее распространенных является программно-целевой подход, основанный на разработке и реализации целевых программ КРТ. В России он реализуется через систему государственных программ и национальных проектов, определяющих цели, задачи, ресурсы и механизмы территориального развития. В 2024 г. в стране осуществлялась реализация 50 таких государственных программ⁷. Преимуществом данного подхода является его системность и целевая ориентация, однако его эффективность ограничивается сложностью межпрограммной координации и неоднородностью условий реализации программ в различных регионах.

Пространственный подход, рассматривающий территорию не только как экономическое, но и как географическое, социальное и культурное пространство, анализирует КРТ с точки зрения его влияния на пространственную организацию региональной экономики, что позволяет оценить его роль в формировании устойчивых

⁶ Гранберг А.Г. Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. 2010. № 4(26). С. 55–57. EDN NAXLXJ.

⁷ Сводное резюме о ходе реализации и оценке эффективности государственных программ Российской Федерации за 2023 год // Министерство экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/64ab96bbf0d027487d5d447b2a4a07bf/svodnyy_godovoy_doklad_o_hode_realizacii_i_ocenke_effektivnosti_gos_programm_rf_za_2023_god.pdf (дата обращения 03.05.2025).

экономических систем и обеспечении экономической безопасности на уровне регионов⁸.

Другой значимый подход — кластерный — рассматривает территориальные кластеры как драйверы экономического развития и инноваций. Согласно исследованиям М. Портера, кластеры представляют собой «географические концентрации взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, сервисных провайдеров, фирм в сопутствующих отраслях и связанных с ними институтов в конкретных областях, которые конкурируют, но также сотрудничают»⁹. В России подход реализуется через создание и развитие особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития, промышленных и инновационных кластеров. По данным Российской кластерной обсерватории, в настоящее время в стране функционирует 115 кластеров различной специализации¹⁰. Кластерный подход обеспечивает формирование точек роста в региональной экономике, однако его влияние на общую экономическую безопасность региона может быть ограничено из-за неравномерности развития территорий и риска формирования «анклавной экономики».

В европейской практике широкое распространение получил подход «умной специализации» (smart specialization), основанный на определении и развитии уникальных конкурентных преимуществ территорий. Данный подход предполагает фокусирование ресурсов на развитии секторов региональной экономики, обладающих наибольшим потенциалом роста и инноваций, что позволяет формировать уникальные региональные профили специализации¹¹. В контексте обеспечения экономической безопасности подход «умной специализации» способствует повышению конкурентоспособности региональной экономики, однако может создавать риски монопрофильности и зависимости от узкоспециализированных секторов.

⁸ Кузнецова О.В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // Региональные исследования. 2023. № 1(79). С. 19–30.

⁹ Портер М. Конкуренция. Обновленное и расширенное изд. М.: Вильямс, 2010. 591 с.

¹⁰ Российская кластерная обсерватория. URL: <https://cluster.hse.ru/> (дата обращения 03.05.2025).

¹¹ European Commission. Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialization (RIS3). 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.local2030.org/library/145/Guide-to-Research-and-Innovation-Strategies-for-Smart-Specialisations-RIS-3.pdf> (дата обращения 03.05.2025).

Особое место занимает концепция «умного города» (smart city), ориентированная на интеграцию цифровых технологий в городскую инфраструктуру для повышения эффективности управления и качества жизни населения. В России реализуется более 250 проектов «умных городов» различного масштаба¹². Однако его реализация требует значительных инвестиций и высокого уровня технологической готовности, что ограничивает его применимость в регионах с низким уровнем экономического развития.

В США и ряде других развитых стран получил распространение подход «общественно-ориентированного развития» (community-based development), предполагающий активное вовлечение местных сообществ в процесс планирования и реализации проектов территориального развития. Данный подход обеспечивает учет интересов всех заинтересованных сторон и формирование социального капитала территорий, что может способствовать повышению устойчивости региональной экономики¹³. Однако его эффективность ограничивается уровнем развития гражданского общества и готовностью органов власти к реальному диалогу с местными сообществами.

Анализ существующих подходов к КРТ показывает, что их эффективность в контексте обеспечения региональной экономической безопасности определяется не только их внутренней логикой и механизмами, но и соответствием конкретным условиям и потребностям региона. Наиболее перспективным видится более гибкий интегрированный подход, объединяющий элементы разных подходов и адаптированный к специфике территорий.

Существующие проблемы и новые возможности КРТ

Реализация проектов КРТ сталкивается с проблемами и ограничениями, снижающими их эффективность и негативно влияющими на региональную экономическую безопасность. Анализ этих проблем и ограничений позволяет выявить ключевые факторы, препятствующие успешной реализации проектов КРТ:

- несовершенство нормативно-правовой базы и стратегического планирования, характеризующееся фрагментарностью, несогласованностью и пробелами;

¹² Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/46012/> (дата обращения 03.05.2025).

¹³ Mansuri G, Rao V. Community-Based and -Driven Development: A Critical Review // World Bank Research Observer. 2004. Vol. 19. No. 1.

- бюджетно-финансовые ограничения, особенно на региональном и муниципальном уровнях, высокая централизация финансовых ресурсов;
- недостаточная координация и согласованность действий субъектов КРТ, приводящая к фрагментарности и несистемности реализации проектов;
- кадровые и компетентностные ограничения, особенно на муниципальном уровне, приводящие к низкому качеству подготовки проектов и неэффективному использованию имеющихся ресурсов¹⁴;
- информационные и технологические ограничения в силу отсутствия во многих муниципальных образованиях полноценных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности, интегрированных с другими информационными системами¹⁵;
- административные барьеры и бюрократические ограничения;
- социально-культурные ограничения, включая недостаточную вовлеченность местных сообществ в процесс планирования и реализации проектов, низкий уровень доверия к органам власти.

Преодоление данных проблем и ограничений требует разработки и реализации комплекса мер, направленных на совершенствование механизмов КРТ и повышение их эффективности.

Современные тенденции в экономике, технологиях, включая цифровую трансформацию, инновации и переосмысление пространственного планирования, открывают новые возможности для КРТ в обеспечении региональной экономической безопасности. Одной из ключевых возможностей является цифровизация и формирование цифровой экономики. Доля цифровой экономики в ВВП России составляет около 3,9%, с потенциалом роста до 8–10% к 2030 г.¹⁶ Цифровизация открывает возможности для территориального развития через «умные» технологии, цифровые платформы взаимодействия, использование больших данных для управления

¹⁴ Агibalова О.Ю. Кадровое обеспечение муниципальной службы: практика, проблемы и пути развития // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 3. С. 8–12.

¹⁵ Жданчиков П.А., Ильина И.Н. Цифровизация региональной градостроительной деятельности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 11(416). С. 2134–2163.

¹⁶ Евстифеев Ю.М. Текущее состояние и перспективы развития цифровой экономики в России // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 10. С. 53–63.

и моделирования. Цифровые технологии позволяют создавать гибкие и устойчивые экономические системы.

Для устойчивого КРТ необходим интегральный учет социальных и экологических факторов, особенно в условиях экологических вызовов и повышения качества жизни. Социальный аспект должен включать формирование комфортной и безопасной среды, обеспечение занятости (в том числе стимулирование «зеленых» профессий), учет интересов различных социальных групп для обеспечения равного доступа к благам. Важно сокращение социального неравенства посредством инклюзивных стратегий: поддержка уязвимых слоев, доступность жилья и услуг, инклюзивное образование и занятость.

Важной возможностью для КРТ является развитие «зеленой» экономики и экологически устойчивых подходов к территориальному планированию. По оценкам экспертов, мировой рынок «зеленых» технологий к 2030 г. достигнет 5,9 трлн долл.¹⁷, что создает значительные возможности для развития экологически ориентированных секторов экономики в регионах. Внедрение принципов устойчивого развития создает сбалансированные экономические системы, учитывающие текущие потребности и интересы будущих поколений. «Зеленая экономика» снизит ресурсозависимость, диверсифицирует экономику и формирует новые конкурентные преимущества регионов.

Развитие человеческого капитала и формирование «экономики знаний» представляет еще одну значимую возможность для КРТ. По данным Всемирного банка, в России доля человеческого капитала в структуре национального богатства составляет около 46%, в то время как в развитых странах достигает 70–80%¹⁸, что подчеркивает его ключевую роль в современной экономике. Инвестиции в человеческий капитал, привлечение талантов и формирование инновационной экосистемы — важные элементы стратегий КРТ. Развитие человеческого капитала повышает адаптивность экономики, создает рабочие места и снижает социальную напряженность.

¹⁷ ЮНКТАД: объем рынка «зеленых» технологий достигнет к 2030 году 9,5 трлн долларов // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438752> (дата обращения 03.05.2025).

¹⁸ Оценка совокупного уровня благосостояния России в период с 2000 по 2017 года // Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/402431575351416107/pdf/How-Wealthy-is-Russia-Measuring-Russias-Comprehensive-Wealth-from-2000-2017.pdf> (дата обращения 03.05.2025).

Трансформация систем мобильности и транспортной инфраструктуры (электротранспорт, автономные транспортные системы, мультимодальные транспортные решения, шеринговые модели) открывает новые возможности для КРТ, изменяя подходы к планированию территорий и создавая более эффективные и устойчивые пространственные структуры¹⁹.

Развитие аддитивных технологий, распределенных производственных систем и новых бизнес-моделей создает гибкие и устойчивые производственные структуры, адаптирующиеся к рыночным изменениям. Распределенные системы снижают зависимость от крупных предприятий, диверсифицируют экономику и повышают устойчивость регионов к внешним воздействиям.

Таким образом, современные экономические и технологические тенденции создают широкий спектр возможностей для КРТ в обеспечении региональной экономической безопасности, требуя адаптации планирования к новым реалиям, формирования механизмов и институциональных условий.

Механизмы реализации КРТ

Эффективность КРТ как инструмента обеспечения региональной экономической безопасности во многом определяется наличием действенных механизмов его реализации. Под механизмами реализации КРТ понимается совокупность взаимосвязанных способов, методов, инструментов и процедур, обеспечивающих планирование, организацию, координацию и контроль процессов территориального развития в соответствии с поставленными целями и задачами²⁰.

Современное региональное управление располагает комплексом организационно-управленческих механизмов реализации КРТ, включая стратегическое планирование, проектное управление, межведомственную координацию, общественное участие и мониторинг. Ключевую роль играет согласование интересов органов власти, бизнеса и общества. Эффективность КРТ во многом определяется качеством этих механизмов.

¹⁹ Церцел Ю.С. Управление цифровым развитием транспортной системы Российской Федерации: предпосылки, допущения и ограничения // Финансовая жизнь. 2022. № 4. С. 15–20.

²⁰ Казаков М.Ю., Полуянова Н.В. Организационно-сетевые механизмы реализации региональной социально-экономической политики в условиях межрегиональной дифференциации // Экономика устойчивого развития. 2024. № 3(59). С. 70–74.

Финансово-экономические механизмы реализации КРТ включают бюджетные и внебюджетные источники финансирования, инструменты ГЧП, проектное и венчурное финансирование, краудфандинг. Особое значение приобретают инновационные финансовые инструменты: «зеленые» и социальные облигации, импакт-инвестирование и устойчивое финансирование.

Нормативно-правовые механизмы КРТ представляют систему законодательных и нормативных актов, регулирующих территориальное планирование и развитие. В России ключевым нормативным документом является Федеральный закон № 494-ФЗ от 30 декабря 2020 года «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий», определяющий права и обязанности участников и механизмы господдержки. Важное значение имеют региональные и муниципальные акты, адаптирующие нормы к специфике территорий.

Информационно-аналитические механизмы КРТ включают сбор, обработку и анализ информации о развитии территорий, моделирование сценариев и системы поддержки принятия решений. Особую роль играют цифровые платформы и геоинформационные системы, обеспечивающие интеграцию данных. В субъектах РФ внедрены государственные информационные системы обеспечения градостроительной деятельности²¹.

Инновационно-технологические механизмы КРТ, основанные на применении современных технологий («умные» решения, цифровые двойники, автоматизированное проектирование и инновации в строительстве и энергетике), повышают эффективность использования ресурсов, снижают экологическое воздействие и улучшают условия жизнедеятельности. Механизмы мониторинга и оценки эффективности КРТ, включающие системы индикаторов, методики оценки, процедуры мониторинга и аудита, обеспечивают контроль реализации проектов и оценку их влияния на экономическую безопасность, позволяя своевременно выявлять риски и принимать управленческие решения.

Таким образом, механизмы реализации КРТ представляют собой многоуровневую систему, обеспечивающую планирование, организацию, координацию и контроль процессов территориального

²¹ Ильичев К.С., Спиридонова А.П. Инициирование, обсуждение и реализация проектов стратегии пространственного развития региональной агломерации // International Agricultural Journal. 2025. Т. 68. № 1.

развития в контексте региональной экономической безопасности. Их эффективность определяется комплексностью, адаптивностью и способностью интегрировать интересы участников.

Институциональные условия для эффективного развития территорий

Институциональные условия — совокупность формальных и неформальных институтов, определяющих «правила игры» и стимулы для участников процесса территориального развития, а также механизмы их взаимодействия и координации²². Институциональная среда определяет стимулы и ограничения для экономических агентов, что напрямую влияет на эффективность территориального развития и уровень экономической безопасности²³.

Формальные институты, включающие законодательство, нормативные акты, стратегии и программы развития, создают правовую основу и определяют общие рамки КРТ. В России за последние годы сформирована базовая нормативно-правовая основа в сфере территориального развития, включающая Градостроительный кодекс РФ, Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а также ряд специализированных законов, регулирующих отдельные аспекты территориального развития, в том числе Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Эксперты Счетной палаты РФ отмечают, что существующая нормативно-правовая база характеризуется фрагментарностью, наличием пробелов и противоречий, несогласованностью между различными уровнями нормативного регулирования, а также между отраслевыми и пространственными аспектами регулирования, что снижает эффективность КРТ и его влияние на экономическую безопасность регионов²⁴.

Важным элементом институциональных условий является система стратегического планирования, обеспечивающая согласованность и преемственность решений в сфере территориального

²² Садыков Д.Р. Типология институциональных факторов, оказывающих влияние на развитие экономики северных регионов // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9. № 5. С. 705–726.

²³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.

²⁴ Развитие регионов // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2024. № 1(314) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sptulobl.ru/law/Bul-1-2024.pdf?ysclid=ma3xzn1iae468581965> (дата обращения 03.05.2025).

развития. К сожалению, только около 65% муниципальных образований в России имеют актуальные документы стратегического планирования, соответствующие современным требованиям и согласованные с документами более высокого уровня²⁵. Это свидетельствует о недостаточной развитости системы стратегического планирования на местном уровне, что ограничивает возможности КРТ и обеспечения экономической безопасности.

Институциональная структура КРТ включает различные организации и учреждения, участвующие в процессе планирования и реализации проектов территориального развития. К ним относятся органы государственной власти и местного самоуправления, институты развития, научно-образовательные организации, бизнес-структуры и некоммерческие организации. Эффективность КРТ во многом зависит от качества взаимодействия между данными институтами, наличия механизмов координации их деятельности и согласования интересов.

Особую роль в формировании благоприятных институциональных условий играют региональные и местные институты развития, такие как агентства регионального и муниципального развития, корпорации развития территорий, технопарки и бизнес-инкубаторы. Данные институты выполняют функции «интеграторов» процессов территориального развития, обеспечивая взаимодействие между различными участниками и привлечение ресурсов для реализации проектов. Однако их деятельность характеризуется неравномерностью распределения по территории страны, недостаточной координацией и ограниченностью ресурсов²⁶.

Важным институциональным условием эффективного КРТ является наличие механизмов общественного участия и гражданского контроля, что повышает легитимность принимаемых решений и формируют чувства сопричастности к развитию территории. Однако, как показывают исследования, в России механизмы общественного участия остаются недостаточно развитыми²⁷.

²⁵ Пивоварова О.В., Кузнецов Ю.Г., Максимов А.Н. Муниципальное стратегическое планирование: практические аспекты реализации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 12. С. 3785–3804.

²⁶ Кузнецова Е.И., Русавская А.В., Сараджева О.В. Институциональные факторы устойчивости региональных экономических систем и их влияние на обеспечение экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 268–273.

²⁷ Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.

Таким образом, формирование благоприятных институциональных условий для КРТ — сложная многоаспектная задача, требующая системного подхода и учета специфики регионов. Совершенствование институтов должно обеспечивать согласованность решений, эффективную координацию между участниками и развитие культуры стратегического планирования, ориентированной на региональную экономическую безопасность.

Финансовые инструменты и источники финансирования проектов КРТ

Финансовое обеспечение — ключевой фактор успеха проектов КРТ и их влияния на региональную экономическую безопасность. В современных условиях формируется многоуровневая система финансовых инструментов и источников финансирования.

Бюджетные источники играют основополагающую роль, особенно в создании инфраструктуры и реализации социальных проектов. В России бюджетное финансирование осуществляется через госпрограммы, нацпроекты и межбюджетные трансферты, поддерживающие региональные и муниципальные проекты.

В то же время в условиях бюджетных ограничений возрастает роль внебюджетных источников финансирования проектов КРТ: частных инвестиций, средств институциональных инвесторов, кредитов и других. В России их доля составляет 40–45% и имеет тенденцию к росту²⁸.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — эффективный механизм привлечения внебюджетных средств для проектов КРТ, объединяющий ресурсы государства и бизнеса. В России на конец 2022 года реализовывалось более 3500 проектов ГЧП (4,8 трлн рублей инвестиций, 69% — внебюджетные), около 25% из которых — проекты КРТ²⁹. Основными формами ГЧП являются концессии, соглашения о ГЧП/МЧП, инвестиционные договоры, специальные инвестиционные контракты.

Транспортная, коммунальная и социальная инфраструктура лидируют по количеству и объему инвестиций в ГЧП-проекты

²⁸ Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП // АНО «Национальный центр ГЧП». 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/312/312a2ad6182866e21407990ab0bb16a2.pdf?ysclid=ma42halls4390695084> (дата обращения 03.05.2025).

²⁹ Государственно-частное партнерство в России. Итоги 2023 года и основные тренды // Аналитический дайджест АИИК. 2024. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://data.tedo.ru/publications/ppp-digest.pdf> (дата обращения 03.05.2025).

КРТ. К успешным примерам ГЧП-проектов в сфере территориального развития стоит отнести «Западный скоростной диаметр» в Санкт-Петербурге, город Мурино Ленинградской области, КРТ бывшего аэродрома «Тушино» в Москве, проект КРТ «Академический» в Екатеринбурге.

Одновременно необходимо отметить ряд проблем и ограничений, связанных с участием частного сектора в КРТ: низкая активность в депрессивных регионах, неравномерность инвестиций, недостаточная социальная ответственность, преобладание корпоративных интересов. Решение данных проблем требует взаимодействия государства и бизнеса, благоприятного инвестиционного климата и развития институтов корпоративной социальной ответственности.

Для финансирования проектов КРТ также используются инструменты фондового рынка, включая выпуск облигаций. Особое значение приобретают «зеленые» и социальные облигации, средства от размещения которых направляются на финансирование экологически и социально значимых проектов. Объем выпуска ESG-облигаций в России в 2023 г. вырос на 34,5%, составив 142,8 млрд руб.³⁰.

Институты развития, такие как ВЭБ.РФ, Фонд развития территорий, АО «ДОМ.РФ», Фонд развития моногородов, региональные корпорации и агентства развития, играют ключевую роль в финансировании КРТ, предоставляя различные формы финансовой поддержки. Вместе с тем инвестиции ВЭБ и партнеров в проекты комплексного развития городской экономики, реализуемые более чем в 90 городах страны, за 2020–2023 гг. составили всего около 2 трлн руб.³¹. Потенциалом привлечения дополнительных ресурсов в проекты обладают инновационные финансовые инструменты: краудфандинг, импакт-инвестирование, револьверные фонды, блокчейн-финансирование и др.

Таким образом, финансовое обеспечение КРТ основывается на широком спектре инструментов и источников. Эффективность финансирования определяется оптимальной структурой, соответ-

³⁰ Горчаков В. Российский рынок ESG-облигаций: период переосмысления. Аналитический комментарий [Электронный ресурс]. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/9aa/8v6oy8ekbq9wpmreeyqfqlxdcqb93b96/20240131_CSDVG.pdf?ysclid=ma47cfgjnv74056445 (дата обращения 03.05.2025).

³¹ Отчет об устойчивом развитии группы ВЭБ.РФ 2023 // ВЭБ.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90ab5f.xn--p1ai/files/?file=f1c5bcd8b9d5f380508c54a8bf0341f7.pdf> (дата обращения 03.05.2025).

ствующей специфике проектов и потребностям территорий. Развитие финансовых инструментов — важное направление повышения эффективности КРТ и его влияния на региональную экономическую безопасность.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ключевую роль КРТ в обеспечении региональной экономической безопасности. КРТ, представляя собой многогранный инструмент, способный интегрировать экономические, социальные, экологические и институциональные аспекты, формирует устойчивые и конкурентоспособные региональные экономические системы. Результаты исследования показывают, что КРТ не просто сумма отдельных проектов, а целостная управленческая концепция, направленная на противодействие внешним и внутренним угрозам, повышение экономической самостоятельности регионов и реализацию экономических интересов населения.

Исследование выявило новые возможности для КРТ, связанные с цифровизацией, «зеленой» экономикой и развитием человеческого капитала, подчеркнув необходимость адаптации существующих подходов и формирования эффективных институциональных условий. В то же время были обозначены основные проблемы, ограничивающие эффективность КРТ, такие как несовершенство нормативно-правовой базы, бюджетные ограничения, недостаточная координация и кадровые проблемы. Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода, учитывающего специфику конкретных регионов.

Результаты исследования подтверждают критическую роль государства в обеспечении экономической безопасности через механизмы КРТ, включая нормативное регулирование, стратегическое планирование и финансовую поддержку. В то же время подчеркнута растущая значимость частного сектора и общества в реализации КРТ, а также необходимость эффективного взаимодействия власти, бизнеса и общественности на принципах партнерства и взаимной выгоды.

Разработанные рекомендации по оптимизации механизмов КРТ, охватывающие широкий спектр аспектов от нормативно-правового обеспечения до цифровизации, направлены на повышение эффективности территориального развития и безопасного будущего российских регионов.

Литература

Агibalова О.Ю. Кадровое обеспечение муниципальной службы: практика, проблемы и пути развития // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2024. № 3. С. 8–12.

Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.

Горчаков В. Российский рынок ESG-облигаций: период переосмысления. Аналитический комментарий. URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/9aa/8v6oy8ekbq9wpmreeykfqldcqb93b96/20240131_CSDVG.pdf?ysclid=ma47cfgjnv74056445

Государственно-частное партнерство в России. Итоги 2023 года и основные тренды // Аналитический дайджест АИИК. 2024. № 4. URL: <https://data.tedo.ru/publications/ppp-digest.pdf>

Гранберг А.Г. Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. 2010. № 4(26). С. 55–57.

Евстифеев Ю.М. Текущее состояние и перспективы развития цифровой экономики в России // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 10. С. 53–63.

Жданчиков П.А., Ильина И.Н. Цифровизация региональной градостроительной деятельности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2022. Т. 18. № 11(416). С. 2134–2163.

Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.

Ильичев К.С., Спиридонова А.П. Инициирование, обсуждение и реализация проектов стратегии пространственного развития региональной агломерации // International Agricultural Journal. 2025. Т. 68. № 1. DOI: 10.55186/25880209_2025_9_1_6

Казаков М.Ю., Полуянова Н.В. Организационно-сетевые механизмы реализации региональной социально-экономической политики в условиях межрегиональной дифференциации // Экономика устойчивого развития. 2024. № 3(59). С. 70–74.

Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187

Кузнецова Е.И., Русавская А.В., Сараджева О.В. Институциональные факторы устойчивости региональных экономических систем и их влияние на обеспечение экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 268–273. DOI: 10.24412/2073-3305-2024-1-268-273

Кузнецова О.В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // Региональные исследования. 2023. № 1(79). С. 19–30. DOI: 10.5922/1994-5280-2023-1-2

Кузьмина О.Ю., Давлетбаев Ф.Ф. Социальный капитал и его влияние на конфигурацию рыночных институтов // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 6. С. 2115–2130. DOI: 10.18334/ce.17.6.117876

Лексин В.Н., Шевцов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. Российский фонд правовых реформ, Фонд правовых проблем федерализма и местного самоуправления. 6-е изд, стер. М.: URSS, 2012. 366 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Пивоварова О.В., Кузнецов Ю.Г., Максимов А.Н. Муниципальное стратегическое планирование: практические аспекты реализации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 12. С. 3785–3804. DOI:10.18334/ce.18.12.122249

Портер М. Конкуренция. Обновленное и расширенное изд. М.: Вильямс, 2010. 591 с.

Садыков Д.Р. Типология институциональных факторов, оказывающих влияние на развитие экономики северных регионов // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9. № 5. С. 705–726. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_5_276

Церцел Ю.С. Управление цифровым развитием транспортной системы Российской Федерации: предпосылки, допущения и ограничения // Финансовая жизнь. 2022. № 4. С. 15–20.

European Commission. Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialization (RIS3). 2021. URL: <https://www.local2030.org/library/145/Guide-to-Research-and-Innovation-Strategies-for-Smart-Specialisations-RIS-3.pdf>

Mansuri G., Rao V. Community-Based and -Driven Development: A Critical Review // World Bank Research Observer. 2004. Vol. 19. No. 1. DOI: 10.1093/wbro/lkh012

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Николаев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия; *e-mail*: DNikolaev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitry A. Nikolaev — PhD (Economics), Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: DNikolaev@fa.ru

ИСТОРИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-184-204

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1993 г. В РФ: ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е.И. Волгин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация
plytony@yandex.ru

Аннотация. Выборы 1993 г. стали первой избирательной кампанией, где деньги выступали важным электоральным фактором. Проблемы, сопряженные с прозрачностью финансирования, политической коррупцией и неравномерным доступом к электоральным ресурсам, актуальны и сегодня. Несмотря на то, что «учредительные выборы» привлекли внимание многих исследователей, вопросы, связанные с государственным и частным субсидированием известной политической акции, не получили должного освещения. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить изъяны, которые были присущи электоральной реформе в части положений, регламентирующих финансовую сторону выборов, а также ответить на вопрос, насколько деньги способствовали электоральному успеху тех или иных организаций. Ответы на эти вопросы помогут лучше уяснить причины диспропорций, которые присущи современной российской партийно-политической системе. В качестве инструментария исследования выступают методы исторической, политической и правовой дисциплин. Также используются базовые математические операции. В условиях тяжелой социально-экономической ситуации государство, провозгласившее курс на проведение многопартийных выборов, не было в состоянии субсидировать эти организации, предоставив им широкие возможности для самостоятельного поиска спонсоров. Избирательная кампания проходила в условиях, когда уполномоченные органы, призванные следить за ее ходом, проявляли известную лояльность в отношении различных нарушений, в том числе связанных с финансовой стороной выборов. Последующее законодательство учло предыдущие пробелы, ужесточив контроль над формированием и расходами предвыборных фондов. Однако

© Волгин Е.И., 2025

строгие требования установленных норм были во многом девальвированы на фоне злоупотреблений, имевших место во время президентских выборов 1996 г. В целом опыт избирательной кампании 1993 г. показал, что деньги были важным, но не решающим фактором. Финансовые средства служили эффективным дополнением для продвижения перспективных объединений, имевших аутентичный электоральный профиль.

Ключевые слова: выборы, избирательный фонд, политическая партия, избирательное объединение, финансирование.

Для цитирования: Волгин Е.И. Парламентские выборы 1993 г. в РФ: электорально-финансовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 184–204.

Дата поступления в редакцию: 14.02.2025

THE 1993 PARLIAMENTARY ELECTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: AN ANALYSIS OF ELECTORAL AND FINANCIAL ASPECTS

Volgin E.I.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
plytony@yandex.ru

Abstract. The 1993 election was the first time that money became a significant factor in an election campaign. Today, issues related to the transparency of financing, political corruption, and uneven access to resources remain relevant. Although the “constituent elections” have received attention from researchers, issues surrounding public and private funding for political campaigns have not been adequately addressed. This article aims to identify flaws in the current electoral system regarding financial regulations, as well as answer the question of how money contributes to the success of certain political organizations. Understanding these factors can help us better understand the imbalances in the Russian party system. To conduct this research, we will use methods from historical, political, and legal disciplines, as well as basic mathematical operations. In a difficult socio-economic situation, the government, which had declared a policy of holding multiparty elections, faced challenges in subsidizing these organizations. As a result, these organizations had to find sponsors independently. The election campaign was held in a context where government agencies were shown to be lenient towards violations, including financial ones related to the election process. Further legislation aimed to address these shortcomings and strengthen oversight over election funds. However, abuse during the 1996 presidential election undermined these efforts. Overall, the 1993 election

experience showed that while money is an important factor in elections, it is not the only one. Financial resources can serve as an effective tool to promote promising organizations with an authentic electoral profile.

Key words: elections, election funds, political party, election association, financing.

For citation: Volgin E.I. The 1993 parliamentary elections in the Russian Federation: an analysis of electoral and financial aspects // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 184–204.

Received: 14.02.2025

Введение

Парламентские выборы 1993 г. стали первой в истории России избирательной кампанией, где деньги на законных основаниях выступали важным электоральным фактором. В контексте радикальной смены социально-экономической парадигмы и становления рыночных отношений, коммерциализация стала оказывать давление на политику. В условиях текущих политических реалий вопрос о финансировании избирательных кампаний остается крайне важным. Проблемы, сопряженные с прозрачностью финансирования, политической коррупцией и неравномерным доступом к электоральным ресурсам, актуальны и сегодня, что делает ретроспективный анализ выборов 1993 г., точнее — их финансовой составляющей, особенно значимым.

Несмотря на то, что «учредительные выборы» привлекали внимание многих исследователей, вопросы, связанные с государственным и частным субсидированием известной избирательной кампании не получили должного освещения. Авторы уделяют основное внимание анализу текущей ситуации, которая характеризуется усилением роли государства в деле финансирования парламентских партий¹. А.Н. Ковлер, говоря о новом избирательном законодательстве 1993 г., положительно оценивает его детализацию, которая предоставляла партиям больше свободы, в том числе, в финансово-организационном плане². В.И. Наумов, говоря о проблемах в президентском Положении о выборах, обращает внимание на отсутствие четких ограничений в использовании финансовых

¹ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в России 2008–2022: история заката. М.: «НЛО», 2024. С. 18, 22.

² Ковлер А.Н. Выборы 1993: освоение методов политического маркетинга // Человек, политика, культура: Взгляд через призму политического участия: Сб. ст. Науч. ред. З.М. Зотовой. Тамбов: Нобелистика, 1994. С. 30–31.

средств избирательных фондов партий и кандидатов³. В.П. Елизаров указывает на то, что после появления Указа № 1400 и уточненной редакции Положения о выборах от 1 октября 1993 г. все участники избирательного процесса оказались в принципиально иной по сравнению с советским периодом ситуации: «В электоральную политику пришли частные деньги»⁴. Ю.Г. Коргунюк, рассуждая о характере отношений между партиями и бизнесом на современном этапе, выделяет такой любопытный аспект, когда предприниматели не просто покупают места в избирательных списках, а подчас возглавляют (и финансируют) целые региональные отделения, составляя важную часть партийной элиты⁵.

Другие авторы считают, что финансовое участие бизнеса в избирательных кампаниях может трактоваться как «политические инвестиции». При этом сам электоральный процесс является для бизнеса как тяжелой ношей, так и окном возможностей⁶. В.М. Матвиенко полагает, что осуществление государственного бюджетирования, обязывает партию или кандидата не только предоставлять полную отчетность потраченных средств, но и в дальнейшем лоббировать интересы государства как потенциального спонсора⁷.

А.А. Дегтярев изучает сущность нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения или деятельности инициативной группы по проведению референдума, предусмотренную законодательством 2000-х гг.⁸ Незаконное финансирование избирательных кампаний рассматривается как форма политической коррупции. В этой связи некоторые авторы считают необходимым принять меры для стимулирования

³ Наумов В.И. Избирательное законодательство России: этапы становления. М.: Московское профсоюзное представительство, 1998. С. 22.

⁴ Елизаров В.П. Финансирование выборов и избирательных кампаний: к вопросу об институциональной принадлежности // Государство. Право. Экономика. Сборник научных статей. Под редакцией Г.Г. Бернацкого. СПб., 2020. С. 32–33.

⁵ Коргунюк Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3–4. С. 117.

⁶ Барсукова С.Ю., Денисова-Шмидт Е.В. Политические инвестиции бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08.

⁷ Матвиенко В.М. Организация финансирования избирательной кампании // Вопросы медиабизнеса. 2023. Т. 2. № 1. С. 26–32.

⁸ Дегтярев А.А. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума: уголовно-правовая характеристика // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 1. С. 24–29.

коммерческих организаций к внедрению антикоррупционных программ, включая прямой запрет на финансирование избирательных кампаний⁹. Другие исследователи говорят о важности гармонизации законодательства с демократическими принципами и образцами, принятыми в других странах, чтобы обеспечить прозрачность и справедливость в процессе финансирования избирательных кампаний¹⁰. Например, С.Н. Шевердяев считает, что, несмотря на формальный выход России из Совета Европы, европейские антикоррупционные конвенции остаются перспективным объектом изучения¹¹. С.А. Сидорова предлагает модернизировать нормы КоАП РФ, предусматривающие административное взыскание за незаконное использование денежных средств в финансировании избирательной кампании и проведении референдума¹².

Как видно, большинство актуальных работ, посвященных проблемам финансирования избирательных кампаний, носит прикладной характер. Авторы вносят свои предложения, связанные с совершенствованием действующего законодательства с целью сокращения возможностей для разного рода злоупотреблений и снижения уровня политической коррупции. Цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить те «родовые травмы» и аберрации, которые изначально были присущи электоральной реформе 1993 г. в части положений, регламентирующих финансовую сторону выборов. Это необходимо для лучшего понимания причин тех колоссальных диспропорций, которые присущи современной партийно-политической системе РФ. В качестве основных задач можно выделить следующие аспекты:

- определить государственные ассигнования, выделенные на проведение электоральной реформы и всенародного голосования по проекту Конституции;

⁹ Акунченко Е.А., Дамм И.А., Кострыкина В.В., Тепляшин П.В. Антикоррупционный потенциал запрета на финансирование избирательных кампаний в деятельности коммерческих организаций // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 5. С. 680–692. DOI: 10.17516/1997-1370-0751.

¹⁰ Горбань А.Е. Павленко Т.В. Проблемы законодательного регулирования финансирования избирательных кампаний в РФ // Евразийское научное объединение. 2021. № 7–2. С. 146–148.

¹¹ Шевердяев С.Н. Особенности имплементации международных антикоррупционных стандартов финансирования избирательных кампаний (на примере России) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 4. С. 3–25.

¹² Сидорова С.А. О совершенствовании норм КоАП РФ о незаконном использовании денежных средств при финансировании избирательной кампании и проведении референдума // Выборы: теория и практика. 2021. № 1. С. 40–42.

- установить контрольные цифры пожертвований в предвыборные фонды избирательных объединений, установленные Положением о выборах, а также их последующую корректировку;
- выявить основные пробелы в избирательном законодательстве в части положений, регламентирующих финансовую сторону избирательной кампании;
- рассмотреть проблему организации финансового контроля со стороны Центризбиркома над расходами избирательных объединений;
- раскрыть основные каналы финансирования избирательных объединений и их потенциальных спонсоров;
- показать объемы избирательных фондов и их влияние на результаты голосования в общефедеральном округе;
- выделить основные нарушения, обнаруженные ЦИК в ходе проверок финансовой отчетности.

В качестве инструментария исследования выступают методы исторической (историко-генетический, историко-системный), политической (структурно-функциональный, институциональный) и правовой (формально-юридический) дисциплин. Кроме того, поскольку речь идет о финансах, используются базовые математические вычисления.

«Цена» указа № 1400

Внеочередные выборы, совмещенные с конституционным голосованием, требовали государственных затрат. В начале октября 1993 г. Центризбирком утвердил смету расходов, которые составили 170 млрд руб. (свыше 145 млн долл.). При этом сам ЦИК планировала получить из этой суммы лишь малую часть, тогда как основные расходы (150–160 млрд руб.) должны были понести окружные избирательные комиссии. Для сравнения: апрельский референдум 1993 г., по словам председателя Центризбиркома Н.Т. Рябова, обошелся всего в 31 млн руб. (т.е. в 45 тыс. долл., что кажется маловероятным, даже если учесть, что доллар США к октябрю 1993 г. по сравнению с апрельским курсом подорожал почти вдвое: 1169 руб. против 692 руб.). После того, как было принято решение совместить выборы со всенародным голосованием по проекту Конституции, избирательная кампания, согласно новой смете расходов, утвержденной указом Президента, подорожала еще на 82,748 млрд руб. (т.е. почти на 70 млн долл.), а ее общая стоимость составила 252,748 млрд руб. (т.е. более 200 млн долл.). Демократия,

заявил Рябов, обходится «людям недешево»: «И все же цена за нее неизмеримо ниже той, которую всем нам пришлось бы заплатить, если бы восторжествовал фашизм...» (даже Госсекретарь США У. Кристофер обещал выделить на содействие российским выборам 5–10 млн долл.)¹³.

К началу — середине ноября 1993 г. из первоначальной суммы (170 млрд руб.) на предвыборные нужды было выделено 95 млрд, которые ЦИК распределил среди региональных избиркомов. Перечисление средств на расчетные счета администраций регионов осуществлял Центробанк, которому соответствующие платежные поручение были переданы 1 ноября. Однако даже в деле такой государственной важности, как «учредительные выборы», власти обнаружили «финансовую нерасторопность», когда многие субъекты РФ не получили обещанных денег в срок. Такая ситуация сложилась в Ленинградской, Брянской, Курской, Кемеровской областях, а также в Чувашии, Бурятии и на Сахалине. Избиркомы были вынуждены изымать средства из своих скудных бюджетов.

Между тем, судя по отчетам Центризбиркома, на выборы и проведение всенародного конституционного голосования из республиканского бюджета реально было направлено около 160 млрд руб. (более 135 млн долл.), а израсходовано около 120 млрд руб. Таким образом, стоимость всех государственных расходов, выделенных на проведение федеральных предвыборных мероприятий в декабре 1993 г., в действительности оказалась на уровне первоначально заявленной сметы. Сэкономленные средства ЦИК обещал использовать на проведение дополнительных выборов в округах, а также на организацию избирательных кампаний в представительные органы власти субъектов РФ. Это решение было поддержано Указом Президента от 20 декабря 1993 г. «О мерах по совершенствованию избирательной системы в РФ»¹⁴.

¹³ Подготовка к выборам // Независимая газета. 1993. 5 октября; Янченков В. Судьбу России решит сам народ // Российская газета. 1993. 9 октября; ЦИК: определение одномандатных округов // Российские вести. 1993. 12 октября; Кишкин Н. Выборы обойдутся в 170 миллиардов // Труд. 1993. 12 октября; Цена демократии — 160 миллиардов // Комсомольская правда. 1993. 12 октября; Луговская А. Центризбирком уточняет график избирательной кампании // Известия. 1993. 22 октября; Шальнев А. Деньги и ТВ: их роль на выборах будет огромной // Известия. 1993. 3 ноября; Журавлев П. Зарплата кандидата в депутаты — 54 тыс. рублей // Сегодня. 1993. 13 ноября; Журавлев П. Официальные итоги подписной кампании будут объявлены в конце недели // Сегодня. 1993. 9 ноября; Родин Н. Репрессивная пропаганда Конституции // Независимая газета. 1993. 2 декабря.

¹⁴ Кто добьется успеха // Московская правда. 1993. 5 ноября; Выборы состоятся, но не везде // Труд. 1993. 1 декабря; Фролов А. Деньги пущены малой ско-

Контрольные цифры государственных и частных ассигнований на предвыборные нужды

Российский законодатель впервые допустил возможность привлечения частных средств на предвыборные нужды в ходе избрания мэров Москвы и Ленинграда в 1991 г. Тогда общественно-политическим объединениям, выдвинувшим своих кандидатов, разрешалось участвовать в финансировании избирательной кампании. Однако средства должны были поступать в общий котел и только затем равномерно распределяться между кандидатами¹⁵.

Авторы избирательного закона 1993 г. были куда либеральнее. «Закон Шейниса» устанавливал, что избирательные объединения и кандидаты вправе создавать собственные избирательные фонды, которые могли состоять как из их собственных средств, так из добровольных пожертвований физических и юридических лиц¹⁶. При этом предельная сумма пожертвования от физического и юридического лица для одного кандидата ограничивалась 20 МРОТ (154 800 руб. или 132 долл. по курсу на 1 октября 1993 г.) и, соответственно, 200 МРОТ (1 млн 548 тыс. руб. или 1 324 долл.). Напомним, что минимальный размер оплаты труда на 1 июля 1993 г. составлял 7 740 руб. Положение о выборах, утвержденное Указом от 21 сентября 1993 г., внесло в эти цифры заметные корректировки. Во-первых, пожертвования физлица в фонд избирательного объединения не могли превышать 30 МРОТ (232 200 руб. или почти 200 долл.). Для юридического лица эта планка увеличивалась до 20 тыс. МРОТ (154 млн 800 тыс. руб. или 132 420 долл.). Во-вторых, круг субъектов, не имевших право спонсировать участников российских выборов, был расширен за счет международных (общественных) объединений и организаций, а также юридических и физических лиц с иностранным участием (при этом доля этого участия никак не оговаривалась). Впрочем, создание избирательных фондов являлось правом, а не обязанностью избирательных объединений и кандидатов¹⁷.

ростью // Общая еженедельная газета. 1993. 12–18 ноября; Звягин Ю. Так, сколько же стоили выборы? // Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12; Бюллетень ЦИК РФ. 1994. № 1. С. 27–33, № 4. С. 22; Петроновичус Т. Деньги на урну // Россия. 1995. 2–8 августа; САПП РФ. 1993. № 52. Ст. 5060.

¹⁵ Ведомости РСФСР. 1991. № 18. Ст. 578; № 21. Ст. 713.

¹⁶ Волгин Е.И. Электоральная реформа 1993 года в российском политическом дискурсе // Клио. 2017. № 8. С. 175–184.

¹⁷ МРОТ в России по годам // FINCAN [Электронный ресурс]. URL: http://fincan.ru/articles/58_mrot-v-rossii-po-godam/ (дата обращения: 23.11.2024);

С 1 декабря 1993 г. минимальный размер оплаты труда Указом Президента был увеличен почти вдвое — до 14 620 руб. (неплохой предвыборный подарок, если учесть, что вместе с МРОТ повышались и пенсии). Это влекло за собой автоматическое увеличение избирательных фондов партий и кандидатов. Отныне предельный взнос физического лица в фонд кандидата или избирательного объединения составлял 292 400 руб. (237 долл.) и, соответственно, 438 600 руб. (356 долл.). Сумма пожертвования юридического лица для отдельного кандидата равнялась почти 3 млн руб. (2 377 долл.), а для избирательного объединения — 292 млн 400 тыс. руб. (237 723 долл.). Напомним, что на 1 декабря 1993 г. официальный курс составлял 1230 руб. за 1 долл. США. 27 октября 1993 г. Центризбирком обнародовал инструктивное письмо, которое исключало из «электоральных инвесторов» государственные органы, а также органы местного самоуправления. Письмо также уточняло, что все денежные средства на избирательные счета должны были зачисляться только в рублях¹⁸.

Новое законодательство предусматривало государственную финансовую поддержку избирательных объединений и кандидатов. 15 ноября 1993 г. ЦИК выделил каждому из тринадцати избирательных объединений, зарегистрировавших свои списки, на цели предвыборной агитации по 50 млн руб. (почти 42 тыс. долл.). Кандидатам-одномандатникам от ОИК выделялось примерно по 100 тыс. руб. (83 долл.). 6 декабря Центризбирком принял решение дополнительно выплатить избирательным объединениям еще 50 млн руб. Таким образом, общая сумма государственных дотаций для партий, движений и блоков составила 100 млн руб. или почти 84 тыс. долл. Несмотря на то, что дополнительные средства дошли до избирательных объединений только 6 декабря и многие не успели ими воспользоваться, представители партий, заседавшие в ЦИК на правах членов с совещательным голосом, встретили известие об увеличении государственных ассигнований аплодисментами (таже были увеличены государственные субсидии для кандидатов-одномандатников). Всего в фонды тринадцати избира-

Динамика официального курса Доллар США история курса валюты к российскому рублю за Октябрь 1993 по данным Центробанка // Справочный портал Калькулятор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calc.ru/kotirovka-dollar-ssha.html?date=1993-10> (дата обращения: 23.11.2024); Васильев В.И., Постников А.Е. Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. М.: Бек, 1995. С. 74.

¹⁸ САПП РФ. 1993. № 50. Ст. 4859, 4863; Бюллетень ЦИК РФ. 1993. № 5. С. 37–42, № 9. С. 13, 1994. № 1. С. 30.

тельных объединений от Центризбиркома поступило 1,3 млрд руб. (1 млн долл.)¹⁹.

Пробелы в избирательном законодательстве и проблема финансового контроля

Ни один раздел нового Положения о выборах не вызывал такую критику, как статьи, которые регламентировали финансирование избирательной кампании. Наиболее очевидным недостатком стало то, что, установив границы добровольных пожертвований в фонды избирательных объединений и кандидатов, законодательство никак не ограничивало личные расходы соискателей депутатских мандатов, а также затраты «партийных касс» на нужды предвыборной кампании. Столь неограниченное «самофинансирование», предполагавшее включение потенциальных спонсоров в предвыборные списки, гипотетически отменяло «потолки» избирательных фондов, легализуя заведомо неравное положение политических конкурентов. Еще одним серьезным упущением стало то, что Положение исподволь допускало финансирование предвыборных мероприятий партий и кандидатов в обход избирательных фондов и соответствующих финансовых ограничений. Наконец, бросалось в глаза отсутствие каких-либо санкций за нарушение порядка финансирования предвыборной кампании. Единственное, что требовалось от партии или кандидата, это предоставить в ЦИК или в соответствующую ОИК спустя два месяца после выборов отчет, в котором указывались источники денежных поступлений в избирательный фонд и все затраты, совершенные в целях предвыборной агитации. Правда, в ходе избирательной кампании были предприняты попытки введения более жесткого финансового контроля, но эти действия носили больше политический характер²⁰.

Говоря о пробелах, характерных для законоположений, регламентировавших финансовую сторону избирательной кампании,

¹⁹ Бюллетень ЦИК. 1993. № 8. С. 6; Московская правда. 1993. 7 декабря; Журавлев П. Зарплата кандидата в депутаты — 54 тыс. рублей // Сегодня. 1993. 13 ноября; Ачалова Е. «Женщины России» оказались наиболее бережливыми // Ъ. 1993. 23 декабря; Демченко В. Деньги на вас счет переведены // Новая ежедневная газета. 1993. 9 декабря; Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 79; Жуков А. Отчет готов, санкций не будет // Общая ежедневная газета. 1994. 18–24 марта.

²⁰ Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 74–75, 80; Пархоменко С. О пропорциональности // Сегодня. 1993. 14 октября; Иванов-Смоленский Г. Партийные деньги и сегодня тайна тайн // Известия. 1993. 2 ноября; Кто закажет музыку // Московские новости. 1993. 21 ноября; Сигал Л. Вам грант от дяди из Штатов // Общая еженедельная газета. 1993. 3–9 декабря.

можно предположить, что сами авторы избирательного закона имели достаточно смутные представления о том, как и в каких пропорциях деньги должны были влиять на политику в новых рыночных условиях. С другой стороны, возможно, сами разработчики, кровно заинтересованные в проведении первых многопартийных выборов, специально не педалировали финансовый вопрос, оставляя партиям и движениям известную свободу в деле привлечения дополнительных средств. Как бы то ни было, подобная «неурегулированность» играла на руку, прежде всего, «административным партиям», имевшим широкие финансовые возможности. Между тем, избирательная кампания требовала серьезных затрат. В прессе назывались цифры от 5 до 30 млн долл. (для избирательного объединения). И хотя эти суммы изначально казались невероятными, было очевидно, что для участия в полноценной предвыборной гонке одних лишь государственных средств было явно недостаточно.

Дабы создать некое подобие финансового контроля, Президент 6 ноября 1993 г. распорядился сформировать контрольно-ревизионную службу при ЦИК РФ (КРС). В состав данной структуры вошли по три специалиста от Минфина, Госналогслужбы, МВД, Министерства безопасности, Минюста, ЦБ (всего 18 чел.). Свои полномочия КРС должна была осуществлять в течение полугода. Возглавил контрольно-ревизионную службу Валерий Багин — член ЦИК, курирующий финансовые вопросы (экс-прокурор Тюменской обл., который с 1993 г. являлся замглавы администрации данного региона).

Любопытно, но основную проверку КРС планировала начать только в январе 1994 г. Выбор «потенциальных жертв» осуществлялся на основе «фискальных сигналов» о фактах нарушения установленных рамок финансирования выборов. Инициаторами подобных «сигналов» могли выступать сами партии, оспаривавшие после 12 декабря законность избрания своих конкурентов. Сообщалось, что на основании выявленных КРС нарушений мандатные комиссии палат Федерального Собрания в течение двухлетнего срока их легислатуры могли ставить вопрос об отзыве депутатов. Таким образом, политическая роль КРС была очевидна: с помощью этой структуры сторонники Президента могли «финансово дезавуировать» своих оппонентов в случае неблагоприятных итогов голосования²¹.

²¹ САПП РФ. 1993. № 45. Ст. 4379; Камин Д. Выборы пройдут — ревизоры останутся // Ъ. 1993. 19 ноября; Биктагиров Р.Т. Становление ЦИК России: начало

Основные каналы финансирования избирательных объединений и потенциальные спонсоры

Финансирование предвыборных кампаний партий и блоков шло как минимум по четырем каналам. Во-первых, за счет средств избирательного фонда, куда перечислялись бюджетные и спонсорские пожертвования. Во-вторых, могли быть задействованы счета партий и движений, которые находились вне контроля ЦИК. Но чаще всего практиковалась прямая оплата спонсорами счетов избирательных объединений (благо, что закон напрямую не запрещал подобные операции и не предусматривал за них ответственность). И, наконец, активно использовался нигде не учтенный т.н. «черный нал». Избирательные объединения не любили раскрывать имен своих спонсоров. На призыв столичной прессы обнародовать декларации об источниках финансирования откликнулся лишь Блок «Явлинский — Болдырев — Лукин». Декларацию о доходах также обнародовал С.М. Шахрай (довольно забавно с позиции сегодняшнего дня там выглядела следующая запись: «Компьютеров нет (и не было)»). Остальные хранили молчание, поэтому политические обозреватели на основании «инсайдерской информации» пытались выстроить параллели между бизнес-структурами и спонсируемы-ми ими избирательными объединениями.

Так, частный банковский сектор поддерживал либерально-демократические и центристские объединения. По некоторым данным, движение «Выбор России», Партию российского единства и согласия, блок «Яблоко», Партию экономической свободы финансировали Ассоциация российских банков, группа «Мост», «Альфа-Банк», банк «Столичный», «Менатеп», «Инкомбанк», «АвтоВАЗбанк», банк «Империал», Всероссийский биржевой банк и др. финансовые организации. Кроме того, «Выбор России» мог рассчитывать на средства Ассоциации приватизированных и частных предприятий, а также на Фонд развития демократии в России²².

пути // Гражданин, выборы, власть. 2018. № 3. С. 8; Камин Д. Центризбирком будет контролировать расход денег // Ъ. 1993. 16 ноября; Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 82; Ачалова Е. «Женщины России» оказались наиболее бережливыми // Ъ. 1993. 23 декабря; Кроме того // Ъ. 1993. 10 декабря; Кто закажет музыку // Московские новости. 1993. 21 ноября; Камин Д. Избирательным объединениям предложено отчитаться // Ъ. 1993. 11 декабря.

²² Иванов-Смоленский Г. Партийные деньги и сегодня тайна тайн // Известия. 1993. 2 ноября; Шахрай С. Декларация о доходах кандидата — новый аргумент в предвыборной борьбе // Известия. 1993. 30 октября; P.S. // Московские новости. 1993. 28 ноября; Коросташевская А. Занимайте места в парламенте согласно купленным мандатам // Новая еженедельная газета. 1993. 20 октября; Шальнев А.

«Партия Шахрая», помимо банковского капитала, опиралась на концерн «Газпром», торговую компанию «Микродин», объединение «МММ». Кстати, «МММ-Инвест», судя по обилию рекламы на страницах «Правды», «Советской России» и газеты «День» (еще до ее закрытия), также поддерживал и левую оппозицию. Кроме того, коммунисты использовали членские взносы (2 млн руб. или 1,6 тыс. долл.), а руководство Аграрной партии — средства бывших колхозов и совхозов. «Гражданский союз...», имея колоссальный потенциал, собирал деньги с большим трудом. Сказывалась как неповоротливость госпредприятий, так и значительно меньший объем «живых» денег по сравнению со структурами «нового бизнеса». И только финансовые источники ЛДПР так остались загадкой: «засветившиеся» спонсоры представляли собой мелкие, несерьезные фирмы-однодневки²³.

Объемы избирательных фондов и их влияние на результаты голосования

Согласно официальным данным, предвыборные фонды 13 избирательных объединений аккумулировали на своих счетах 4,7 млрд руб. или почти 4 млн долл. (с учетом 1,3 млрд, выделенных ЦИК). Таким образом, доля бюджетных средств в этой общей сумме составила 27,6%, а добровольные пожертвования — 72,4%. Наиболее респектабельными участниками предвыборной гонки являлись «Выбор России» — 1,9 млрд руб. (1,5 млн долл. или 40% от совокупного объема «общепартийной» кассы», ПРЕС — 820 млн руб. (более 600 тыс. долл.). Несколько скромнее выглядели «партийные кассы» блока «Яблоко» — 389 млн руб. (более 300 тыс. долл.), а также «Кедра» и «Будущего России...» — по 300 млн руб.

Деньги и ТВ: их роль на выборах будет огромной // Известия. 1993. 3 ноября; *Лепехин В.* О роли денежных мешков в предстоящих выборах // Новая ежедневная газета. 1993. 3 ноября; *Пеструхина Е.* Бедные переиграли богатых // Московские новости. 1994. 1–8 мая.

²³ Кто закажет музыку // Московские новости. 1993. 21 ноября; *Жуков А.* Почему нынче депутат // Общая еженедельная газета. 1993. 5–11 декабря; *Гриценко В. У «Яблока» нет иностранных спонсоров* // Московские новости. 1994. 15–22 мая; *Дикун Е.* До своей агонии новый парламент не доживет... // Общая еженедельная газета. 1993. 26 ноября — 2 декабря; *Коросташевская А.* Занимайте места в парламенте согласно купленным мандатам // Новая ежедневная газета. 1993. 20 октября; *Лепехин В.* О роли денежных мешков в предстоящих выборах // Новая ежедневная газета. 1993. 3 ноября; *Пеструхина Е.* Бедные переиграли богатых // Московские новости. 1994. 1–8 мая; *Янаев Е.* Центральный законодательный орган может остаться без центристов // Б. Аналитический еженедельник. 1993. 8–14 ноября.

(250 тыс. долл.). «Гражданский союз» сумел аккумулировать чуть больше 200 млн. руб. (170 тыс. долл.). При этом в фонды шести избирательных объединений: Аграрная партия, движения «Женщины России», Российское движение демократических реформ, ЛДПР, Демократическая партия и КПРФ, судя по предоставленным отчетам, добровольных пожертвований вообще не поступало. Как вышеназванные ассоциации смогли «раскрутить» предвыборную кампанию на 100 млн руб. (84 тыс. долл.), выделенных ЦИК, осталось загадкой²⁴.

В печати, правда, тогда назывались иные суммы. Так, например, избирательная кампания ЛДПР оценивалась в 1 млрд руб. (т.е. в 10 раз больше заявленной в официальном отчете цифры), а ДПР — в 400–500 тыс. руб. Что касается аномальных трат ЛДПР, то эти данные озвучил сам Жириновский уже после выборов. Владимир Вольфович заверял, что эти деньги были получены от «простых россиян», откликнувшихся на призыв о финансовом содействии. И хотя финансовый отчет жириновцев действительно вызывал вопросы, сумма в 1 млрд (более 800 тыс. долл.) казалась несколько завышенной. Думается, что эту цифру «либералиссимус» назвал в целях дополнительной рекламы, дабы подкрепить свой «оглушительный успех» в общефедеральном округе. Более близкими к истине казался В. Кобелев, баллотировавшийся по списку ЛДПР «вторым номером». По его приблизительным подсчетам, избирательная кампания жириновцев обойдется примерно полмиллиарда рублей (400–500 тыс. долл.). Как бы то ни было, маловероятно, что официальная отчетность предвыборных объединений отражала реальные бюджеты, которыми оперировали партийные финансисты.

На основании различных данных, опубликованных в СМИ, можно составить приблизительную таблицу, которая, в той или иной степени, отображает общие электоральные затраты избирательных объединений, преодолевших 5-процентный барьер. На основании этих цифр можно вычислить среднюю «стоимость» одного депутата, избранного в общефедеральном округе (данные приводятся в рублях) (табл. 1).

²⁴ Бюллетень Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1994. № 1(12) [Электронный ресурс]. URL: <https://bcik.rf.org.ru/1994/1/> (дата обращения: 07.01.2025); Жуков А. Отчет готов, санкций не будет // Общая ежедневная газета. 1994. 18–24 марта; Петронавичус Т. Деньги на урну // Россия. 1995. 2–8 августа; Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 79–80; Звягин Ю. Так сколько же стоили выборы? // Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12; Ачалова Е. «Женщины России» оказались наиболее бережливыми // Ъ. 1993. 23 декабря.

**Объемы избирательных фондов и приблизительные расходы
избирательных объединений на предвыборную рекламу²⁵**

Наименование избирательного объединения	Пример- ный объем фонда	Затраты на рекламу в печатных СМИ	Затраты на рекламу на ТВ и радио	Кол-во мест ²⁶	«Цена» одного депутата
«Выбор России»	1,9 млрд	600 млн	1,3 млрд	40	47,5 млн
ПРЕС	850 млн	185 млн	637 млн	18	47,2 млн
«Яблоко»	380 млн	68 млн	274 млн	20	19 млн
«Будущее России...»	307 млн	95 млн	149 млн	–	–
«Кедр»	300 млн	60 млн	230 млн	–	–
«Гражданский союз...»	212 млн	77 млн	100 млн	–	–
«Достоинство и милосердие»	120 млн	54 млн	40 млн	–	–
РДДР	100 млн	8,6 млн	87,6 млн	–	–
ДПР	100 млн	34 млн	34 млн	14	7,1 млн
АПР	100 млн	59 млн	27 млн	21	4,7 млн
КПРФ	100 млн	22,5 млн	27,5 млн	32	3,1 млн
«Женщины России»	100 млн	12,5 млн	41,7 млн	21	4,7 млн
ЛДПР	100 млн	13,6 млн	86,1 млн	59	1,7 млн

На основании этих данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, большинство партий и блоков предпочло вложить практически все средства в предвыборную рекламу на телевидении. Исключение составляли КПРФ, ЖР, ДПР и, отчасти, «Будущее России...», которые потратили половину или чуть больше половины средств на оплату услуг масс-медиа. При этом если КПРФ, ДПР, «Достоинство и милосердие» решили распределить выделенные

²⁵ Мандрова Н. Сделайте нам красиво // Ъ. 1995. 27 октября; Шальнев А. Жириновский празднует победу и готовится к президентским выборам // Известия. 1993. 15 декабря; Колесников А. Манна небесная ценой в миллиард // Российские вести. 1993. 15 декабря; Нарзикулов Р. Опиум по Жириновскому // Сегодня. 1993. 28 декабря; Мандрова Н., Чумаков Э., Бовт Г. Сам себя не похвалишь // Ъ. 1995. 19 апреля; Ачалова Е. «Женщины России» оказались наиболее бережливыми // Ъ. 1993. 23 декабря; Иванов-Смоленский Г. Партийные деньги и сегодня тайна тайн // Известия. 1993. 2 ноября; Пеструхина Е. Бедные переиграли богатых // Московские новости. 1994. 1–8 мая; Пархоменко С. О пропорциональности // Сегодня. 1993. 14 октября; Комментарий. Отдел экономической политики // Ъ. 1993. 23 декабря.

²⁶ По общефедеральному округу.

деньги между печатными и электронными СМИ относительно равномерно, то АПР сделала основную ставку на периодику. Восемь избирательных объединений дополнительно привлекали платных агитаторов, но платили им по остаточному принципу: ДПР (2,3 млн руб.), ЖР (3,2 млн), АПР (3,4 млн), «Достоинство и милосердие» (4,7 млн), «Кедр» (7 млн) и «Яблоко» (8 млн). На этом фоне выделялись КПРФ и «Будущее России...», которые затратили на устную агитацию 16,3 и 36 млн руб.

Во-вторых, до 12 декабря 1993 г. бытовало мнение, будто электоральный результат будет пропорционален количеству средств, вложенных в избирательную кампанию той или иной партии. Итоги выборов опровергали эту гипотезу. Как видно из приведенный выше таблицы, «бедные» избирательные объединения переиграли «богатых» участников электоральной гонки по суммам, которые они затратили на избрание одного депутата в общефедеральном округе. Так, один парламентарий формально обошелся жириновцам меньше чем в 1,5 тыс. долл., коммунистам — в 2,6 тыс., «Женщинам России» и аграриям — почти в 4 тыс., ДПР — почти в 6 тыс. Тогда как один «яблочник» «стоил» 16 тыс., а представитель двух проправительственных объединений — почти 40 тыс. долл. Но если все-таки допустить, что ЛДПР затратила на свою кампанию 1 млрд руб., то «стоимость» одного жириновца составила бы 17 млн руб. (14 тыс. долл.), т.е. в 10 раз больше обозначенной в таблице суммы (при этом «цена» депутата от ЛДПР становилась медианной).

Таким образом, обнаружился почти 28-кратный разрыв в затратах между объединениями проправительственного и оппозиционного флангов. Получалось, что «демократы» распоряжались деньгами крайне нерационально, хотя сами они объясняли такой разрыв тем, что просто решили честно указать суммы израсходованных средств. Действительно, если те же гайдаровцы представили в ЦИК несколько объемных томов с платежами на сумму почти на 2 млрд руб., то жириновцы ограничилась одним-единственным отчетом на оплату офиса — как раз на сумму, выделенную из госбюджета. И хотя такой подход выглядел как профанация, никаких последствий это не повлекло.

ЦИК РФ и выявленные финансовые нарушения

Последующие проверки ЦИК показали, что услугами спонсоров, напрямую оплачивавших счета избирательных объединений (минуя предвыборные фонды), пользовались практически все.

В наибольшей степени это было характерно для ВР, ЛДПР, ДПР, которым коммерческие компании непосредственно оплачивали услуги масс-медиа. Однако, что касается поступлений из т.н. «дополнительных источников», непосредственно выявленных ЦИК, то они оказались малозначительными. Это свидетельствовало о высоком профессионализме «бухгалтеров» избирательных объединений: затраты, которые было легко проверить (на ТВ или радио), оплачивались преимущественно из избирательных фондов. Однако даже прямое перечисление средств юридическими лицами тем или иным СМИ не могло рассматриваться как противоправное действие, т.к. финансирование предвыборной агитации сугубо через избирательные фонды определялось в Положении о выборах как основной, но не единственный денежный источник²⁷.

Гораздо серьезнее выглядели выявленные ЦИК факты, связанные с получением отдельными избирательными объединениями пожертвований от юридических лиц с иностранным участием. При этом обеспечение контроля именно за этой категорией платежей являлось довольно сложной задачей. Тем не менее, ЦИК удалось выявить 9 случаев таких пожертвований. В первую очередь это касалось «Яблока». Однако представители этого избирательного объединения, проведя впоследствии независимую юридическую экспертизу, сочли выводы ЦИК необоснованными²⁸.

Серьезные вопросы возникли к «партии Гайдара», руководство которой обвинялось в проведении предвыборной кампании на американские деньги. Поводом для скандала, разгоревшегося еще в ходе предвыборной кампании, послужила информация о том, что ВР пользовался услугами рекламного агентства из США «Сойер — Миллер», прикомандированного к Госкомимуществу и существовавшего на средства американских налогоплательщиков, выделенных для пропаганды в России идеи приватизации. С 16 по 21 ноября по ТВ было продемонстрировано 5 роликов, подготовленных этим агентством, где содержалась следующая фраза: «Ваш выбор — вы-

²⁷ Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 75; Жуков А. Отчет готов, санкций не будет // Общая ежедневная газета. 1993. 18–24 марта; Пеструхина Е. Бедные переиграли богатых // Московские новости. 1994. 1–8 мая; Звягин Ю. Так сколько же стоили выборы? // Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12; Наумов В.И. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Агафонов С. Откуда деньги у Жириновского // Известия. 1993. 21 декабря; Грищенко В. У «Яблока» нет иностранных спонсоров // 1994. 15–22 мая; Пеструхина Е. Бедные переиграли богатых // Московские новости. 1994. 1–8 мая; Васильев В.И., Постников А.Е. Указ. соч. С. 80; Звягин Ю. Так сколько же стоили выборы? // Российская Федерация. 1994. № 15. С. 12.

бор России». В первоначальном варианте данный слоган имел несколько иное звучание («Ваш ваучер — ваш выбор»), но впоследствии был «оптимизирован» под нужды избирательной кампании. Скандал оказался настолько серьезным, что оппоненты требовали снять «Выбор России» с выборов, а контрольно-ревизионная служба ЦИК потребовала от гайдаровцев объяснений. И хотя служебное расследование показало, что американские рекламисты не имели в виду избирательное объединение «Выбор России», Е.Т. Гайдару приходилось отбиваться от нападков оппонентов, доказывая, что его предвыборный блок делал рекламу исключительно на свои, а не американские деньги. Как бы то ни было, выявленные случаи не влекли правовой ответственности избирательных объединений и кандидатов за использование иностранных средств для нужд своей предвыборной кампании (Положение просто не допускало подобной практики)²⁹.

Заключение

Авторы избирательного закона (т.н. «группа Шейниса») детально не регламентировали вопросы финансирования избирательной кампании, а президентское Положение даже увеличило «контрольные цифры» для избирательных объединений. Это было сделано в контексте проведения первых многопартийных выборов, когда государство, не имея возможности финансово поддерживать новых электоральных акторов, предоставило им широкие возможности для самостоятельного изыскания средств потенциальных спонсоров. Основные пробелы в положениях, регулирующих привлечение негосударственных средств на нужды избирательных кампаний партий и кандидатов, а также отсутствие санкций за нарушения можно списать как на вышеназванное обстоятельство, так и на отсутствие у российского законодателя опыта в вопросах регламентации финансовой стороны выборов.

Надо сказать, что сама избирательная кампания 1993 г. проходила по довольно-таки «сниженным» требованиям, а уполномоченные органы, ответственные за проведение электоральной реформы

²⁹ *Надеин В.* Международный скандал вокруг рекламного ролика // *Известия*. 1993. 30 ноября; *Мандрова Н., Чумаков Э., Бовт Г.* Сам себя не похвалишь // *Ъ*. 1994. 19 апреля; *Одинцова О.* Требуют устранить «Выбор России» // *Независимая газета*. 1993. 2 декабря; *Жуков А.* Отчет готов, санкций не будет // *Общая еженедельная газета*. 1994. 18–24 марта; *Дейнего Е., Калашиникова Н., Цехмистренко С.* Зарубежные наблюдатели нарушений пока не заметили... // *Ъ*. 1993. 7 декабря; Кроме того // *Ъ*. 1993. 10 декабря.

(ЦИК, Минюст, Третейский информационный суд), относились к различного рода злоупотреблениям достаточно лояльно. Причем это касалось не только финансовой стороны дела, но и порядка выдвижения кандидатов в общефедеральном округе, проверки подлинности подписных листов, обеспечения равного доступа к государственным электронным СМИ. В ходе последующих выборов законодатель во многом учел все эти недочеты, поставив партии под более жесткий финансовый контроль под угрозой применения санкций. Однако императивность и всеобщность этих норм и правил вызывали сомнения, особенно после известного случая с «коробкой из-под ксерокса» в ходе президентских выборов 1996 г. Тогда на подобные aberrации «демократическая общественность» старалась не обращать внимания, списывая это на «важность момента». Впоследствии столь «избирательное» отношение к закону сыграло злую шутку с самими поборниками «честных и демократических выборов».

Опыт «учредительных выборов» показал, что денежные средства партий и кандидатов, потраченные в основном на предвыборную рекламу, выступили важным, но отнюдь не решающим фактором. Финансовая составляющая являлась, скорее, эффективным дополнением для раскрутки перспективных избирательных объединений, обладавших аутентичным электоральным профилем. В наибольшей степени этим ресурсом сумела воспользоваться ЛДПР, чья избирательная кампания проходила в формате «театр одного актера», для которого жизненно необходимо стало частое присутствие в теле- и радиоэфире, оплаченном за счет спонсорских средств. Коммунистам и аграриям, имевшим разветвленную сеть своих сторонников, дополнительная ТВ-реклама была не столь необходима. Что касается «партии власти», то здесь финансовые затраты, судя по полученным результатам, себя явно не окупали. Однако это вовсе не значит, что деньги, вложенные в прокремлевские партийно-политические проекты, совсем не влияли на политику. Просто у государства в те дни еще не было *достаточных средств*, чтобы задобрить избирателя, как это имело место в последующие годы.

Литература

Акунченко Е.А., Дамм И.А., Кострыкина В.В., Тепляшин П.В. Антикоррупционный потенциал запрета на финансирование избирательных кампаний в деятельности коммерческих организаций // Журнал Сибирского федераль-

ного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 5. С. 680–692. DOI: 10.17516/1997-1370-0751

Барсукова С.Ю., Денисова-Шмидт Е.В. Политические инвестиции бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110–125. DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08

Биктагиров Р.Т. Становление ЦИК России: начало пути // Гражданин, выборы, власть. 2018. № 3. С. 5–13.

Васильев В.И., Постников А.Е. Выборы в Государственную Думу: правовые проблемы. М.: Бек, 1995.

Волгин Е.И. Электоральная реформа 1993 года в российском политическом дискурсе // Клио. 2017. № 8. С. 175–184.

Горбань А.Е. Павленко Т.В. Проблемы законодательного регулирования финансирования избирательных кампаний в РФ // Евразийское научное объединение. 2021. № 7-2. С. 146–148.

Дегтерев А.А. Нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума: уголовно-правовая характеристика // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 1. С. 24–29.

Елизаров В.П. Финансирование выборов и избирательных кампаний: к вопросу об институциональной принадлежности // Государство. Право. Экономика. Сборник научных статей. Под редакцией Г.Г. Бернацкого. СПб., 2020. С. 31–39.

Ковлер А.Н. Выборы 1993: освоение методов политического маркетинга // Человек, политика, культура: Взгляд через призму политического участия: Сб. ст. Науч. ред. З.М. Зотовой. Тамбов: Нобелистика, 1994. С. 15–28.

Коргунок Ю.Г. Финансирование партий в постсоветской России: между бизнесом и властью // Полития. 2010. № 3-4. С. 87–120.

Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в России 2008–2022: история заката. М.: «НЛО», 2024.

Матвиенко В.М. Организация финансирования избирательной кампании // Вопросы медиабизнеса. 2023. Т. 2. № 1. С. 26–32.

Наумов В.И. Избирательное законодательство России: этапы становления. М.: Московское профсоюзное представительство, 1998.

Сидорова С.А. О совершенствовании норм КоАП РФ о незаконном использовании денежных средств при финансировании избирательной кампании и проведении референдума // Выборы: теория и практика. 2021. № 1. С. 40–42.

Шевурдяев С.Н. Особенности имплементации международных антикоррупционных стандартов финансирования избирательных кампаний (на примере России) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 4. С. 3–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Волгин Евгений Игоревич — кандидат политических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: plytony@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Volgin E. — PhD in Politics, Associate Professor of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: plytony@yandex.ru

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-205-224

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПЛАНИРОВАНИЕ В РОССИИ: СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

И.Н. Молчанов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

9392940@gmail.com

Н.П. Молчанова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

2520641a@gmail.com

Аннотация. В статье раскрывается эволюция плановой деятельности в СССР за годы советской власти и в России в период перехода к рыночным отношениям. В исследовании использованы исторический подход, методы индукции и дедукции, контент-анализ, экспертные оценки. Обобщены отличительные черты первой, второй и третьей довоенных пятилеток, специфика мобилизационной экономики в годы Великой Отечественной войны. Освещены основные задачи четвертой, пятой, шестой послевоенных пятилеток и семилетки 1959–1965 гг., достижения и трудности этого периода социалистического строительства. Проанализированы причины отказа от директивного характера планирования и перехода к индикативному планированию в 1980-е гг., а также разработки планов экономического и социального развития СССР в начале 1990-х гг. Обоснована своевременность перехода от командно-административной к рыночным формам управления. Проиллюстрированы результаты применения методов и инструментов директивного и индикативного планирования, механизмов административно-хозяйственного и экономического регулирования на различных этапах функционирования народного хозяйства страны. Показаны факторы трансформации российской экономики в постсоветский период. Выявлена необходимость активизации деятельности по стратегическому управлению и планированию на постсоветском

экономическом пространстве. Установлены преимущества разработки стратегических документов на субнациональном уровне. Сформулированы рекомендации по распространению методологических основ и практики стратегирования в территориальном и отраслевом разрезах.

Ключевые слова: пятилетние планы, социалистическое строительство, постсоветский период, переход на рыночные отношения, субнациональный уровень, стратегическое планирование.

Для цитирования: Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. Ретроспективный взгляд на планирование в России: советский и постсоветский периоды // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 205–224.

Дата поступления в редакцию: 19.02.2025

RETROSPECTIVE LOOK AT PLANNING IN RUSSIA: SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Molchanov I.N.

Lomonosov Moscow State University; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
9392940@gmail.com

Molchanova N.P.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
2520641a@gmail.com

Abstract. The article reveals the evolution of planning activities in the Soviet Union during the years of Soviet power and in Russia during the transition to market relations. The study used a historical approach, methods of induction and deduction, content analysis, and expert assessments. The distinctive features of the first, second, and third pre-war five-year plans, and the specific features of the mobilization economy during the Great Patriotic War are summarized. The main tasks of the fourth, fifth, sixth post-war five-year plans and the seven-year plan of 1959–1965, as well as the achievements and difficulties of this period of socialist construction, are highlighted. The reasons for abandoning the directive nature of planning and switching to indicative planning in the 1980s, as well as for developing plans for economic and social development of the USSR in the early 1990s are analyzed. The timeliness of the transition from command-administrative to market forms of management is substantiated. The results of application of methods and instruments of directive and indicative planning, mechanisms of administrative-economic and economic regulation at various

stages of functioning of the national economy of the country are illustrated. The factors of transformation of the Russian economy in the post-Soviet period are shown. The need for activation of activities on strategic management and planning in the post-Soviet economic space is revealed. The advantages of development of strategic documents at the subnational level are established. Recommendations on dissemination of methodological bases and practice of strategizing in territorial and sectoral sections are formulated.

Key words: five-year plans, socialist construction, post-Soviet period, transition to market relations, subnational level, strategic planning.

For citation: *Molchanov I.N., Molchanova N.P.* Retrospective look at planning in Russia: Soviet and post-Soviet periods // *Lomonosov Public Administration Journal*. Series 21. 2025. Vol. 22. № 2. P. 205–224.

Received: 19.02.2025

Введение

Экономика России эволюционно развивается на протяжении всего периода существования Российского государства. Начало созданию экономического потенциала страны было положено в первые годы советской власти. Ключевую роль в формировании социалистического хозяйства сыграл план ГОЭЛРО (начало реализации — 1920 г.), в котором предусматривалось развитие электроэнергетической отрасли после Октябрьской революции 1917 г. План ГОЭЛРО был рассчитан на продолжительный временной период и послужил истоком для организации плановой деятельности. В период становления основ социалистической экономики первостепенное внимание уделялось индустриализации страны. Ведущими отраслями были промышленность, сельское хозяйство, транспорт, которые развивались как многоотраслевые народнохозяйственные комплексы. До начала Великой Отечественной войны было реализовано три пятилетних плана; в послевоенный период общегосударственное планирование было восстановлено и практика разработки и исполнения системы пятилетних планов сохранялась до начала 1990-х гг.

После распада СССР начался переход России и других постсоветских стран на рыночные основы хозяйствования. Однако в течение переходного периода 1990-х гг. стало ясно, что обеспечить устойчивые темпы экономического роста и согласованное функционирование многоотраслевого хозяйства без участия государства, полагаясь только на стихию рынка, не представляется возможным. Исследования ученых охватили различные аспекты управления национальной экономикой России. В их числе видное место при-

надлежит вопросам организации отраслевого и территориального управления, поиску приемлемых методов и инструментов государственного регулирования, стратегическому планированию и прогнозированию. Однако до настоящего времени в народнохозяйственном комплексе страны сохраняются нерешенные проблемы. В экспертном сообществе существуют различные мнения по выбору наиболее приемлемых механизмов по актуальным вопросам, требующим своего решения. В их числе — оценка трансформационных процессов и возможности применения инструментов планирования для повышения устойчивого функционирования и темпов развития социально-экономической системы страны.

Эволюция социалистического планирования в годы советской власти

В СССР первый пятилетний план (1928/29–1932/33 гг.) был задуман как продолжение идей электрификации и индустриализации страны, сформулированных в долгосрочном плане ГОЭЛРО¹. Лозунгами второй пятилетки (1933–1937 гг.) стали коллективизация аграрного сектора и крылатое выражение «Кадры решают всё!». Третья пятилетка (1938–1942 гг.) началась под девизом «Догнать и перегнать!». Однако ее успешному завершению помешало начало Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.). С началом Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) советская экономика перешла на мобилизационные рельсы, было налажено проектирование и выпуск образцов военной техники, превосходящих по своим характеристикам зарубежные аналоги. В целом, первый, второй и третий пятилетние планы объединила главная задача — построение фундамента социалистической экономики на основе индустриализации и укрепления обороноспособности страны.

В годы четвертой (1946–1950 гг.) и пятой (1951–1955 гг.) послевоенных пятилеток реализовывались задачи по стабилизации уровня жизни населения и восстановлению разрушенного хозяйства на территориях, оккупированных во время Великой Отечественной войны. Подъем наукоемких отраслей, включая и развитие космической промышленности, был запланирован на годы шестой (1956–1960 гг.) пятилетки. Однако волевым решением Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева был объявлен переход к семилет-

¹ ГОЭЛРО — государственный план развития электроэнергетической отрасли в Советской России после Октябрьской революции 1917 года. Разработан Государственной комиссией по электрификации России по заданию и под руководством В.И. Ленина.

нему плану (1959–1965 гг.). В 1966 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым было принято решение о возврате к государственному планированию на основе пятилетних планов экономического и социального развития страны.

Ретроспективный анализ развития экономики Советского Союза позволяет выявить существенное влияние элементов плановой деятельности на результаты хозяйствования и их важную роль в системе управления. Методология планирования народного хозяйства была детально разработана Госпланом СССР². На научной основе, с учетом достижений хозяйственной практики, составлялись и реализовывались концептуальные и плановые документы разной продолжительности³.

В работах отечественных ученых анализируются различные стороны плановой деятельности в годы социалистического строительства. Отмечается зависимость результатов использования плановых методов от особенностей первых советских лет и задач, которые решались в процессе планирования. Например, в годы новой экономической политики (НЭПа)⁴ планирование было индикативным, адаптированным к условиям рыночных отношений, «а достижение плановых результатов строилось путем воздействия на экономические интересы экономических субъектов»⁵. Именно в этом усматривается «значительное сходство в модели советского планирования в годы НЭПа и тех плановых методов, которые применялись в послевоенный период в Европе, Японии, а затем и в новых индустриальных странах»⁶.

К концу 1980-х гг. Российское государство имело многоступенчатую систему управления, а национальное хозяйство характеризовалось комплексностью, высокой степенью специализации

² См. Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М.: Издательство “Экономика”, 1974. 792 с.

³ Например, на двадцать лет (Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1986–2005 гг. (по пятилетиям)), десять — пятнадцать лет (Основные направления экономического и социального развития СССР на 1976–1980 гг. и на период до 1990 г.), пять лет (Пятилетний план развития народного хозяйства СССР (с разбивкой по годам)), один год (Годовой план развития народного хозяйства СССР (с разбивкой по кварталам)).

⁴ НЭП — экономическая политика, проводившаяся с 1921 по 1928 гг. в Советской России и СССР. Принята в 1921 г. на X съезде РКП(б), сменив политику военного коммунизма, проводившуюся в ходе Гражданской войны и интервенции, которая привела Советскую Россию к экономическому упадку.

⁵ Колганов А.И. Советское планирование: что и почему актуально в XXI веке // Экономическая наука современной России. 2021. № 4(95). С. 127.

⁶ Там же.

и развития кооперационных связей. На съезде народных депутатов СССР в июне 1990 г. был принят очередной, тринадцатый пятилетний план развития страны на 1991–1995 гг. В нем предусматривался комплекс задач по восстановлению экономического роста и повышению благосостояния граждан. Однако вместе с созданием Содружества Независимых Государств (СНГ) в 1992 г. началась реорганизация плановой работы и переход экономики на рыночные методы хозяйствования.

Для советского периода исторического развития характерным было эволюционное развитие административно-командной экономики, строгое исполнение утвержденных решений и контроль за исполнением принятых обязательств. В годы Великой Отечественной войны сформировалась мобилизационная модель экономики, основанная на превалировании производственных отраслей в структуре народного хозяйства и жесткой плановой дисциплине. В послевоенный период внимание концентрировалось на укреплении экономического потенциала страны, применении научно-технических достижений и росте народного благосостояния.

Отличительной чертой 1960–1980-х гг. стал поиск оптимального сочетания факторов интенсивного и экстенсивного экономического роста. Это было обусловлено необходимостью масштабного освоения полезных ископаемых и расширения производственной деятельности на территориях Европейского Севера и в Азиатской части страны, развития внешнеторговых экономических связей и международного сотрудничества. В Сибири и на Дальнем Востоке строились новые промышленные предприятия, реконструировались и модернизировались действующие производственные мощности, развивалось производство энергоресурсов.

Важным достоинством социалистического планирования стало распространение экономико-математических методов и высокопроизводительной вычислительной техники, на что обратили внимание зарубежные исследователи⁷. Еще одним новшеством стал переход на индикативное планирование, которое содержало экономические стимулы для субъектов рынка и весьма существенно отличалось от традиционно применявшегося директивного планирования⁸. Отличительные черты социалистической системы хо-

⁷ Kurkovsky West D. Cybernetics for The Command Economy: Foregrounding Entropy in Late Soviet Planning // *History of the Human Sciences*. 2020. Vol. 33 (1). P. 40.

⁸ Петров А.Н., Демидова Л.Г., Климов С.М., Щербаковский Г.З., Ананов Н.Г. Индикативное планирование: теория и пути совершенствования. СПб.: Знание, 2000. 96 с.; Rosser J.B. Whither Indicative Planning, the Case of France // *Comparative*

зяйства раскрыты в трудах выдающегося венгерского экономиста Яноша Корнай. Он «сосредоточил свое внимание на теории нормативной экономики, предлагая направления структурных реформ, институционального строительства и экономической политики при переходе от социализма к капитализму. ... Сравнивал неравновесие, характеризующееся дефицитом при социализме, с неравновесием, характерным для избытка при капитализме»⁹.

Ввиду высокой актуальности вопросов перспективного освоения, удаленных от центральных районов страны территорий, в научном сообществе активно развивалось основанное на теории экономического районирования экономико-географическое направление. Существенно возросший интерес к пространственным исследованиям подтверждают труды отечественных ученых по вопросам экономического районирования¹⁰. Активизировалось изучение экономического пространства на базе региональной экономики как самостоятельного раздела науки и научной дисциплины¹¹. В научном сообществе было достигнуто понимание того, что эффективное использование экономического пространства страны возможно только на основе познания закономерностей расширенного воспроизводства и перехода к комплексному планированию развития хозяйства административно-территориальных образований¹².

Трансформация методологии и горизонтов планирования в годы постсоветского периода

Новшества, пришедшие в экономику России вместе с переходом на рыночные отношения, способствовали трансформации не только структуры народного хозяйства, но и самих основ плановой работы. В 1990-х гг. ознакомление с зарубежными экономическими теориями инициировало рост интереса к изучению трудов Дж. М. Кейнса и М. Фридмена в целях овладения финансовыми

Economics in a Transforming World Economy / J.B. Rosser, M.V. Rosser. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 179–201.

⁹ Колодко Г.В. Янош Корнай и его знаменательные работы // Вопросы экономики. 2021. № 11. С. 151.

¹⁰ Исаченко А.Г. Развитие географических идей. Москва: Мысль, 1971. 416 с.

¹¹ Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы: монография. 2-е изд. М.: Экономика, 1978. 344 с.

¹² См, например, Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства / НГАЭиУ. М.: Изд-во «Экономика», 1998. 192 с. и Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS, 2000. 368 с.

и монетарными инструментами рыночного управления. Это создало основания для переноса методологии государственного регулирования, применяющейся в развитых зарубежных странах, на российскую почву в целях преодоления накопившегося дисбаланса в развитии национального хозяйства России и внедрения конкурентных механизмов для поддержания устойчивых темпов экономического роста.

В исследованиях зарубежных авторов трансформационные процессы описываются, как правило, более широко и охватывают не только Россию, но и государства Центральной и Восточной Европы. В центре внимания — вопросы реформирования экономик постсоветских стран в течение переходного периода, достоинства и несовершенства проводимых реформ, акцентирование внимания на особенностях проводимой экономической политики и др.¹³

Для стран с формирующимся рынком в 2000-е гг. характерным стало «искусственное свертывание интервенций государства в экономику» в ущерб собственным национальным интересам¹⁴. Вследствие существенного ограничения возможностей развивающихся стран в области регулирования и стимулирования собственного развития пути их «внепланового» экономического возвышения были отчасти перекрыты и «отданы на откуп иностранному капиталу и (или) рыночной стихии»¹⁵. Так, если в 1990 г. доля постсоциалистических стран составляла 5,8%, то в 2004 г. она снизилась до 3,5%. Это свидетельствует об отрицательной динамике распределения добавленной стоимости, созданной в мировой обрабатывающей промышленности, между странами и регионами.

Утверждение рыночных начал привело к пересмотру самих принципов менеджмента и планирования деятельности в целом ряде отраслей, относящихся к сфере услуг¹⁶. В течение 1990–2000-х гг. сформировался сектор услуг (торговых, банковских, финансовых и др.). В этот период в работе учреждений образования, здравоохранения,

¹³ См, например, *Holzmann R., Ritzberger-Grünwald D., Schubert H. 30 Years of Transition in Europe: Looking Back and Looking Beyond in CESEE Countries.* 2020. Edward Elgar Publishing, 256 p. и *Iwasaki I. The Economics of Transition: Developing and Reforming Emerging Economies.* New York, 2020.

¹⁴ Эльянов А.Я. Развивающиеся станы в мировой экономике: тенденции и проблемы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2007. № 2. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Сфера услуг — часть экономики, которая включает в себя все виды коммерческих и некоммерческих услуг; сводная обобщающая категория, включающая воспроизводство разнообразных видов услуг, оказываемых предприятиями, организациями, а также физическими лицами.

ранения, культуры возник и получил распространение рыночный механизм платных услуг. В научной литературе обсуждались проблемы рационального размещения организаций сферы услуг по территории страны, предполагающие создание комфортных условий для потребителей, учет плотности населения и максимальный охват городских и сельских поселений. Главными вопросами стали «равномерность размещения, состоящая в обеспечении доступности услуг для массового потребителя при сохранении традиций и предпочтений местного характера»¹⁷ и «ступенчатость размещения, ориентированная на создание комплексности обслуживания, достигаемой путем сочетания объектов и сооружений различной сложности и технологичности»¹⁸.

2000–2010-е гг. характеризуются активизацией научных исследований по вопросам теории и методологии стратегического планирования и программно-целевой деятельности. Практические результаты этих научных работ были востребованы для ускорения экономического роста и обеспечения сбалансированного пространственного развития¹⁹. Началась разработка и реализация концептуальных и стратегических документов²⁰. Была создана нормативно-правовая база стратегического планирования, основные положения которой распространялись не только на федеральный, но и на нижестоящие уровни государственного и муниципального управления²¹. Данное решение внесло существенные новации в пространственные социально-экономические исследования, поскольку именно такой подход основан на учете фактора территории и масштабов экономики России. Примечательно, что в качестве центрального звена разработки и реализации стратегических

¹⁷ Восколович Н.А. Специфика формирования доступности платных потребительских услуг в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2012. № 3. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ См., например, Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А.Г. Гранберга. Рос. акад. наук, Отд. обществ. наук. М.: Наука, 2004. 719 с.

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития...») // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 22.01.2025).

²¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 20.01.2025).

планов был определен субнациональный уровень, объединяющий разработку документов для макрорегионов, регионов и их структурных единиц.

Экономическое районирование исторически является приоритетной областью научных исследований для России. В эволюционном ключе экономические районы²² формировались вместе со становлением территориального разделения труда. Однако в рамках сложившегося территориального деления в экономических районах²³ не предусмотрено общее административное управление. Это затрудняет организацию стратегического планирования и формирование общего бюджета на макрорегиональном уровне. Наличие последнего представляется весьма востребованным для координации действий исполнителей при реализации крупных инфраструктурных проектов.

Каждый из экономических районов (макрорегионов) формируют субъекты Российской Федерации, перечень которых исходит из соседствующего местоположения, учета особенностей природно-климатических зон и общности хозяйственной деятельности. Минэкономразвития была разработана Стратегия²⁴, согласно которой по каждому из субъектов Российской Федерации сгруппирован перечень перспективных экономических специализаций. Анализ этого документа в части проектируемых экономических специализаций административно-территориальных образований дает представление не только об общности интересов, но и о сложившейся, либо рекомендуемой специализации, а также о тесных кооперационных связях между соседствующими регионами. Все субъекты на законодательной основе наделены функциями по

²² *Экономический район* — это «целостная территориальная часть хозяйства страны, имеющая свою производственную специализацию, прочные внутренние экономические связи». Основополагающие принципы (экономический, национальный и административный) были сформулированы при разработке плана ГОЭЛРО в 1921 г. Они не потеряли актуальности и рекомендуются к соблюдению как обеспечивающие устойчивое функционирование хозяйства экономического района.

²³ На территории России исторически сложилось 12 экономических районов (макрорегионов): Центральный, Центральнo-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный.

²⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 20.01.2025).

управлению подведомственными территориями. Провозглашение федеральных округов, наделенных политическими функциями²⁵, создает основания для согласованного использования элементов макроэкономического управления в административно-территориальных единицах разного ранга (федеральных округах, субъектах Российской Федерации, муниципалитетах.

Востребованность макроэкономического планирования на постсоветском экономическом пространстве

Для современной практики востребованным средством регулирования считается селективное планирование, инструменты которого находят применение в рыночной экономике. Так, современное отечественное планирование носит селективный²⁶ характер и существенно отличается от директивного планирования, имевшего место в СССР, но при этом сохраняет присущие социалистическому периоду развития отличительные черты, например, «выделение общенациональных приоритетов, использование косвенных методов в частном секторе и прямых — в государственном»²⁷. Установлена ценность методологии планирования, которая характерна для позднего капитализма и состоит в соблюдении определенных обществом правил, обязательных «для реализации в том пространстве национальной экономики, на которое распространяется регулирование»²⁸.

В коллективном труде отечественных исследователей подчеркнуты особенности функционирования экономики «в условиях внутреннего системного кризиса и сложившейся нестабильной геополитической обстановки, накладывающей ограничения по достижению устойчивого экономического роста и укреплению позиций России в мире»²⁹. Авторы обращают внимание на кризисогенные

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2000 № 849 (ред. от 04.02.2021) «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23329/ (дата обращения: 23.01.2025).

²⁶ Селективный, от франц. *sélectif* — «отбирающий, выбирающий; выборочный».

²⁷ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // *Terra Economicus*. 2017. Т. 15. № 1. С. 29–43. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-1-29

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации / под науч. рук. д.э.н. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. С. 3.

условия хозяйствования в постсоветский период³⁰, сложные макроэкономические и структурные сдвиги, проблему реиндустриализации экономики как центральную для обеспечения национальной безопасности и др.

В неустойчивой геополитической обстановке в развитых странах принимаются меры по усилению роли промышленности и ее модернизации, с которой связываются планы по неоиндустриализации как эффективной мере по переводу экономики из состояния стагнации и обеспечению инновационности развития высокотехнологичных отраслей. В экспертном сообществе сформировалось понимание «новой индустриализации»³¹ как стратегического курса экономической политики, рассчитанного на «прорывные технологии», охватывающие не только новые отрасли и сектора промышленности, но и распространение их в традиционных отраслях и секторах всего народного хозяйства³².

Рядом исследователей сформулированы предложения о переходе от односторонних определений и характеристик российской экономики к ее всесторонней оценке и применению системного подхода. Так, существует «комплекс признаков, характеризующих внутреннее строение российской экономической системы: состояние рынка, система воспроизводства, структура экономики, основные социально-экономические институты и т.д.»³³. На этой основе рекомендуется «учитывать исторические условия, которые способствовали формированию российской экономики как своеобразного варианта смешанной экономики со значительной долей государственного участия и структурой частной собственности, образовавшейся в значительной степени в результате ее неэкономического передела»³⁴. Такой ретроспективный подход позволяет

³⁰ Начало *постсоветского периода* связано с разрушительно-созидательными процессами 1989–1991 гг. в Советском Союзе, а его завершение — с рядом трагических событий на постсоветском пространстве весной 2022 г.

³¹ Новая индустриализация как процесс изменения (диверсификации) отраслевой структуры промышленности на основе широкомасштабного внедрения новых технологий может рассматриваться в разрезе ряда аспектов: макроэкономического, структурного, технологического, ресурсного, институционального.

³² Ленчук Е.Б., Власкин Г.А., Филатов В.И. Новая индустриализация — условие формирования инновационной модели развития российской экономики // Федерализм. 2014. № 1. С. 20.

³³ Колганов А.И., Кульков В.М., Хубиев К.А., Титова Н.И. Российская экономика: системный взгляд // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 3. С. 3.

³⁴ Там же.

яснее представить трансформацию социально-экономической системы и сформулировать рекомендации о возможных сочетаниях приоритетных векторов и вариантов ее будущего развития.

Усиление роли стратегического планирования в проектировании плановой деятельности

В текущих геополитических условиях возрастает потребность в укреплении внутривнутригосударственных межрегиональных хозяйственных и кооперационных связей между административно-территориальными единицами разного ранга, обновлении механизмов управления пространственным развитием России. Целесообразным представляется выбор в качестве территориальных координационных центров федеральных округов как основных таксономических единиц³⁵.

Анализ литературных источников и нормативно-правовой базы свидетельствует о наличии в методологии стратегического планирования проблемных зон. Не завершено формирование прогнозной базы³⁶ и долгосрочной стратегии развития России. Однако эти документы по определению являются ключевыми ориентирами для разработки стратегий субнационального уровня. Одновременно, отмечено увеличение числа разрабатываемых стратегических проектировок для муниципального уровня управления и их недостаточная согласованность с действующими правовыми документами и методическими рекомендациями, отсутствие увязки с ресурсной базой и др.³⁷

Многогранность стратегического планирования подтверждается специальным характером инструментов, которые целесообразно применять в практической деятельности. Если исходить

³⁵ *Таксон* — группа в классификации, состоящая из дискретных объектов, объединяемых на основании общих свойств и признаков. *Таксономия* — учение о принципах и практике классификации и систематизации сложноорганизованных иерархически соотносящихся сущностей. Принципы таксономии применяются во многих научных областях знаний, для упорядочивания объектов географии, геологии, языкознания, этнографии и всего многообразия органического мира.

³⁶ Эксперты обращают внимание на отсутствие комплексного подхода к рекомендуемому составу (перечню) подлежащих разработке и реализации стратегических планов и программ. Например, до настоящего времени не практикуется составление стратегического прогноза, который по замыслу законодателей относится к основополагающим документам стратегического планирования.

³⁷ *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // *Экономическое возрождение России*. 2021. № 2(69). С. 26.

из совокупности всех когда-либо применявшихся в управлении национальной экономикой видов планов, то стратегическому плану по праву принадлежит центральное место в данной системе. По заключению член-корреспондента РАН Г.Б. Клейнера, характерными параметрами стратегического плана выступают качество, пространство и время. Именно в стратегии концентрируются качественные ориентиры, на основе которых формируется образ объекта планирования не только в пространственном, но и во временном аспектах³⁸. Исключительное значение имеет переход от традиционных объектов к социально-экономическим системам (экосистемам), в которых нет единого органа управления и, следовательно, возникает вопрос о нецелесообразности применения административных методов регулирования. Вследствие этого повышается вероятность расширения в межведомственных отношениях «низкобарьерного межуровневого взаимодействия» [Клейнер 2021, с. 51]. В таком случае важная роль в налаживании взаимодействия между участниками процесса стратегического планирования будет отводиться репутационным институтам (как формальным, так и неформальным).

Новое стратегическое мышление при смене технологического и мирохозяйственного укладов

В течение всего постсоветского периода российская экономика переживала переход от плана к рынку, т.е. трансформацию, которая проявлялась в «замедлении экономического роста». «На эти долгосрочные тенденции наложились три кризиса (начавшиеся в 1998, 2008 и 2014 гг.), вызванные в основном экзогенными шоками»³⁹. Российская экономика в это время находилась под влиянием целого ряда разнонаправленных, но при этом одновременно протекающих под влиянием внутренних и внешних причин объективных процессов. Так, постсоветский период характеризовался распадом Советского Союза, образованием новых независимых государств на его экономическом пространстве, сменяющими друг друга «демографическими волнами» и годами депопуляции населения, несовершенством проводимой экономической политики, отсталостью научно-технологической и производственной

³⁸ Клейнер Г.Б. Системно-ориентирное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономики. 2021. № 2 (26). С. 48.

³⁹ Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. Взгляд на российскую экономическую трансформацию // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 143.

базы. И, как следствие, «глобализация экономики, изменение климата, экологические проблемы, исчерпание природных ресурсов, долгосрочные технологические сдвиги, глобальные политические процессы и т.п.»⁴⁰ вполне закономерно стали общемировыми тенденциями.

В изменяющихся геополитических условиях целевым ориентиром российской экономики является сохранение положительной динамики макроэкономических показателей и достижение устойчивых темпов экономического роста. В трудах академика РАН С.Ю. Глазьева раскрываются механизмы организации «рывка» в развитии российской экономики и проведения согласованной макроэкономической политики в сложных условиях смены технологического и мирохозяйственного укладов; на вариативной основе подготовлено стратегическое видение опережающего развития России в условиях глобального кризиса; представлен комплекс мер по обеспечению безопасности национальных валютно-финансовой и информационной систем; сформулированы предпосылки евразийской интеграции и обозначены перспективы ее расширения в будущем⁴¹.

Минэкономразвития, исходя из задач достижения национальных целей и обеспечения национальной безопасности, разработан новый долгосрочный документ стратегического характера, в котором на базе сформулированных принципов, основных направлений и задач, приоритетов пространственного развития предусматривается формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики страны⁴². Для достижения целей, задач и показателей Стратегии потребуются синхронизация действующей совокупности документов стратегического планирования, в том числе территориального и отраслевого характера, национальных проектов и государственных программ, регламентирующих социально-экономическое развитие Российской Федерации.

⁴⁰ Там же. С. 143.

⁴¹ Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

⁴² Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 23.01.2025).

Весьма эффективным инструментом для обеспечения перехода к экономическому росту выступает технология стратегирования⁴³, разработанная академиком, Иностранным членом РАН В.Л. Квинтом и в обобщенном виде изложенная в его работах. Например, политика, стратегия и тактика определены как «три самостоятельные категории, являющиеся взаимосвязанными аспектами стратегического руководства и управления»⁴⁴. Характерно то, что стратегия рассматривается данным ученым как наука, которая находится на начальном этапе своего формирования. В этой связи правомерно предположить, что повышение научной обоснованности принимаемых на субнациональном уровне управленческих решений тесно увязывается со степенью разработанности теоретической базы стратегирования.

При создании отраслевых и территориальных стратегий разработчикам необходим осознанный выбор движения к заявленной цели. Для успешного решения поставленных задач стратегам предлагается ориентироваться на различные варианты стратегического мышления. Первый из них — «стратегия новых горизонтов», второй — «стратегия улучшений», третий — «стратегия совмещений»⁴⁵. Опираясь на научные основы стратегирования, становится возможным выстраивание вариантов практического применения полученных знаний. В аналитической деятельности по реализации и контролю за исполнением национальных проектов существует опасность появления даже «одной неверной стратегической идеи, которая способна разрушить и свести на нет все, что уже достигнуто»⁴⁶.

Для продуктивного овладения всех заинтересованных сторон и обучающихся научным основам формирования оригинальных отраслевых и территориальных стратегий, требуется создание общедоступного методического обеспечения и комплекса организационных мер по внедрению принципов и правил стратегирования в проектную деятельность. Для практики хозяйствования исключительно важным является овладение методологией составления

⁴³ Процесс *стратегирования* подразумевает выполнение в режиме реального времени функций планирования, мониторинга, анализа и оценки принимаемых для достижения поставленных целей мер.

⁴⁴ *Квинт В.Л.* Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 58.

⁴⁵ Там же. С. 42.

⁴⁶ Там же. С. 58.

на вариативной основе территориальных и отраслевых стратегий, технология разработки и реализации которых представлена в трудах исследователей научной школы под руководством В.Л. Квинта МШЭ МГУ имени М.В. Ломоносова.

В связи с ростом масштабов экономики, усложнением отраслевой структуры промышленности и народного хозяйства в целом, приоритетной частью плановой деятельности министерств и ведомств становится составление отраслевых стратегий и контроль за их исполнением. «Концептуальная схема композиционирования итогового документа отраслевой стратегии, включающая в себя формирование таких элементов отраслевой стратегии, как задачи, стратегический сценарий, тактический блок реализации, стратегия входа и стратегия выхода»⁴⁷ детально раскрывается в развернутых методологических положениях, представленных в научных публикациях. В комплект документов, предназначенных для реализации отраслевой стратегии, входят стратегический план, дорожные карты, программы и проекты. В высокой степени значимыми и масштабными по объемам привлекаемых ресурсов проектами, на примере которых целесообразно реализовывать различные авторские методики стратегирования, выступают Стратегия развития Сибири⁴⁸, построенная на основе кластерного подхода⁴⁹ и стратегии других федеральных округов Российской Федерации.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, представляется правомерным вывод о целесообразности более активного обсуждения научной общественностью результатов исследований РАН, овладения зна-

⁴⁷ Сасаев Н.И. Основы отраслевого стратегирования: от концепции стратегии до ее реализации // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 1. С. 7.

⁴⁸ Распоряжение Правительства РФ от 26.01.2023 г. № 129-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438649/ (дата обращения: 23.01.2025).

⁴⁹ Целевой сценарий стратегии предполагает реализацию инвестиционных проектов в рамках восьми индустриальных кластеров: «Лес, лесопереработка и лесохимия», «Переработка алюминия», «Драгоценные металлы», «Цветные и редкоземельные металлы», «Туризм», «Сельское хозяйство и пищевая промышленность», «Нефть и газ» и «Уголь». В рамках целевого сценария к 2030 г. станет возможным создание в регионах Сибирского федерального округа более 500 тыс. новых рабочих мест и привлечение более 16 трлн руб. инвестиций. На проектную мощность кластеры, как ожидается, выйдут с 2026 года, а их полное развертывание намечено на 2030–2035 гг.

ниями о преимуществах научных постулатов стратегии как науки и других инициативных разработок российских ученых. Целенаправленное распространение инноваций и их практическое применение представляется весьма востребованным на постсоветском пространстве. Это обусловлено прогрессивными тенденциями в стремлении мирового сообщества к продуктивному межстрановому взаимодействию в различных отраслях производственной деятельности, науки, образования, культуры и искусства. В соответствии с активно протекающими трендами регионализации активно формируются интеграционные объединения дружественных стран из разных регионов мира. Это выдвигает на первый план вопросы апробации востребованных практикой новшеств и нововведений в различных сферах экономики. Необходимо формирование системно выстроенной структуры элементов управления с раскрытием всего набора инструментов и механизмов их внедрения. На этой основе можно сформулировать комплексное видение развития системы стратегического планирования в будущем.

Литература

Баранов Э.Ф., Бессонов В.А. Взгляд на российскую экономическую трансформацию // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 142–158.

Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. Т. 15. № 1. С. 29–43. DOI: 10.23683/2073-6606-2017-15-1-29-43

Восколович Н.А. Специфика формирования доступности платных потребительских услуг в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2012. № 3. С. 3–11.

Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.

Исаченко А.Г. Развитие географических идей. Москва: Мысль, 1971. 416 с.

Квинт В.Л. Концепция стратегирования: монография. 2-е издание. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с.

Клейнер Г.Б. Системно-ориентирное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономии. 2021. № 2 (26). С. 45–56. DOI: 10.5281/zenodo.5040288

Колганов А.И. Советское планирование: что и почему актуально в XXI веке // Экономическая наука современной России. 2021. № 4(95). С. 127–122. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-127-132

Колганов А.И., Кульков В.М., Хубиев К.А., Титова Н.И. Российская экономика: системный взгляд // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2022. № 3. С. 3–21. DOI: 10.38050/01300105202231

Колодко Г.В. Янош Корнай и его знаменательные работы // Вопросы экономики. 2021. № 11. С. 151–159. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-11-151-159

Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS, 2000. 368 с.

Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. 2021. № 2(69). С. 25–30. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-3-69-25-30

Ленчук Е.Б., Власкин Г.А., Филатов В.И. Новая индустриализация — условие формирования инновационной модели развития российской экономики // Федерализм. 2014. № 1. С. 19–46. DOI: 10.21686/2073-1051-2014-1-19-46

Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации / под науч. рук. д. э. н. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 144 с.

Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства / НГАЭиУ. М.: Изд-во «Экономика», 1998. 192 с.

Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы: монография. 2-е изд. М.: Экономика, 1978. 344 с.

Петров А.Н., Демидова Л.Г., Климов С.М., Щербаковский Г.З., Ананов Н.Г. Индикативное планирование: теория и пути совершенствования. СПб.: Знание, 2000. 96 с.

Сасаев Н.И. Основы отраслевого стратегирования: от концепции стратегии до ее реализации // Экономика промышленности. 2023. Т. 16. № 1. С. 7–19. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-1-7-19

Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации / под ред. А.Г. Гранберга. Рос. акад. наук, Отд. обществ. наук. М.: Наука, 2004. 719 с.

Эльянов А.Я. Развивающиеся станы в мировой экономике: тенденции и проблемы // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 2. С. 3–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2007-2-3-15

Holzmann R., Ritzberger-Grünwald D., Schubert H. 30 Years of Transition in Europe: Looking Back and Looking Beyond in CESEE Countries. 2020. Edward Elgar Publishing, 256 p.

Iwasaki I. The Economics of Transition: Developing and Reforming Emerging Economies. New York, 2020.

Kurkovsky West D. Cybernetics for The Command Economy: Foregrounding Entropy in Late Soviet Planning // History of the Human Sciences. 2020. Vol. 33(1). P. 36–51. DOI: 10.1177/0952695119886520

Rosser J.B. Whither Indicative Planning, the Case of France // Comparative Economics in a Transforming World Economy / J. B. Rosser, M. V. Rosser. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. P. 179–201.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Молчанов Игорь Николаевич — доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; *e-mail*: 9392940@gmail.com

Молчанова Наталья Петровна — доктор экономических наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: 2520641a@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Molchanov I. — doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: 9392940@gmail.com

Molchanova N. — doctor of Economics, Professor, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: 2520641a@gmail.com

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2025-2-225-246

МОЛОДЕЖНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЗДНЕГО СССР (1980-е гг.) И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (1990-е гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н.С. Чипенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

nik-chip@yandex.ru

Аннотация. Исследование молодежных организаций позднесоветского и раннего постсоветского периода актуально, поскольку именно тогда происходит трансформация их привычной для СССР системы, основанной на доминировании государственных молодежных объединений во главе с ВЛКСМ, в новую реальность, где возрастает роль и влияние неформальных движений, больше отвечающих реальным потребностям молодежи. Целью данной статьи является анализ, систематизация и периодизация трудов отечественных ученых, посвященных молодежным организациям 1980–1990 гг. в России, с последующей характеристикой выявленных этапов историографии. Для достижения цели исследования применяются методы: историко-хронологический, позволяющий произвести авторскую периодизацию литературы, историко-сравнительный, направленный на сопоставление оценок организаций учеными, и историко-системный, необходимый для обобщения исследуемого материала. В ходе исследования отмечена особенность историографии молодежных организаций: сочетание в исследованиях исторических и социологических методов. В анализируемой литературе есть терминологические расхождения и отсутствует единый критерий отнесения к молодежи. Автором выявлены четыре этапа историографии: позднесоветский «доперестроечный» период (1980–1985), историография периода «перестройки» (1985–1991), ранний постсоветский период (1992–1998), современный период (1998 — настоящее время). Указанные периоды отличаются по степени политизированности и тематическому вектору исследований. Автором сделаны выводы о предпосылках создания и специфике научных работ внутри каждого периода.

Ключевые слова: ВЛКСМ, комсомол, неформалы, молодежные организации, «перестройка», историография.

Для цитирования: Чипенко Н.С. Молодежные организации позднего СССР (1980-е гг.) и постсоветской России (1990-е гг.) в отечественной исследовательской литературе // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22. № 2. С. 225–246.

Дата поступления в редакцию: 10.02.2025

YOUTH ASSOCIATIONS OF THE LATE USSR (1980) AND POST-SOVIET RUSSIA (1990) IN RUSSIAN RESEARCH LITERATURE

Chipenko N.S.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
nik-chip@yandex.ru

Abstract. The study of youth associations of the late Soviet and early post-Soviet periods is relevant, because it was then their system based on the dominance of state youth organizations led by the Komsomol, was transformed into a new one, where the role and influence of informal associations were increasing. The informal ones were more responding to the real needs of youth. The purpose of this article is to analyze, systematize and periodize the works of Russian scientists devoted to youth organizations of the 1980s and 1990s in Russia, followed by a description of the identified stages of historiography. To achieve the purpose of the research, the following methods are used: historical and chronological, which allows for the author's periodization of literature, historical and comparative, aimed at comparing the assessments of organizations by scientists, and historical and systematic, necessary for the generalization of the studied material. In the course of the study was noted a combination of historical and sociological methods in the works of scientists. The author points out terminological discrepancies in the analyzed literature and there is no single criterion for attribution to youth. The author identifies four stages of historiography: the late Soviet “pre-perestroika” period (1980–1985), the historiography of the “perestroika” period (1985–1991), the early post-Soviet period (1992–1998), and the modern period (1998–present). These periods differ in the degree of politicization and the thematic vector of research. The author draws conclusions about the prerequisites for the creation and specifics of scientific papers within each period.

Key words: VLKSM, All-Union Leninist Communist League of Youth, informals, youth organizations, “perestroika”, historiography.

Введение

Изучение деятельности молодежных организаций 1980–1990 гг. проводится для разработки методов анализа ситуации в молодежной среде, совершенствования системы современных государственных молодежных организаций и концепций молодежной политики России с учетом прошлого опыта.

Выявление целей и методов, а также результатов изучения молодежных организаций 1980–1990 гг. позволяет понять характер анализа объекта исследования учеными, оценить степень изученности данного вопроса и существующие на данный момент лакуны в научном знании, выявить и охарактеризовать этапы изучения молодежных организаций в рамках обозначенного периода.

Цель статьи состоит в анализе, систематизации и периодизации имеющейся научной литературы по теме молодежных организаций в СССР 1980-х гг. и России 1990-х гг. с последующей характеристикой выявленных этапов. Описание и периодизация историографии молодежных организаций представлены в работах ряда исследователей, в частности, А.С. Запесоцкого¹, А.П. Файна², А.М. Карафелова³, Т.Ю. Тяпкиной⁴. Указанные ученые делят историографию на советский и постсоветский периоды. В статье проводится более детальная периодизация, отличающаяся от классической схемы советский/постсоветский, но учитывающая при выделении этапов историографии в том числе и данный критерий. Для решения задач исследования в статье используются: историко-хронологический метод, необходимый для разработки периодизации историографии

¹ Запесоцкий А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции [Электронный ресурс]. URL: https://www.gup.ru/uni/rektor/molod_1996.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

² Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь...: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Политиздат, 1990.

³ Карафелов А.М. Неформальные молодежные объединения СССР в 80-е — начале 90-х гг. XX в.: историческое исследование: на материалах г. Москвы: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴ Тяпкина Т.Ю. Опыт деятельности молодежных общественных организаций в сферах воспитания, образования и формирования трудовой активности молодежи: 60-е — 80-е годы XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013.

исследуемого вопроса; историко-сравнительный, направленный на выявление общих черт и различий в оценке объекта исследования авторами статей и монографий; историко-системный, позволяющий систематизировать труды ученых, входящие в историографию, на основании общего объекта их исследования — молодежных организаций.

Позднесоветский «доперестроечный» период (1980–1985)

Вплоть до середины 1980 гг. историография молодежных организаций СССР носит выраженно политизированный характер, опираясь на работы видных теоретиков марксизма-ленинизма. Труды ученых⁵ отличаются основательностью подхода, привлекаемая обширный фактологический материал, исследователи обобщают информацию о молодежи, молодежной политике партии и Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ). Исследования, в первую очередь, направлены на обоснование важности роли комсомола в идеологическом воспитании и значимости занимаемого им места в организационной структуре советского общества. Ниже рассмотрены наиболее типичные работы этого периода — монографии И.М. Ильинского и В.К. Криворученко.

В.К. Криворученко в книге «Единство цели»⁶ анализирует комсомольскую организацию с позиций системного метода, относя ее к элементам политической системы советского общества. В работе были исследованы принципы, формы и методы партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. Иллюстрируя свои теоретические обобщения, ученый опирается на Конституцию СССР, материалы стенограмм съездов КПСС, данные Политбюро и Секретариата КПСС. К достоинствам источниковой базы стоит отнести задействование документов из архивов обко-

⁵ Азбука комсомольской работы в школе. М.: Молодая гвардия, 1981; *Ильинский И.М.* ВЛКСМ в политической системе советского общества. М.: Молодая гвардия, 1981; *Криворученко В.К.* Единство цели: некоторые аспекты партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. М., 1980; *Лисов В.И.* Ленинский комсомол — активный помощник КПСС в осуществлении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи: 1971–1980 гг.: на материалах областей Центрального Черноземья: Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1984; *Плакий С.И.* Твой молодой современник: Проблема совершенствования образа жизни рабочей молодежи в зеркале социологии. М.: Молодая гвардия, 1982.

⁶ *Криворученко В.К.* Единство цели: некоторые аспекты партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. М., 1980.

мов и крайкомов, местных партийных органов. Методологической основой исследования стали фундаментальные труды в области марксизма-ленинизма, в частности, работы В.И. Ленина, Л.И. Брежнев, В.А. Сулемова, Б.П. Пастухова и других ученых.

Партийное руководство трактуется В.К. Криворученко как естественная закономерность функционирования ВЛКСМ. Комсомол фигурирует в монографии как общественно-политическая организация, помощник партии в идеологическом наставлении народа: «В условиях зрелого социализма партия, руководящая и направляющая сила советского общества, ядро его политической системы, государственных и общественных организаций, углубляет и расширяет свою деятельность по руководству комсомолом, приводит ее в соответствии с развитием общества, с новыми задачами, вставшими на пути строительства коммунизма»⁷.

При этом В.К. Криворученко не отождествляет партию и комсомол, отмечая лишь совпадение их целей и усилий в плоскости формирования идеологии молодежи. В.К. Криворученко вслед за В.И. Лениным подчеркивает организационную самостоятельность комсомола⁸. На ценность этой ремарки в контексте дальнейшего исследования молодежных организаций указывает то, что позднее по этой теме разовьется дискуссия и ученые⁹ будут указывать на чрезмерную централизацию управления комсомолом, оказание партией сильного влияния на его структуру и руководство, что привело к утрате той самой организационной самостоятельности, исчезновению демократических элементов управления. В то же время самой партией это отрицалось со ссылками на то, что формально комсомол имеет свой устав, символику и т.п. Наметившийся отход от того, что завещал Ленин, стал одним из факторов необходимости «перестройки»¹⁰.

Другой классический пример советской научной риторики по теме комсомола — монография И.М. Ильинского «ВЛКСМ в политической системе советского общества»¹¹. Исследователь проводит

⁷ Указ. соч. С. 12.

⁸ Указ. соч. С. 15.

⁹ *Ильинский И. М. Комсомол в перестройке.* М., 1987; *Мухамеджанов М.М. Комсомол: Последние десять лет (1981–1991) // Знание. Понимание. Умение.* 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ильинский И.М. ВЛКСМ в политической системе советского общества.* М.: Молодая гвардия, 1981.

комплексный анализ ВЛКСМ как организации с позиций системного подхода. Ученый исходит из основных категорий комсомольского строительства, определяющих логику и структуру исследования: классовой природы организации, причин ее возникновения, социального назначения, сущности, функций и социальных связей. Важным аспектом разработки теории молодежной организации является данное И.М. Ильинским определение: «Организация — это средство упорядочения человеческой деятельности, достижения целей, которые люди ставят перед собой в различных сферах жизни»¹².

Функции ВЛКСМ И.М. Ильинский определяет как «основные виды, направления и стороны деятельности союза, обусловленные его социальным назначением и вытекающие из его уставных целей и тех задач, которые ставит КПСС на определенных этапах строительства нового общества»¹³. И.М. Ильинский уже в начале 1980 гг. указывал на необходимость реального, а не формального функционирования ВЛКСМ: «Бездействующая организация развивается по нисходящей линии, деградирует, распадается»¹⁴. Саму деятельность комсомола ученый подразделяет на три направления: 1) материально-производственное, 2) социально-политическое, 3) воспроизводство и развитие человека. Наиболее важным И.М. Ильинский считает второе направление. Отдельное внимание в книге уделяется характеру отношений ВЛКСМ и прочих организаций.

Рассмотренные монографии схожи как в методологическом плане, так и по своей структуре. Их задача — максимально комплексно проанализировать ВЛКСМ, описать его функции и деятельность. К недостаткам этих работ можно отнести политическую ангажированность и отсутствие критики комсомола, а также упоминания неформальных молодежных организаций, сам факт наличия которых указывал на то, что не все потребности молодежи удовлетворяет комсомол. Однако это не означает, что ученые идеализировали ВЛКСМ: в более поздней монографии И.М. Ильинского «Комсомол в перестройке» дан подробный анализ организационного кризиса комсомола и его причин. Вероятно, политическая конъюнктура не позволяла авторам открыто выразить свое мнение.

¹² Указ. соч. С. 45.

¹³ Указ. соч. С. 116.

¹⁴ Там же.

Историография периода «перестройки» (1985–1991)

Во второй половине 1980 гг. начали проявляться носившие ранее по большей части скрытый характер проблемы советского общества¹⁵. Возникла потребность в реформировании комсомола как основного молодежного движения страны. Проблемы организации заключались в формализованности членства и деятельности в ней, несамостоятельности региональных подразделений, отсутствии коллегиальности в управленческих решениях и выборе руководства. На то, что ВЛКСМ нуждался в реформировании, указывалось в материалах XXVII съезда КПСС, Пленумов ЦК КПСС (1985, 1987), на заседаниях съездов ВЛКСМ, «перестройка» комсомола обсуждалась в публицистике.

Откликается на повестку «перестройки» и научное сообщество. Для историографии эпохи «гласности» характерен выраженный критический подход к оценке деятельности комсомольской организации. Ученые указывают на косность, неэффективность официальных государственных молодежных организаций, несоответствие их реальным потребностям молодежи.

В качестве решения данной проблемы Э.Ш. Камалдинова предлагает составить социальный портрет молодежи средних специальных учебных заведений, который поможет понять мнения и пожелания молодых людей относительно принципов реформирования ВЛКСМ¹⁶.

Проблема адаптации деятельности комсомольского движения к реальным запросам общества, а также мотивации молодых людей в составе комсомольской организации поставлена и в статье Г.В. Володиной «Участие комсомольских организаций трудовых коллективов в идейно-воспитательной работе школы». Исследователь указывает на показное морализаторство ВЛКСМ и отсутствие реальной работы по формированию коллективистской морали у школьников. Для проблемы социализации в духе коллективистских ценностей Г.В. Володина предлагает нестандартное решение — организацию в рамках ВЛКСМ общения учащихся с молодыми производственниками: «Неформальное общение подростков с производственниками делает школьников непосредственными свидетелями труда

¹⁵ Бушуев А.С. Система органов ВЛКСМ и молодежь СССР в годы Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2023. С. 410–420.

¹⁶ Камалдинова Э.Ш. Теоретические проблемы повышения воспитательной роли комсомола в школе // Вопросы совершенствования деятельности пионерских и комсомольских организаций в условиях реформы. М.: ВКШ, 1987. С. 3–16.

старших, предоставляя широкую возможность личного участия в общественно-политической и производственной деятельности трудового коллектива»¹⁷.

И.М. Ильинский в монографии «Комсомол в перестройке» тщательно анализирует причины кризиса комсомола, выделяя три группы проблем: 1) внутренние организационные противоречия самого комсомола 2) социально-экономические проблемы молодежи, в решении которых комсомол по своему статусу должен был бы принимать участие, но не принимал, 3) «разрыв между потребностями, ожиданиями и требованиями общества к комсомолу и возможностями комсомола в их удовлетворении»¹⁸. Свои выводы ученый делает на основании анализа данных опросов, проведенных сотрудниками научно-исследовательского центра Высшей коммунистической школы (НИЦ ВКШ) в феврале — апреле 1987 г., выборка которых составила более 3000 респондентов — членов ВЛКСМ. И.М. Ильинский констатирует неудовлетворенность молодежи своими правами на производстве, «противоречие между ролью молодежи в производстве и экономике страны»¹⁹, что в итоге приводит к отсутствию хозяйского отношения к средствам производства и трудовому процессу. Подобные тенденции отмечаются и О.И. Павловой, по данным исследований которой, остаточный принцип поощрения молодежи в соцсоревновании существенно снижает ее мотивацию к работе²⁰. Опросы НИЦ ВКШ выявили ценностные и идейные установки молодежи, отличающиеся от официально декларируемых, а также низкую эффективность политического влияния ВЛКСМ²¹.

Важным условием реформирования ВЛКСМ ученый считал изменение восприятия молодежи как объекта воздействия и признания ее субъектности, что приведет к совершенно новому подходу в практиках социализации. Ученый подчеркивает необходимость «перестройки» не только внутри комсомола, но и в отношениях его как системы с внешней системой-средой, т.е.

¹⁷ Володина Г.В. Участие комсомольских организаций трудовых коллективов в идейно-воспитательной работе школы // Вопросы совершенствования деятельности пионерских и комсомольских организаций в условиях реформы. М.: ВКШ, 1987. С. 77.

¹⁸ Ильинский И.М. Комсомол в перестройке. М., 1987. С. 11.

¹⁹ Указ. соч. С. 6.

²⁰ Павлова О.И. Рабочая молодежь. Проблемы социального развития в 70-е — начале 80-х гг.: на материалах Ленинграда. М.; СПб.: ИРИ, 1993. С. 139–55.

²¹ Ильинский И.М. Комсомол в перестройке. М., 1987. С. 10.

советским обществом. Ключевой идеей в процессе «перестройки» комсомола И.М. Ильинскому видится его демократизация.

А. Зинченко, рассматривая комсомол с позиций государственного управления, указывает на то, что существование в стране единственной официальной молодежной организации — неправильно выбранная стратегия, вызвавшая в итоге кризис легитимности и неэффективность этой организации. Ученый предлагает распределить часть обязанностей, выполняемых ВЛКСМ, между министерством по делам молодежи и молодежными профсоюзами. Кроме того, А. Зинченко видит четыре варианта комплексного реформирования ВЛКСМ: 1) создание на базе комсомола «молодежной общественной организации с приоритетом социально-защитной функции, с широчайшим политическим и идеологическим плюрализмом внутри, не ориентирующейся на какую-либо крупную политическую силу или партию», 2) перекавалификацию ВЛКСМ в государственную службу по делам молодежи, 3) превращение комсомола в молодежную организацию партии, 4) создание на базе ВЛКСМ общественно-политической молодежной организации, ориентирующейся на систему ценностей левого движения, соединяющей и общественный, и политический характер деятельности, сотрудничающей с КПСС»²².

В эпоху «гласности» ученые начинают обращаться и к ранее табуированной теме субкультур и неформальных молодежных организаций. И.М. Ильинский высказывает прогрессивную точку зрения, подчеркивая адекватность стремления молодежи выразить идентичность через визуальный образ или музыку²³, Н.М. Кейзеров и Е.А. Ножин полемизируют с ним²⁴, подчеркивая озабоченность идеологической направленностью движения рокеров.

Появляются монографии, посвященные неформальным организациям. В книге А.В. Громова и О.С. Кузина «Неформалы. Кто есть кто?»²⁵ предпринята попытка описания существующих в стране неформальных молодежных объединений. Авторы дают опре-

²² Зинченко А. Некоторые особенности и противоречия развития молодежного движения в СССР // Общественные движения и социальная активность молодежи: материалы Всесоюзной научной конференции «Человек в системе общественных отношений». М.; Краснодар: Управление печати и массовой информации Краснодарского райисполкома, 1991. С. 233.

²³ Ильинский И.М. Комсомол в перестройке. М., 1987.

²⁴ Кейзеров Н.М., Ножин Е.А. Идеологическая борьба: вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987. С. 172.

²⁵ Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.

деление подобных объединений, пытаются их систематизировать. Однако при классификации незарегистрированных молодежных формирований наблюдается логическое несоответствие: авторы делят их на «неофициальные самостоятельные формирования» и «формирования негативной направленности»²⁶. К первым отнесены незарегистрированные и не имеющие четких программ молодежные формирования; ко вторым — «формирования, имеющие асоциальную и антисоциалистическую направленность»²⁷. Помимо нелогичности, подобная классификация имплицитно указывает на то, что все незарегистрированные неформальные организации носят негативный характер, что не может быть в полной мере объективным.

Монография А.С. Запесоцкого и А.П. Файна «Эта непонятная молодежь: проблемы неформальных молодежных объединений»²⁸ написана с обширным привлечением фактологического материала. Источниковая база исследования включает как документальные (программные тексты, манифесты молодежных организаций), так и нарративные (выдержки из газетных материалов) источники. К достоинствам монографии стоит отнести точность терминологического аппарата. При помощи историко-генетического и историко-типологического методов авторы прослеживают возникновение массового движения молодежи в США в 1960 гг. и сравнивают его предпосылки с предпосылками расцвета неформальных молодежных организаций и конфликта поколений в России конца 1980 — начала 1990 гг. В работе дано подробное описание неформальных молодежных объединений конца 1980 — начала 1990 гг.: хиппи, металлистов, панков, а также отдельных течений, не сформировавших неформальных организаций или примыкавших к наиболее крупным, имея в некоторых аспектах отличавшиеся философию или традиции.

В целом научный дискурс эпохи «перестройки» вызывает больше интереса, чем историография предыдущей эпохи. Ученые не только указывают сущностные черты молодежных организаций, но и подвергают критическому анализу их деятельность, ищут пути их реформирования.

²⁶ Указ. соч. С. 10.

²⁷ Там же.

²⁸ Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь....: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Политиздат, 1990.

Ранний постсоветский период (1992–1997)

После распада СССР на некоторое время интерес историков к теме советских молодежных организаций, в частности, комсомола, исчезает. Однако появляется ряд работ, посвященных молодежи и молодежным организациям 1990-х гг. Это работы А.С. Запесоцкого²⁹, Р.А. Логуа, О.И. Павловой³⁰ и др.

В работе Р.А. Логуа анализируются экономические проблемы, с которыми сталкивается молодежь попадая на рынок труда в постсоветской России³¹. В контексте нашего исследования данная работа интересна тем, что в ней рассматривается процесс социализации молодежи в том числе посредством участия в различных организациях.

Крайне интересна с позиций типологии и теоретических обобщений монография А.С. Запесоцкого «Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социокультурной интеграции»³². А.С. Запесоцкий выделяет три ценностные модели молодежных субкультур в ранней постсоветской России. Это (а) модель бизнесменов, к ценностям которых относятся деньги и красивая жизнь, для такой субкультуры характерна беспринципность, моральный релятивизм, но в то же время ей присуща деловая хватка, позволяющая выжить в условиях жестокой экономической реальности; (б) модель гопников, люберов и им подобных, идеализирующая блатные ценности и псевдосоциалистические идеалы, этому типу неформальной культуры присуща романтизация тюремной жизни, своя специфическая система неформальных отношений и законов, культ физической силы и криминальный характер деятельности; (в) модель типа «яппи» и «неояппи», которая объединяла выходцев из небогатых семей, стремившихся получить хорошее образование, однако нужно оно им было исключительно в прагматических целях, такие представители молодежи были ориентированы на обеспечение себе в перспективе хорошего качества

²⁹ Запесоцкий А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции [Электронный ресурс]. URL: https://www.gup.ru/uni/rektor/molod_1996.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

³⁰ Павлова О.И. Рабочая молодежь. Проблемы социального развития в 70-е — начале 80-х гг.: на материалах Ленинграда. М., СПб.: ИРИ, 1993.

³¹ Логуа Р.А. Проблемы социализации молодежи в условиях становления рыночной экономики: Автореферат дисс. ... к. филос. н. М., 1992.

³² Запесоцкий А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции [Электронный ресурс]. URL: https://www.gup.ru/uni/rektor/molod_1996.pdf (дата обращения: 15.11.2024).

жизни при помощи освоения каких-то полезных навыков и умений, внимания к своему здоровью и образу жизни.

Помимо таких абстрактных моделей, автор дает исчерпывающую типологию молодежных объединений. Во-первых, молодежные объединения делятся А.С. Запесоцким на государственные и «самодеятельные», последние в 1980–90 гг. преобладали. Во-вторых, самодеятельные молодежные объединения делятся по нормативно-правовому статусу, характеру отношения к традиционным ценностям и культуре. Отдельно от прочих молодежных сообществ ученый рассматривает объединения молодежи клубного типа, выделяя их признаки (статусность, наличие собственной идентичности, преобладание горизонтальных личностных связей над вертикальными, четкие границы сообщества, наличие своего кодекса, регулирующего отношения как внутри группы, так и ее с внешней средой), подчеркивая их главенствующую роль в истории в периоды кризисов, нестабильности, социально-политических изменений.

Отдельные труды, например монография О.И. Павловой³³, касаются социологических исследований региональной молодежи. Массовые социологические исследования и сопоставления с применением инновационных технологий помогают «выявить глубинные закономерности и причинно-следственные связи, влияющие на процесс формирования молодых поколений рабочих»³⁴, поскольку традиционные исторические источники не всегда дают объективную картину событий. Хотя напрямую тематика данного исследования не посвящена молодежным организациям, оно помогает понять, что повлияло на объединение молодежи в те или иные или группы.

Современный период (1998 — настоящее время)

С приближением юбилея комсомола на фоне ностальгии по советскому прошлому и отсутствия в стране столь же авторитетных в молодежной среде организаций масштаба ВЛКСМ снова возрождается интерес научного сообщества к теме советских молодежных организаций. Выходит коллективная монография В.К. Криворученко, В.А. Родионова и О.В. Татарина «Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории»³⁵,

³³ Павлова О.И. Рабочая молодежь. Проблемы социального развития в 70-е — начале 80-х гг.: на материалах Ленинграда. М., СПб.: ИРИ, 1993.

³⁴ Указ. соч. С. 3.

³⁵ Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / В.К. Криворученко и др. М.: Социум, 1997.

в которой ученые сравнивают молодежные организации СССР и Российской Федерации. В 1998 г., когда ВЛКСМ могло бы исполниться 80 лет, в Москве проходит международная научно-практическая конференция «Молодежь и общество на рубеже веков», где обсуждению комсомола посвящена была отдельная секция. На конференции выступили с докладами А.А. Галаган, А.А. Зиновьев, Ю.Р. Вишневский. Эти выступления наметили основные подходы к оценке явления комсомольской организации в отечественной историографии конца 1990-х гг. А.А. Галаган, подчеркнув масштабность ВЛКСМ, воздержался от негативных или позитивных оценок, поскольку эта организация — «феноменальное явление отечественной истории, природа и сущность которого выяснены не до конца»³⁶. А.А. Зиновьев отметил способствование комсомола стабильности в государстве: «Комсомол оказался самой устойчивой организацией, оказавшей самое серьезное сопротивление страшным событиям, начавшимся с 1985 года»³⁷. Ю.Р. Вишневский указал на институциональный кризис комсомола, ставший причиной его упразднения³⁸.

В написанных позднее работах осмысливается роль комсомола в развитии научных исследований³⁹, в построении социалистического общества, в формировании других молодежных организаций и движений⁴⁰. Появляются труды ученых, посвященные ВЛКСМ, выявлению его сущностных характеристик и особенностей⁴¹. В статье М.М. Мухамеджанова «Комсомол: последние десять лет (1981–1991)»⁴² дается подробный анализ причин ликвидации

³⁶ Галаган А.А. Комсомол как исторический феномен // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999. С. 13–14.

³⁷ Зиновьев А.А. Глобальное общество и Россия // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999. С. 45.

³⁸ Вишневский Ю.Р. Уроки институционального кризиса ВЛКСМ // Комсомолу — 80. Вопросы методологии и истории / Под ред. В.К. Криворученко, Б.А. Ручкина. М., 1999. С. 45–54.

³⁹ Плаксий С.И. Роль комсомола в развитии научных исследований проблем молодежи СССР // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 3–38.

⁴⁰ Елисеев А.Л., Леонова О.В. Влияние Комсомола на молодежные движения в советской России // Власть 2020. № 5. С. 229–234; Макеева Е.А. Молодежные организации в истории советского общества // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 777–779.

⁴¹ Ильинский И.М., Луков В.А. Феномен Комсомола и современные тенденции развития молодежного движения в России // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 44–53.

⁴² Мухамеджанов М.М. Комсомол: Последние десять лет (1981–1991) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol (дата обращения: 20.10.2024).

ВЛКСМ. К ним ученый относит изъяны идеологии, оторванность организации от реальной жизни, ориентированность на достижение глобальных целей, в которой рядовой гражданин выступает лишь средством, деградацию правящей элиты и формализацию ряда управленческих процессов. Не отрицается и роль субъективного фактора, когда руководство организации приняло решение о ее ликвидации⁴³.

Новаторской представляется идея о конфликте поколений СССР, ранее сглаживаемом высокой степенью социального обеспечения молодежи со стороны государства и существенно повлиявшем на кризис ВЛКСМ. Экономический кризис конца 1970 гг. обострил этот конфликт на фоне малообеспеченности молодежи. Кроме того, к 1980 гг. повысился уровень образованности молодежи: люди были информированы и имели свою точку зрения, тогда как в 1920 гг. представители рабочего класса или бывшие крестьяне были по большей части безграмотны и легче поддавались идеологической пропаганде.

И.В. Кирдяшкин в статье «Основные тенденции развития Российского союза молодежи»⁴⁴ описывает ключевые этапы развития Российского союза молодежи (РСМ) и основные направления его деятельности. Автор использует историко-генетический метод, подробно излагая процесс формирования Российского союза молодежи, его развития и функционирования. Исследование представляется значимым, поскольку оно позволяет проследить во времени трансформацию советской молодежной политизированной организации ВЛКСМ в своего правопреемника российскую неполитическую организацию РСМ. Сравнению направлений деятельности ВЛКСМ и РСМ посвящена статья Е.С. Мишиной и Т.В. Карадже. Ученые считают преимуществом Российского союза молодежи по сравнению с комсомолом ориентацию его деятельности на личностное развитие своих членов⁴⁵.

⁴³ Мухамеджанов М.М. Комсомол: Последние десять лет (1981–1991) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol (дата обращения: 20.10.2024).

⁴⁴ Кирдяшкин И.В. Основные тенденции развития Российского союза молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 80–85.

⁴⁵ Мишина Е.С., Карадже Т.В. Основные направления деятельности всесоюзного коммунистического ленинского союза молодежи и Российского союза молодежи // Форум молодых ученых. 2021. № 6 (58). С. 530–533.

РСМ — не единственная организация, созданная на основе ВЛКСМ. Политическим преемником комсомола⁴⁶ стал и Союз коммунистической молодежи Российской Федерации (СКМ РФ), образованный в феврале 1999 г. с целью привлечения КПРФ молодежного электората⁴⁷. Деятельности организации посвящен ряд работ ученых⁴⁸, анализирующих ее структуру и политику.

В 2000 гг. возрастает число научных публикаций по теме неформальных организаций 1980–1990 гг. В трудах А.Л. Лучинкиной⁴⁹, Л.Н. Ульямаевой и А.А. Гагариной⁵⁰ представлен экскурс в историю неформального движения России, указывается его изначально протестный политический характер. Е.Д. Твердюкова⁵¹, П.Г. Чистяков⁵² анализируют символику и атрибутику неформальных движений. В.А. Дерикот анализирует причины и итоги процесса трансформации молодежных движений в постсоветской России⁵³.

⁴⁶ Сурова Е.А., Гончарова Н.А. Эволюция целей и стратегии молодежной политики в Российской Федерации // Молодежь и системная модернизация страны. Сборник научных статей 7-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Курск, 2022. С. 259–261.

⁴⁷ Бочкаев А.Р. Деятельность молодежных политических организаций // Власть. 2023. № 2. С. 49–55.

⁴⁸ Елисеева Е.А. Ленинский коммунистический союз молодежи и его роль в формировании политической активности молодежи (на примере ЛКСМ Иркутской области) // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXIII межрегиональной молодежной научно-практической конференции с международным участием. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 355–359. Жеребцова Н.М. Молодежные отделения в российских партиях: идейные и структурные особенности: сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Челябинск: ОУ ВО Южно-Уральский технологический университет», 2022. С. 644–650.

⁴⁹ Лучинкина А.Л. Самоорганизация молодежи в советский и постсоветский периоды в протестные молодежные субкультуры: сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 199–107.

⁵⁰ Ульямаева Л.Н., Гагарина А.А. Роль неформалов в политических акциях в современной России // PolitBook. 2024. № 1. С. 33–34.

⁵¹ Твердюкова Е.Д. Люди мотоциклы: «Ява» как явление советской мотокультуры // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1(25). С. 53–64.

⁵² Чистяков П.Г. Одежда как маркер идентичности к контркультурных сообществах: неформалы и православное духовенство в 1970-е — 1990-е годы // XIV конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. С. 706.

⁵³ Дерикот В. А. Пространство молодёжных движений и организаций России в конце XX — начале XXI века: специфика и особенности исторической трансформации // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 2(27). С. 27–33.

Некоторые исследователи⁵⁴ акцентируют внимание на ценностных аспектах различных молодежных субкультур. Ряд работ ученых⁵⁵ посвящен региональным неформальным движениям указанного периода.

Заключение

Проведенный выше анализ трудов отечественных ученых, объектом исследования которых выступают молодежные организации позднесоветской (1980 гг.) и постсоветской (1990 гг.) России не претендует на исчерпывающие сведения, однако позволяет выделить характерные черты историографии в целом, а также провести ее периодизацию.

Отличительной чертой историографии молодежных организаций является сочетание учеными собственно-исторических методов (историко-генетического, историко-системного, историко-сравнительного) и методов исторической социологии. Примечательно, что наиболее видные советские и российские ученые, такие, как И.М. Ильинский, В.К. Криворученко, занимающиеся изучением молодежных организаций, являются не только историками, но и социологами и активно используют в практике социологические подходы, уместные в силу специфики объекта исследования — объединений социально-возрастной группы (молодежи).

Другой характерной особенностью отечественной историографии молодежных движений России является ее выраженная политизированность в советскую эпоху и снижение политиче-

⁵⁴ Машуков Х. В. Этнический и конфессиональный аспекты молодежной субкультуры народов Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI в: Автореферат дисс. ... к. истор. н. Нальчик, 2021; Табалюк М.А. Сравнительный анализ субкультурных ценностей. Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. С. 120–121; Фокина Д.Д. Советский и постсоветский панк: от антикультуры 1980-х гг. к субкультуре 2000-х гг. // *Filo Ariadne*. 2024. № 1(29). С. 128–136.

⁵⁵ Козодой В.И. Движение сибирских неформалов 1986–1990 гг. // *Вопросы истории*. 2007. № 12. С. 28–43; Семенова К.А. Молодежные субкультуры в общественном мнении саратовцев // *Регион глазами студентов. Межвузовский сборник научных работ студентов*. № 20. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 114–116; Третьякова Н.В. Неформальные объединения среди якутской молодежи в 1980-е — начале 1990-х годов // *Эпоха науки*. 2020. № 24. С. 342–346; Шилов А.И. Общественно-политические организации Свердловской области в период перестройки: задачи и методы работы // *Шаг в историческую науку: Материалы XX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых*. 2020. С. 278–280.

ской ангажированности в раннем постсоветском периоде. Отметим, что, уже начиная с 2000-х гг., когда государство задумается о необходимости политического воспитания молодежи и начнет создавать государственные молодежные институты, уровень политизированности исследований по данной тематике снова станет расти.

К недостаткам отечественной историографии вопроса молодежных организаций следует отнести и терминологические недочеты. В работах исследователей по историографии молодежных организаций 1990-х гг. отсутствует четкое разграничение понятий: молодежная организация, молодежное движение, молодежное течение, что затрудняет систематизацию и структурирование изучаемого объекта. Между тем для периода 1990-х гг. данное терминологическое разграничение представляется крайне важным, поскольку именно тогда получают распространение зародившиеся в конце 1980-х гг. неформальные молодежные течения.

Также к недостаткам историографии стоит отнести отсутствие единого критерия определения молодежи. К примеру, согласно сборнику Госкомстата, к молодежи относят лиц от 16 до 30 лет, у Ильинского («Комсомол в перестройке») молодежь — от 15 до 30 лет.

В историографии молодежных организаций России 1980–1990 гг. целесообразно выделить четыре периода: 1980–1985 — позднесоветский доперестроечный период, 1985–1991 — историография периода «перестройки», 1992–1998 — ранний постсоветский период, отсутствие интереса к комсомолу, на фоне описания неформальных молодежных организаций как уже существовавших, так и стихийно возникающих в девяностые, 1998 — настоящее время — возрождение интереса историков к вопросам молодежной политики и молодежных организаций СССР, теоретическое осмысление и сопоставление советских и современных российских молодежных организаций.

В начале 1980-х гг. ученые, придерживаясь линии партии, пишут о молодежной организации ВЛКСМ, обосновывая ее важную роль в идеологическом воспитании молодежи. Их труды политизированы в рамках лояльного КПСС нарратива, в основной своей массе они обобщают имеющуюся информацию о советской молодежи и молодежных организациях. Несмотря на политическую ангажированность, эти работы ценны своей фундаментальностью и основательным подходом.

С 1985 г. партией реализуется политика «гласности». На этой волне ряд именитых историков молодежи начинают высказывать свою критику ВЛКСМ и предложения по реформированию организации, изжившей себя в том виде, в каком она существовала на тот момент. Ученые, опираясь, в том числе на количественные данные, представляют теоретическое осмысление места молодежи в изменившемся обществе и констатируют необходимость реформ или упразднения в существующем виде советских молодежных организаций.

С распадом СССР происходит закрытие и роспуск официальных советских молодежных организаций, а новых организаций государством не создается. Они возникают стихийно, кроме того, наблюдается расцвет субкультур, рост неформальных молодежных движений и объединений. Интерес ученых на данном этапе перестает фокусироваться на советских официальных молодежных организациях, что связано с кризисом науки в начале 1990-х гг. на фоне экономического кризиса и переосмыслением учеными методов и подходов, а также принципов научного исследования на фоне смены политического нарратива и краха официальной идеологии соцреализма. При этом появляется ряд работ ученых, посвященных неформальным молодежным организациям, однако не все эти труды отличаются четкой классификацией.

К концу 1990 гг. историки вновь начинают интересоваться комсомолом, что связано, с одной стороны, с частичной «реабилитацией» исторической памяти о советском прошлом в позднюю ельцинскую эпоху, с другой стороны, с необходимостью осмысления деятельности возникших новых молодежных организаций, обращения к истории с целью почерпнуть оттуда рабочие методы социализации молодежи и привития ей традиционных ценностей на фоне вестернизации после распада СССР. Кроме того, в обществе появляется осознание, что была упразднена советская система работы с молодежью, а взамен ей ничего столь же эффективного не было создано. Научное сообщество анализирует эту систему в попытке создать аналогичные ей современные модели молодежных организаций. Также появляется ряд исследований ученых, анализирующих общероссийские и региональные неформальные молодежные организации.

Литература

Бочкаев А.Р. Деятельность молодежных политических организаций // Власть. 2023. № 2. С. 49–55.

Бушуев А.С. Система органов ВЛКСМ и молодёжь СССР в годы Перестройки // Ветер Перестройки — 2022: Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2023. С. 410–420.

Вишневский Ю.Р. Уроки институционального кризиса ВЛКСМ // Комсомолу — 80. Вопросы методологии и истории / Под ред. В.К. Криворученко, Б.А. Ручкина. М., 1999. С. 45–54.

Володина Г.В. Участие комсомольских организаций трудовых коллективов в идейно-воспитательной работе школы // Вопросы совершенствования деятельности пионерских и комсомольских организаций в условиях реформы. М.: ВКШ, 1987. С. 73–81.

Галаган А.А. Комсомол как исторический феномен // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999. С. 13–14.

Громов А.В., Кузин О.С. Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.

Дерикот В.А. Пространство молодежных движений и организаций России в конце XX — начале XXI века: специфика и особенности исторической трансформации // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2021. № 2(27). С. 27–33.

Елисеев А.Л., Леонова О.В. Влияние Комсомола на молодежные движения в советской России // Власть 2020. № 5. С. 229–234.

Елисеева Е.А. Ленинский коммунистический союз молодежи и его роль в формировании политической активности молодежи (на примере ЛКСМ Иркутской области) // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы. Материалы XXIII межрегиональной молодежной научно-практической конференции с международным участием. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 355–359.

Жеребцова Н.М. Молодежные отделения в российских партиях: идейные и структурные особенности // Сборник трудов XI Всероссийской (национальной) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Челябинск: ОУ ВО Южно-Уральский технологический университет», 2022. С. 644–650.

Запесоцкий А.С. Молодежь в современном мире: проблемы индивидуализации и социально-культурной интеграции. URL: https://www.gup.ru/uni/rektor/molod_1996.pdf

Запесоцкий А.С., Файн А.П. Эта непонятная молодежь...: проблемы неформальных молодежных объединений. М.: Политиздат, 1990.

Зиновьев А.А. Глобальное общество и Россия // Молодежь и общество на рубеже веков. М., 1999.

Зинченко А. Некоторые особенности и противоречия развития молодежного движения в СССР // Общественные движения и социальная активность молодежи: Материалы Всесоюзной научной конференции «Человек в системе общественных отношений» М., Краснодар: Управление печати и массовой информации краснодарского крайисполкома, 1991. С. 231–242.

Ильинский И.М. Комсомол в перестройке. М., 1987.

Ильинский И.М. ВЛКСМ в политической системе советского общества. М.: Мол. гвардия, 1981.

Ильинский И.М., Луков В.А. Феномен Комсомола и современные тенденции развития молодежного движения в России // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 44–53.

Камалдинова Э.Ш. Теоретические проблемы повышения воспитательной роли комсомола в школе // Вопросы совершенствования деятельности пионерских и комсомольских организаций в условиях реформы. М.: ВКШ, 1987. С. 14–15.

Карафелов А.М. Неформальные молодежные объединения СССР в 80-е — начале 90-х гг. XX в.: историческое исследование: на материалах г. Москвы: Дисс. ... к. истор. н. М., 2009.

Кейзеров Н.М., Ножин Е.А. Идеологическая борьба: вопросы и ответы. М.: Политиздат, 1987.

Кирдяшкин И.В. Основные тенденции развития Российского союза молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 80–85.

Козодой В.И. Движение сибирских неформалов 1986–1990 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 28–43.

Криворученко В.К. Единство цели: некоторые аспекты партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. М., 1980.

Лисов В.И. Ленинский комсомол — активный помощник КПСС в осуществлении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи: 1971–1980 гг.: на материалах областей Центрального Черноземья: Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1984.

Логуа Р.А. Проблемы социализации молодежи в условиях становления рыночной экономики: Автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1992.

Лучинкина А.Л. Самоорганизация молодежи в советский и постсоветский периоды в протестные молодежные субкультуры: сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 199–107.

Макеева Е.А. Молодежные организации в истории советского общества // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 777–779.

Машуков Х.В. Этнический и конфессиональный аспекты молодежной субкультуры народов Кабардино-Балкарии в конце XX — начале XXI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2021.

Мишина Е.С., Карадже Т.В. Основные направления деятельности всесоюзного коммунистического ленинского союза молодежи и Российского союза молодежи // Форум молодых ученых. 2021. № 6(58). С. 530–533.

Молодежное движение в России и Советском Союзе: уроки истории / под ред. В.К. Криворученко и др. М.: Социум, 1997.

Мухамеджанов М.М. Комсомол: Последние десять лет (1981–1991) // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 6. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol

Павлова О.И. Рабочая молодежь. Проблемы социального развития в 70-е — начале 80-х гг.: на материалах Ленинграда. М.; СПб.: ИРИ, 1993.

Плаксий С.И. Роль комсомола в развитии научных исследований проблем молодежи СССР // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 3–38.

Плаксий С.И. Твой молодой современник: Проблема совершенствования образа жизни рабочей молодежи в зеркале социологии. М.: Молодая гвардия, 1982.

Семенова К.А. Молодежные субкультуры в общественном мнении саратовцев // Регион глазами студентов. Межвузовский сборник научных работ студентов. № 20. Саратов: Саратовский источник, 2020. С. 114–116.

Сурова Е.А., Гончарова Н.А. Эволюция целей и стратегии молодежной политики в Российской Федерации // Молодежь и системная модернизация страны. Сборник научных статей 7-й Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Курск, 2022. С. 259–261.

Табалюк М.А. Сравнительный анализ субкультурных ценностей. Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. С. 120–121.

Твердюкова Е.Д. Люди мотоциклы: «Ява» как явление советской мотоциклетной культуры // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2019. № 1 (25). С. 53–64.

Третьякова Н.В. Неформальные объединения среди якутской молодежи в 1980-е — начале 1990-х годов // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 342–346.

Тяпкина Т.Ю. Опыт деятельности молодежных общественных организаций в сферах воспитания, образования и формирования трудовой активности молодежи: 60-е — 80-е годы XX века: Дисс. ... к. истор. н. М., 2013.

Ульмаева Л.Н., Гагарина А.А. Роль неформалов в политических акциях в современной России // *PolitBook*. 2024. № 1. С. 30–48.

Фокина Д.Д. Советский и постсоветский панк: от антикультуры 1980-х гг. К субкультуре 2000-х гг. // *Filo Ariadne*. 2024. № 1(29). С. 128–136.

Чистяков П.Г. Одежда как маркер идентичности к контркультурным сообществам: неформалы и православное духовенство в 1970-е — 1990-е годы // XIV конгресс антропологов и этнологов России: Сборник материалов. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. С. 706.

Шилов А.И. Общественно-политические организации Свердловской области в период перестройки: задачи и методы работы // Шаг в историческую науку: Материалы XX всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. 2020. С. 278–280.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чипенко Никита Сергеевич — аспирант, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: nik-chip@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Chipenko N. — postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *e-mail*: nik-chip@yandex.ru

Адрес редакции: 119991, Москва, МГУ, Шуваловский учебный корпус,
Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4, каб. А-701. Тел.: (495) 930-85-71.

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телевещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации № 1551
от 14 апреля 2003 г.*

Подписано в печать 08.07.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,38.
Уч.-изд. л. 13,84. Тираж 80 экз. Изд. № 13097. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com.

Отдел реализации: тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62

ИНДЕКС 40720 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2073–2643, ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 21.
УПРАВЛЕНИЕ (государство и общество), 2025, № 2, С. 1–246.